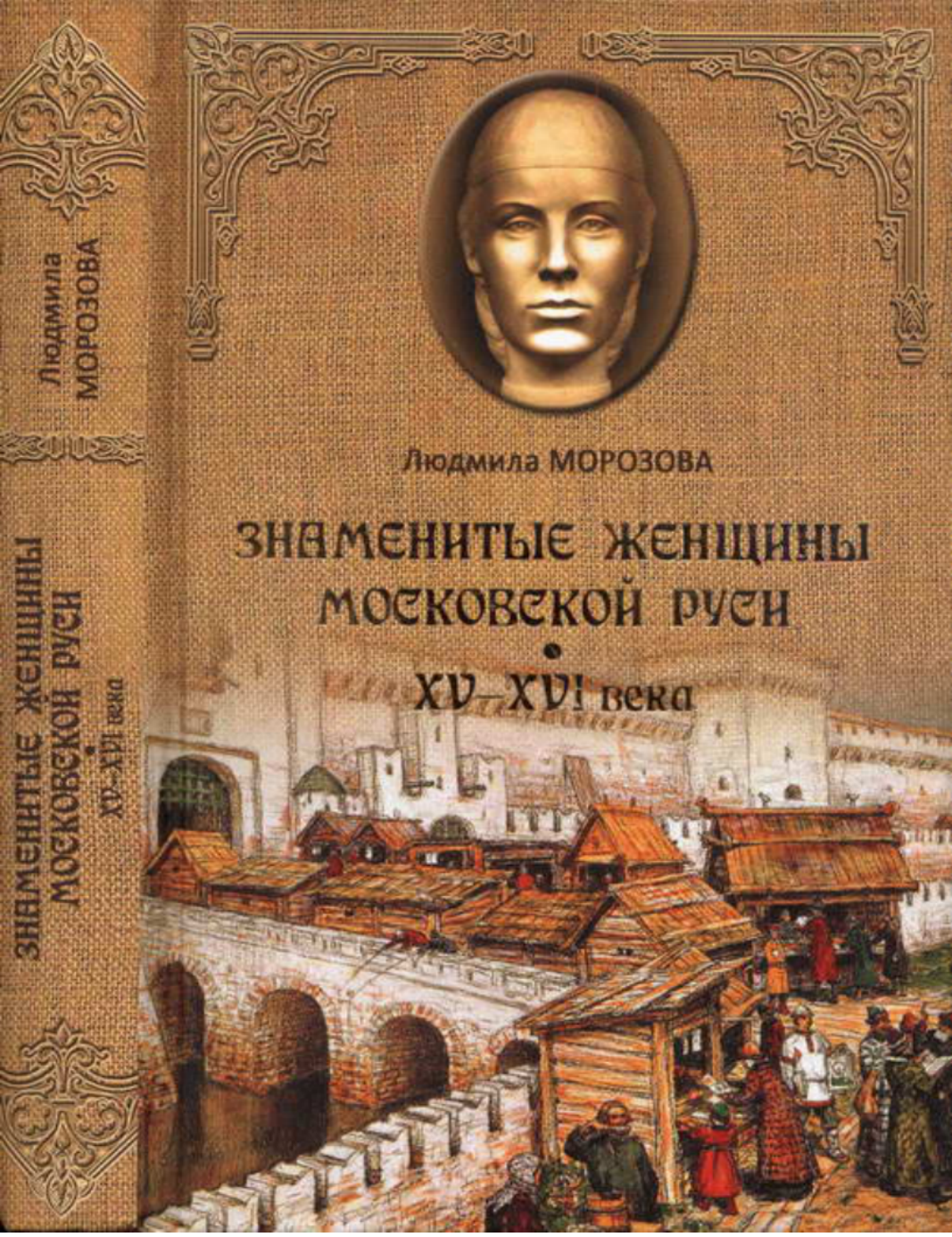
Людмила МОРОЗОВА

ЗНАМЕНИТЫЕ ЖЕНЩИНЫ МОСКОВСКОЙ РУСИ

XV–XVI века



Людмила МОРОЗОВА

ЗНАМЕНИТЫЕ ЖЕНЩИНЫ МОСКОВСКОЙ РУСИ

XV–XVI века

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Эта книга посвящена женщинам, входящим в окружение великого князя и государя Ивана III. Именно они являлись главными его помощницами при создании Русского централизованного государства. Первая супруга, Мария Тверянка, невольно способствовала присоединению к Москве Тверского княжества, а сестра Анна — Рязанского княжества. Вторая супруга, византийская царевна Софья Палеолог, помогла расширить международные контакты и привлечь на русскую службу самых разных специалистов. И, наконец, дочь Елена, став польской королевой, отстаивала интересы отца в Польско-Литовском государстве.

- Людмила МОРОЗОВА
  - ОБРАЗОВАНИЕ РУССКОГО ЦЕНТРАЛИЗОВАННОГО ГОСУДАРСТВА
  - Глава 1.
  - Глава 2.
  - Глава 3.
  - Глава 4.
  - Глава 5.
  - Глава 6.
  - ЗАКЛЮЧЕНИЕ
  - ПРИЛОЖЕНИЕ
  - ИЛЛЮСТРАЦИИ
- comments
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16

- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60

- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104

- ○ 105
- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109
- ○ 110
- ○ 111
- ○ 112
- ○ 113
- ○ 114
- ○ 115
- ○ 116
- ○ 117
- ○ 118
- ○ 119
- ○ 120
- ○ 121
- ○ 122
- ○ 123
- ○ 124
- ○ 125
- ○ 126
- ○ 127
- ○ 128
- ○ 129
- ○ 130
- ○ 131
- ○ 132
- ○ 133
- ○ 134
- ○ 135
- ○ 136
- ○ 137
- ○ 138
- ○ 139
- ○ 140
- ○ 141
- ○ 142
- ○ 143
- ○ 144
- ○ 145
- ○ 146
- ○ 147
- ○ 148

- ○ 149
- ○ 150
- ○ 151
- ○ 152
- ○ 153
- ○ 154
- ○ 155
- ○ 156
- ○ 157
- ○ 158
- ○ 159
- ○ 160
- ○ 161
- ○ 162
- ○ 163
- ○ 164
- ○ 165
- ○ 166
- ○ 167
- ○ 168
- ○ 169
- ○ 170
- ○ 171
- ○ 172
- ○ 173
- ○ 174
- ○ 175
- ○ 176
- ○ 177
- ○ 178
- ○ 179
- ○ 180
- ○ 181
- ○ 182
- ○ 183
- ○ 184
- ○ 185
- ○ 186
- ○ 187
- ○ 188
- ○ 189
- ○ 190
- ○ 191
- ○ 192

- ○ 193
- ○ 194
- ○ 195
- ○ 196
- ○ 197
- ○ 198
- ○ 199
- ○ 200
- ○ 201
- ○ 202
- ○ 203
- ○ 204
- ○ 205
- ○ 206
- ○ 207
- ○ 208
- ○ 209
- ○ 210
- ○ 211
- ○ 212
- ○ 213
- ○ 214
- ○ 215
- ○ 216
- ○ 217
- ○ 218
- ○ 219
- ○ 220
- ○ 221
- ○ 222
- ○ 223
- ○ 224
- ○ 225
- ○ 226
- ○ 227
- ○ 228
- ○ 229
- ○ 230
- ○ 231
- ○ 232
- ○ 233
- ○ 234
- ○ 235
- ○ 236

- ○ 237
- ○ 238
- ○ 239
- ○ 240
- ○ 241
- ○ 242
- ○ 243
- ○ 244
- ○ 245
- ○ 246
- ○ 247
- ○ 248
- ○ 249
- ○ 250
- ○ 251
- ○ 252
- ○ 253
- ○ 254
- ○ 255
- ○ 256
- ○ 257
- ○ 258
- ○ 259
- ○ 260
- ○ 261
- ○ 262
- ○ 263
- ○ 264
- ○ 265
- ○ 266
- ○ 267
- ○ 268
- ○ 269
- ○ 270
- ○ 271
- ○ 272
- ○ 273
- ○ 274
- ○ 275
- ○ 276
- ○ 277
- ○ 278
- ○ 279
- ○ 280

- ○ 281
- ○ 282
- ○ 283
- ○ 284
- ○ 285
- ○ 286
- ○ 287
- ○ 288
- ○ 289
- ○ 290
- ○ 291
- ○ 292
- ○ 293
- ○ 294
- ○ 295
- ○ 296
- ○ 297
- ○ 298
- ○ 299
- ○ 300
- ○ 301
- ○ 302
- ○ 303
- ○ 304
- ○ 305
- ○ 306
- ○ 307
- ○ 308
- ○ 309
- ○ 310
- ○ 311
- ○ 312
- ○ 313
- ○ 314
- ○ 315
- ○ 316
- ○ 317
- ○ 318
- ○ 319
- ○ 320
- ○ 321
- ○ 322
- ○ 323
- ○ 324

- ○ 325
- ○ 326
- ○ 327
- ○ 328
- ○ 329
- ○ 330
- ○ 331
- ○ 332
- ○ 333
- ○ 334
- ○ 335
- ○ 336
- ○ 337
- ○ 338
- ○ 339
- ○ 340
- ○ 341
- ○ 342
- ○ 343
- ○ 344
- ○ 345
- ○ 346
- ○ 347
- ○ 348
- ○ 349
- ○ 350
- ○ 351
- ○ 352
- ○ 353
- ○ 354
- ○ 355
- ○ 356
- ○ 357
- ○ 358
- ○ 359
- ○ 360
- ○ 361
- ○ 362
- ○ 363
- ○ 364
- ○ 365
- ○ 366
- ○ 367
- ○ 368

- ○ 369
- ○ 370
- ○ 371
- ○ 372
- ○ 373
- ○ 374
- ○ 375
- ○ 376
- ○ 377
- ○ 378
- ○ 379
- ○ 380
- ○ 381
- ○ 382
- ○ 383
- ○ 384
- ○ 385
- ○ 386
- ○ 387
- ○ 388
- ○ 389
- ○ 390
- ○ 391
- ○ 392
- ○ 393
- ○ 394
- ○ 395
- ○ 396
- ○ 397
- ○ 398
- ○ 399
- ○ 400
- ○ 401
- ○ 402
- ○ 403
- ○ 404
- ○ 405
- ○ 406
- ○ 407
- ○ 408
- ○ 409
- ○ 410
- ○ 411
- ○ 412

- ○ 413
- ○ 414
- ○ 415
- ○ 416
- ○ 417
- ○ 418
- ○ 419
- ○ 420
- ○ 421
- ○ 422
- ○ 423
- ○ 424
- ○ 425
- ○ 426
- ○ 427
- ○ 428
- ○ 429
- ○ 430
- ○ 431
- ○ 432
- ○ 433
- ○ 434
- ○ 435
- ○ 436
- ○ 437
- ○ 438
- ○ 439
- ○ 440
- ○ 441
- ○ 442
- ○ 443
- ○ 444
- ○ 445
- ○ 446
- ○ 447
- ○ 448
- ○ 449
- ○ 450
- ○ 451
- ○ 452
- ○ 453
- ○ 454
- ○ 455
- ○ 456

- ○ 457
- ○ 458
- ○ 459
- ○ 460
- ○ 461
- ○ 462
- ○ 463
- ○ 464
- ○ 465
- ○ 466
- ○ 467
- ○ 468
- ○ 469
- ○ 470
- ○ 471
- ○ 472
- ○ 473
- ○ 474
- ○ 475
- ○ 476
- ○ 477
- ○ 478
- ○ 479
- ○ 480
- ○ 481
- ○ 482
- ○ 483
- ○ 484
- ○ 485
- ○ 486
- ○ 487
- ○ 488
- ○ 489
- ○ 490
- ○ 491
- ○ 492
- ○ 493
- ○ 494
- ○ 495
- ○ 496
- ○ 497
- ○ 498
- ○ 499
- ○ 500

- ○ 501
- ○ 502
- ○ 503
- ○ 504
- ○ 505
- ○ 506
- ○ 507
- ○ 508
- ○ 509
- ○ 510
- ○ 511
- ○ 512
- ○ 513
- ○ 514
- ○ 515
- ○ 516
- ○ 517
- ○ 518
- ○ 519
- ○ 520
- ○ 521
- ○ 522
- ○ 523
- ○ 524
- ○ 525
- ○ 526
- ○ 527
- ○ 528
- ○ 529
- ○ 530
- ○ 531
- ○ 532
- ○ 533
- ○ 534
- ○ 535
- ○ 536
- ○ 537
- ○ 538
- ○ 539
- ○ 540
- ○ 541
- ○ 542
- ○ 543
- ○ 544

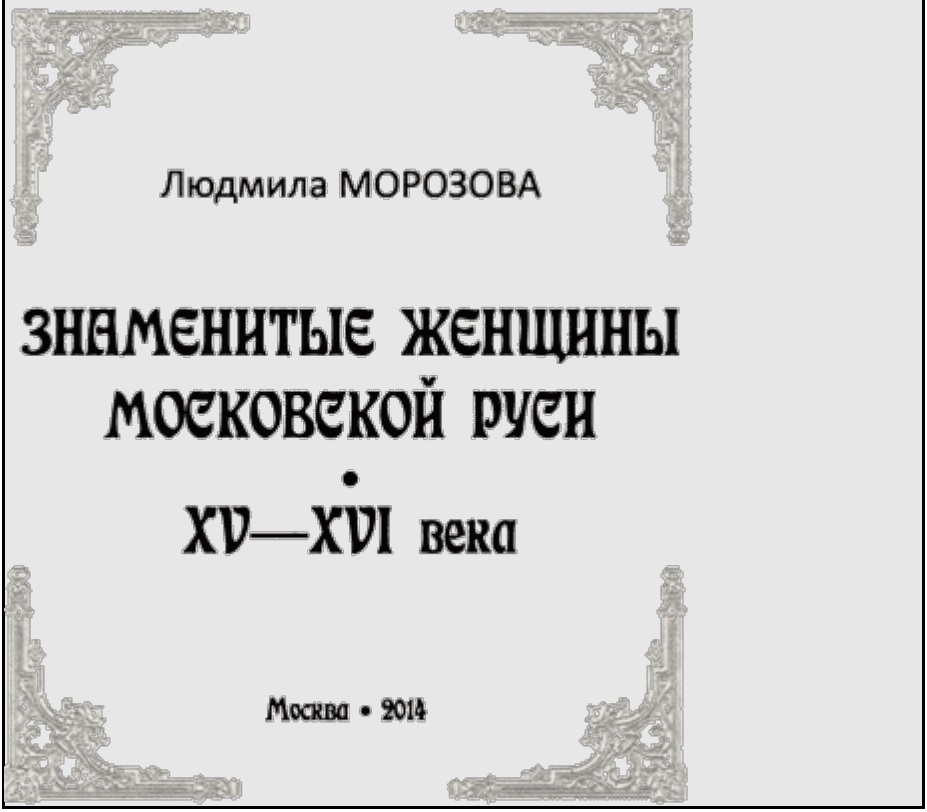
- ○ 545
- ○ 546
- ○ 547
- ○ 548
- ○ 549
- ○ 550
- ○ 551
- ○ 552
- ○ 553
- ○ 554
- ○ 555
- ○ 556
- ○ 557
- ○ 558
- ○ 559
- ○ 560
- ○ 561
- ○ 562
- ○ 563
- ○ 564
- ○ 565
- ○ 566
- ○ 567
- ○ 568
- ○ 569
- ○ 570
- ○ 571
- ○ 572
- ○ 573
- ○ 574
- ○ 575
- ○ 576
- ○ 577
- ○ 578
- ○ 579
- ○ 580
- ○ 581
- ○ 582
- ○ 583
- ○ 584
- ○ 585
- ○ 586
- ○ 587
- ○ 588

- ○ 589
- ○ 590
- ○ 591
- ○ 592
- ○ 593
- ○ 594
- ○ 595
- ○ 596
- ○ 597
- ○ 598
- ○ 599
- ○ 600
- ○ 601
- ○ 602
- ○ 603
- ○ 604
- ○ 605
- ○ 606
- ○ 607
- ○ 608
- ○ 609
- ○ 610
- ○ 611
- ○ 612
- ○ 613
- ○ 614
- ○ 615
- ○ 616
- ○ 617
- ○ 618
- ○ 619
- ○ 620
- ○ 621
- ○ 622
- ○ 623
- ○ 624
- ○ 625
- ○ 626
- ○ 627
- ○ 628
- ○ 629
- ○ 630
- ○ 631
- ○ 632

- ○ 633
- ○ 634
- ○ 635
- ○ 636
- ○ 637
- ○ 638
- ○ 639
- ○ 640
- ○ 641
- ○ 642
- ○ 643
- ○ 644
- ○ 645
- ○ 646
- ○ 647
- ○ 648
- ○ 649
- ○ 650
- ○ 651
- ○ 652
- ○ 653
- ○ 654
- ○ 655
- ○ 656
- ○ 657
- ○ 658
- ○ 659
- ○ 660
- ○ 661
- ○ 662
- ○ 663
- ○ 664
- ○ 665
- ○ 666
- ○ 667
- ○ 668
- ○ 669
- ○ 670
- ○ 671
- ○ 672
- ○ 673
- ○ 674
- ○ 675
- ○ 676

- ○ 677
- ○ 678
- ○ 679
- ○ 680
- ○ 681
- ○ 682
- ○ 683
- ○ 684
- ○ 685
- ○ 686
- ○ 687
- ○ 688
- ○ 689
- ○ 690
- ○ 691
- ○ 692
- ○ 693
- ○ 694
- ○ 695
- ○ 696
- ○ 697
- ○ 698
- ○ 699
- ○ 700
- ○ 701
- ○ 702
- ○ 703
- ○ 704
- ○ 705
- ○ 706

Людмила МОРОЗОВА
ЗНАМЕНИТЫЕ ЖЕНЩИНЫ МОСКОВСКОЙ РУСИ



ОБРАЗОВАНИЕ РУССКОГО ЦЕНТРАЛИЗОВАННОГО ГОСУДАРСТВА

В конце XV в. началось образование Русского централизованного государства со столицей в Москве. Этот процесс начался в правление одного из наиболее выдающихся великих князей Московских — Ивана III. По поводу этого важного периода знаменитый историк Н.М. Карамзин писал следующее: «Отселе история наша приемлет достоинство истинно государственной, описывая уже не бессмысленные драки княжеские, но деяния царства, приобретающего независимость и величие… Образуется держава сильная, как бы новая для Европы и Азии, которые, видя оную с удивлением, предлагают ей знаменитое место в их системе политической»[{1}].

При Иване III Московская Русь окончательно освобождается от ордынского ига и превращается в сильную европейскую державу. За великим князем закрепляется титул «государь всея Руси», гербом страны становится византийский имперский символ — двуглавый орел, хотя и остается прежний символ — «Всадник, борющийся со змеем».

В течение всего длительного правления Иван III активно собирает «под своей рукой» земли распавшегося Древнерусского государства. В итоге под его властью оказываются Новгород со всеми окрестностями, бывшие Тверское, Новгород-Северское, Стародубское, Брянское, Торопецкое и другие западные княжества. Начинается освоение земель в районе Перми и за Уралом, Казанское ханство признает свою вассальную зависимость от русского государя. Расширяются международные контакты, итальянскими архитекторами заново отстраивается столица Москва, чеканится монета, отливаются пушки.

Данные великие деяния, несомненно, были не под силу одному человеку Их великий князь мог совершить только с помощью надежных бояр, воевод, дипломатов и других окружающих его лиц. В числе их были и женщины, среди которых, несомненно, главное место занимала византийская царевна Софья Палеолог. Именно ей некоторые современники приписывали инициативу по свержению ордынского ига. Она привезла с собой на Русь итальянских архитекторов, ювелиров, литейщиков и других мастеров. Брак с ней позволил Ивану III заимствовать византийский герб. С ее помощью у Русского

государства существенно расширились международные контакты с европейскими державами.

Были в окружении Ивана III и другие женщины, оказавшие ему помощь в укреплении власти и расширении границ страны. Это первая супруга тверская княжна Мария Борисовна, невестка Елена Волошанка, дочь Елена, ставшая польской королевой, сестра Анна — великая княгиня Рязанская и др.

Известно, что брак с Марией Тверянкой был использован Иваном III как основание для присоединения к Москве Тверского княжества. Сестра Анна, выйдя замуж за рязанского князя, вольно или невольно способствовала присоединению Рязанского княжества к Москве. Елена Волошанка помогала расширить всевозможные контакты Русского государства с ведущими странами Европы. Дочь Елена всячески склоняла православных князей в Великом княжестве Литовском переходить на службу к отцу вместе со своими землями. Позднее родственники выбранной Иваном III в невесты сыну Соломонии Сабуровой верно служили русским государям.

Все это указывает на то, что роль каждой из этих женщин в расширении границ державы Ивана III, в увеличении числа международных и культурных связей с европейскими странами и в целом в укреплении могущества страны была существенной.

Рассмотрим подробнее все сюжеты, связанные с жизнью и деятельностью каждой из этих женщин, и попробуем определить их роль в создании Русского централизованного государства.

Глава 1.
ПЕРВАЯ СУПРУГА ИВАНА III МАРИЯ БОРИСОВНА ТВЕРЯНКА

В исторической литературе вопрос о нервом браке Ивана III с тверской княжной Марией Борисовной достаточно хорошо изучен. Многие исследователи считают, что данная женитьба не оказала особого влияния на все правление государя и имела лишь то положительное значение, что позволило его старшему сыну Ивану претендовать на Тверское княжение. Действительно, брак с Марией был непродолжительным, о каком-либо ее влиянии на государя данных нет, однако возникает вопрос: почему эта на первый взгляд мало заметная женщина умерла настолько внезапно, что современники не сомневались в ее отравлении? Для каких придворных кругов и почему великая княгиня представляла опасность? Кому и чем она мешала? Прямых ответов на эти вопросы в литературе нет, поэтому постараемся рассмотреть подробно все сведения в источниках, касающиеся тверской княжны.

ИСТОЧНИКИ

Основными источниками о браке Ивана III с Марией Борисовной являются летописи конца XV в. и XVI в. Это Тверская и Никаноровская летописи, Московский свод конца XV в., краткие или сокращенные летописцы конца XV в., Ермолинская, Симеоновская, Львовская, Воскресенская и некоторые более поздние летописи XVI в.

Интересным ранним источником является и «Похвальное слово о тверском князе» инока Фомы, созданное в 1453 г.

Из летописных памятников наиболее ранним источником о княжне Марии является Тверская летопись конца XV в. В ней описаны обстоятельства прихода к власти в Твери отца Марии — великого князя Бориса Александровича. Это произошло в 1425 г., когда в один год из-за эпидемии умерли великие князья Тверские Иван Михайлович, Александр Ивановичи и Юрий Александрович{2}.

В летописи при описании правления Бориса Александровича постоянно подчеркивалось, что он был в исключительно

дружеских отношениях с великим князем Московским Василием II и помогал ему в борьбе с соперниками. Так, после поражения от Юрия Звенигородского в 1433 г. Василий прибежал в Тверь с матерью и женой, во время похода на Новгород в 1440 г. великий князь Московский привлекал и тверское войско, во время пожара в Москве в 1445 г. великая княгиня Софья Витовтовна пыталась найти убежище в Твери. Туда же отъехали московские бояре, когда Василий II потерял престол и был сослан в Вологду. В Москве в это время стал править Дмитрий Шемяка[3].

Из других источников известно, что отношения между Василием II и Борисом Тверским были не столь идеальными и добрососедскими. Например, в Московском своде конца XV в. писалось, что Борис Александрович в 1445 г. поверил слухам о том, что Василий II, находясь в татарском плену, обещал хану отдать Москву, а сам собирался захватить Тверь. Это настроила тверского князя крайне отрицательно по отношению к великому князю Московскому[4].

Поэтому напрашивается предположение о том, что Тверская летопись писалась после присоединения Твери к Москве, но с использованием местных источников, поскольку в ней содержатся данные, отсутствующие в памятниках московского происхождения. Так, в ней подчеркнуто, что именно Борис Александрович сосватал за старшего сына Василия II свою дочь Марью. Он же после этого снабдил великого князя пушками, поскольку жители Углича отказывались ему подчиняться[5].

Только в Тверской летописи сообщено о смерти матери княжны Марии — великой княгини Анастасии, случившейся 12 февраля 1451 г.[6] Она была дочерью князя Андрея Дмитриевича Можайского и, соответственно, приходилась двоюродной сестрой Василию II и родной сестрой одному из его противников Ивану Андреевичу Можайскому.

В Тверской летописи указано, что именно Борис Александрович «выдал на Москву» свою дочь Марию в канун Троицына дня 1452 г. В следующем 1453 г. он сам вновь женился, взяв в жены княжну Анастасию, дочь суздальского князя Александра Васильевича. В этом браке у него вскоре родился сын Михаил, унаследовавший тверской престол в 1461 г. после смерти Бориса Александровича[7].

В Тверской летописи сообщено, что в возрасте 17 лет в 1471 г. Михаил Борисович женился на дочери литовского князя Семена Олельковича Софии, которая приходилась внучкой княгине Анастасии Васильевне, сестре Василия II, соответственно, Ивану III София приходилась троюродной сестрой[8].

В итоге у тверских князей получалось двойное родство с

московским правящим домом. Правда, София не оставила потомство и вскоре умерла. Новый брак Михаил Борисович захотел заключить с родственницей польского короля Казимира, что очень не понравилось Ивану III, враждовавшему с поляками. В Тверской летописи зафиксированы факты ухудшения отношений между Тверью и Москвой в 1483 г. Но Марии Борисовны в это время уже не было в живых. В Тверской летописи об этом, правда, не писалось[9].

Еще одной летописью, сообщавшей о Марии Борисовне, является Московский свод конца XV в. В нем помещены сведения о том, что тверской князь Борис Александрович в 1445 г. поддержал противников Василия II, поскольку поверил слухам о том, что тот намеривался захватить Тверское княжество[10].

В этом памятнике отмечено, что именно Василий II был инициатором обручения своего сына Ивана с тверской княжной Марьей, а не Борис Александрович. Он же и женил его 4 июля 1452 г.[11]

В Московском своде есть данные о смерти тверского князя Бориса Александровича в 1461 г., о восшествии на престол в Твери его сына Михаила, о рождении у Марии Борисовны сына Ивана 15 февраля 1458 г. Но при этом имя княгини нигде не упоминалось[12].

Позднее известия Московского свода были повторены в нескольких летописях: Симеоновской, Софийской и Устюжской, но с небольшими сокращениями и добавлениями[13].

Последнее событие в своде, касающееся Марии Борисовны, — ее смерть в 3 часа ночи 22 апреля 1467 г. и похороны 24 апреля в храме Вознесенского монастыря. Их описание не содержит никаких подробностей[14].

Интересные сведения а пребывании в Твери Василия II с семьей в 1447 г. содержит Ермолинская летопись. В ней отмечено, что после того, как игумен Кириллова монастыря Трифон благословил великого князя Московского на борьбу за свой престол, тот отправился к Тверскому рубежу. Отсюда Василий II послал Борису Александровичу грамоту, в которой написал, что если тот не поддержит его в борьбе с Шемякой и своим шурином можайским князем Иваном Андреевичем, то он разорит тверские земли[15].

Данное сообщение летописи вызывает сомнение, поскольку находящийся в изгнании великий князь вряд ли мог в это время угрожать тверскому князю. Он сам нуждался в его поддержке.

По версии Ермолинской летописи, Борис Александрович подчинился Василию II и пригласил к себе в Тверь. Там князья «сосваташася». Никаких других подробностей по поводу этого

события в летописи нет[16].

О женитьбе Ивана III в летописи сообщено, что великий князь сам «поят княжну Марью, дщерь великого князя Бориса Александровича Тверского». Об участии его отца в данном событии сведений нет[17].

В Ермолинской летописи указано прозвище Марии Борисовны — Тверянка. Впервые оно содержится в известии о рождении сына Ивана: «Тое же зимы (1458 г. — *Л.М.),* месяца февраля 15, на память святого апостола Анисима, на 1 недели святого поста, в среду, князю великому Ивану Васильевичу родися сын Иван, у великой княгини Марьи, у Тверянки»[18].

Эта дата точная для сентябрьского года. В мартовском году 15 февраля приходилось на четверг. Вполне вероятно, что ее зафиксировал современник, поскольку она подробна и точна.

Последние данные о Марии — ее кончина 22 апреля 1467 г. Никаких подробностей по поводу этого события в Ермолинской летописи нет[19].

В Никаноровской летописи, которая датируется исследователями второй половиной XV в., сведения о Марии Борисовне очень краткие. Но в ней подчеркнуто, что главную роль в женитьбе Ивана III на тверской княжне сыграл его отец Василий II. Он сначала обручил сына с дочерью Бориса Александровича Тверского, а потом женил его на ней 4 июня 1452 г.[20]Эта версия представляется вполне достоверной, поскольку на момент женитьбы Ивану III было только 12 лет. Выбирать сам невесту он еще не мог.

Сообщение о смерти Марии Борисовны в Никаноровской летописи такое же краткое, как в Московском своде и Ермолинской летописи[21].

Только в сокращенном своде 1493 г. отмечено, что в день смерти Марии Иван III находился в Коломне. Видимо, поэтому похороны состоялись не на следующий день, как было принято, а только 24 апреля[22].

Интересно отметить, что в летописях XVI в. не только повторяются версии ряда событий из ранних летописей, но и появляются новые подробности, касающиеся обстоятельств смерти Марии Борисовны.

Так в Воскресенской летописи отмечено, что великий князь Василий II сам и обручил своего сына, и женил его на тверской княжне Марии Борисовне (как в Никаноровской летописи и Московском своде конца XV в.)[23].

Но при этом в данной летописи более подробно описана кончина великой княгини: «Тое же весны апреля 22, в среду, 4 неделя по Пасхе, противу четвертка, в 5 ночи преставися

благочестивая и христолюбивая, добрая и смиренная великая княгиня Мария Иванова, дщерь великого князя Тверского Бориса Александровича, во граде Москве. Митрополит Филипп над нею пев обычная песни и положи ю в монастыри, в церкви святого Вознесения. Ту сущу над нею бывши свекрови еа, великая княгиня Мария; князю же великому Ивану тогда бывшу на Коломне»[24].

Следует отметить, что дата смерти Марии в Воскресенской летописи точная — 22 апреля 1467 г. — приходилось на среду. Правда, в других летописях писалось о том, что княгиня скончалась не в 5 часов ночи, а в 3 часа, но день недели нигде не был указан. Не сообщалось в них и об участии в траурной церемонии митрополита Филиппа и великой княгини Марии Ярославны. Поэтому можно предположить, что данное известие о кончине Марии Борисовны сначала было записано очевидцем, а потом попало в Воскресенскую летопись.

Но могло быть и так, что сообщенные подробности были реконструированы самим создателем летописи. День недели он мог высчитать по пасхальным таблицам. Зная об отсутствии великого князя в Москве, мог предположить, что в похоронах участвовали только митрополит Филипп и великая княгиня Мария Ярославна.

Необходимо подчеркнуть, что в ранних летописях сообщалось об отсутствии великого князя только в момент смерти Марии. О похоронах в них ничего не писалось. Учитывая, что эта церемония состоялись 24 апреля, можно предположить, что великий князь успел прибыть из Коломны для участия в ней. Это ставит под сомнение достоверность сообщения Воскресенской летописи.

Иные подробности о браке и смерти Марии в Львовской летописи, в основе которой, по мнению ряда исследователей, лежал свод 1518 г.[25]

Во-первых, в ней сообщено, что обручение княжича Ивана и княжны Марии состоялось по требованию тверского князя Бориса Александровича. Тот якобы пригрозил Василию II, что выдаст его Дмитрию Шемяке, если тот не женит своего сына на его дочери. В итоге, по версии Львовской летописи, великий князь Василий Васильевич «неволею обруча» Марию и Ивана[26].

Во-вторых, в Львовской летописи дважды сообщено о женитьбе Ивана III на Марии Борисовне. Первый раз под 1448 г. с указанием, что брак был заключен по инициативе Василия II[27]. Второй раз под 1452 г., как и в большинстве летописей, с упором на то, что инициатором женитьбы был сам Иван III[28].

Совершенно очевидно, что первое сообщение ошибочное и появилось в Львовской летописи при переписке данных из нескольких источников. Оно, очевидно, относилось не к

заключению брака, а только к помолвке.

В Львовской летописи содержались абсолютно уникальные сведения о смерти Марии Борисовны. Они были записаны явно со слов очевидца: «25 апреля в 3 ночи преставилась великая княгиня Марья великого князя Ивана Васильевича от смертного зелия; занеже познах по тому: покров на ней положиша, ино много свисало его, потом же тело разошлося, ино от покрова много и недостая на тело. И положена бысть в церкви Святого Вознесения на Москве. Тогда же воспалеся князь велики на Олексееву жену на Полуехтова, на Наталью, иже посылала пояс з Боровлевою женою с подьячего казенного к бабе; тогда же и на Олексея исполеся и много, лет шесть, не был у него на очех, едва пожалова его»[29].

Только присутствовавшие на погребении Марии Борисовны люди могли заметить, как распухло тело великой княгини и что покров перестал его закрывать. Из этого факта современники сделали вывод о том, что жену Ивана III отравили. Их имена стали известны великому князю после проведенного расследования. В итоге он наложил опалу на дьяка Алексея Полуехтова и его жену Наталью. Но были ли наказаны некая «баба», изготовившая смертельное зелье, и жена казенного подьячего, которая принесла его великой княгине, автор записи в Львовской летописи не знал. Видимо, все материалы расследования причины безвременной кончины государевой жены не были ему известны. Но в любом случае его данные об этом событии очень важны для исследователей.

Правда, в Львовской летописи иная дата смерти Марии по сравнению с другими летописями — не 22 апреля, а 25-е. Ошибка, видимо, возникла в ходе переписки ранних документов в текст летописи.

Еще одним источником о жизни Марии Борисовны является сочинение Иосифа Волоцкого «Сказание о святых отцах, иже в Русской земле сущих». В нем сообщалось о том, что после обручения юной Марии с княжичем Иваном княжна тяжело заболела. Чтобы спасти дочь от смерти, ее отец Борис Александрович отправил дочь в Савватиеву пустынь к старцу Евфросину Тот не хотел заниматься врачеванием, но тверской князь сказал, что для всей русской земли очень важно, чтобы Мария осталась жива. Ведь ей предстояло «смирить два царства»[30].

Несомненно, что в сочинении Иосифа Волоцкого роль брака Марии и Ивана во взаимоотношениях Московского и Тверского княжеств была сильно преувеличена. Во второй половине XV в. тверские князья уже не соперничали с великими князьями

Московскими и признавали свою менее значимую роль в общероссийском масштабе. К тому же родственные связи между правящими домами Москвы и Твери имели длительную историю. Они начались с брака московской княжны Софьи Юрьевны и тверского князя Константина Михайловича в 1320 г. Затем великий князь Московский и Владимирский Семен Гордый женился на дочери великого князя Тверского Александра Михайловича Марии. После этого женой князя Ивана Холмского из тверской династии стала дочь Дмитрия Донского Анастасия. Заключались и другие браки между представителями боковых ветвей династий московских и тверских князей.

Согласно данным источников получалось, что тверская княжна Мария и московский княжич Иван состояли в довольно близком родстве. По женской линии невеста приходилась троюродной сестрой жениху, поскольку ее мать была дочерью удельного князя Можайского и Верейского Андрея Дмитриевича, сына Дмитрия Донского, Анастасия. Отцом Ивана III, как известно, был сын старшего сына Дмитрия Донского Василия I — Василий II. Видимо, по этой причине в их семье молодых родился только один ребенок.

Интересным источником о помолвке и заключении брака между Иваном и Марией является «Слово похвальное о тверском князе» инока Фомы, написанное в 1453 г. В нем красочно описывалась встреча Василия II с Борисом Александровичем в начале 1447 г. Оба плакали и обнимались. Также «обыматас и плакастася неутешно» княгини «Настасиа и Мария», жены великих князей. Кроме того, в нем было подчеркнуто, что на обручении юных жениха и невесты, Ивана и Марии, собралось очень много людей, в том числе и духовных лиц. Все радовались, что князья породнились{31}.

«Слово похвальное» современно описываемому событию, поэтому его информация вызывает доверие. Согласно ей получалось, что желание поженить детей было обоюдным: и у великого князя Московского Василия II, и у великого князя Тверского Бориса.

Сведения о Марии Борисовне есть и в знаменитых «Записках о Московии» австрийского дипломата Сигизмунда Герберштейна. Но он лишь отметил факт женитьбы Ивана III на тверской княжне, сообщил о рождении у нее сына Ивана и указал, что данный брак позволил великому князю изгнать шурина, тверского князя Михаила Борисовича, в Литву и присоединить Тверское княжество к своим владениям. Никаких данных о причинах смерти великой княгини в этом сочинении нет{32}.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что число

источников, содержащих сведения о Марии Борисовне, не велико. Каких-либо слишком противоречивых фактов они не содержат. На основе их попробуем составить портрет этой великой княгини и определить ее место в жизни первого русского государя Ивана III.

БИОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

В источниках нет точных сведений о том, когда родилась тверская княжна Мария. Но исследователи предполагают, что это произошло в 1442 г., поскольку невеста была моложе будущего мужа, родившегося в 1440 г. Известно также, что ее отец великий князь Борис Александрович сел на тверской престол в 1425 г. после смерти отца и старших братьев{33}.

Матерью Марии, как уже отмечалось, была княжна Анастасия — дочь удельного князя Андрея Дмитриевича и литовской княжны Аграфены Александровны. Их брак был заключен в 1403 г. Аграфена приходилась дочерью стародубскому князю Александру Патрикеевичу, жившему в Литве и умершему в 1402 г. Его отец Патрикий Наримантович с сыновьями Федором и Юрием в 1408 г. выехали из Литвы на службу в Москву Здесь Юрий женился на дочери великого князя Василия I Марии. От него пошли князья Патрикеевы, от Федора — князья Хованские{34}.

В итоге через мать и бабку Мария состояла в родстве с такими видными представителями московского двора, как князь Юрий Патрикеевич, его сын Иван, внуки Василий Патрикеев, Иван Булгак и Даниил Щеня, князьями Хованскими и всеми потомками Дмитрия Донского.

Вполне вероятно, что мать Марии, княжна Анастасия Андреевна, воспитывалась в Москве, поскольку удельные князья в то время владели частью столицы, имели дворы в Кремле и редко жили в своих землях.

Получается, что в Москве Мария отнюдь не была чужой, напротив, здесь ее окружали многочисленные родственники. По своему воспитанию и образованию она ничем не отличалась от женщин московского великокняжеского рода.

Обстоятельства женитьбы Ивана III на Марии Борисовны подробно описаны в ряде летописей. Хотя изложенные в них версии не совсем совпадают, несомненно, что в этом браке были заинтересованы и великий князь Тверской Борис Александрович, и великий князь Московский Василий II. Первому был выгоден союз с сильной Москвой, второй нуждался в помощи тверского

князя в период борьбы за престол с родственниками.

Интересно отметить, что, хотя Борис Александрович был женат на сестре одного из противников Василия II — Ивана Андреевича Можайского, он предпочел вступить в союз не с шурином, а с законным претендентом на московский трон. Вероятно, он понимал, что узурпаторы все же потерпят поражение и заранее мог узнать, что на помощь Василию II из Литвы движутся полки князя Василия Ярославича и его сторонников, намеривавшиеся изгнать Дмитрия Шемяку и Ивана Можайского из Москвы. Ведь в то время Тверское княжество имело с Великим княжеством Литовским общую границу и поддерживало с ним тесные контакты.

В начале 1447 г., когда Борис Александрович узнал, что великий князь Московский находится в Кирилло-Белозерском монастыре, он связался с ним и пригласил к себе в Тверь. Там оба великих князя договорились породниться и обручили своих детей, Марию и Ивана. Жениху в это время едва исполнилось семь лет, а невесте было еще меньше. Оба вряд ли понимали смысл обряда, организованного родителями. Ведь предполагаемый брак носил чисто политический характер и был выгоден правителям обоих княжеств. Мнение детей, естественно, никто не спрашивал.

Ю.Г. Алексеев считал, что установившийся после заключения между Тверью и Москвой договора о «братстве» прочный мир «стал важным фактором политической стабильности» в стране{35}.

После празднества, устроенного по случаю обручения тверской княжны с сыном Иваном 4 июня, Василий II двинулся к Москве и вскоре с помощью своих союзников вновь сел на великокняжеский престол. Правда, локальные бои с Дмитрием Шемякой продолжались еще несколько лет.

Желая окончательно закрепить престол за старшим сыном Иваном, Василий II вскоре провозгласил его своим соправителем — вторым великим князем.

Княжну Марию родители сразу же после обручения стали готовить к будущему замужеству. Целый штат девушек-мастериц шил ей наряды, шубки, летники, рубашки из тонкого шелка и т.д. Ювелиры занялись изготовлением самых различных украшений из золота и драгоценных камней. Все это должно было стать приданым юной тверской княжны. Ведь по договору с Василием II не жених должен был получить земли в качестве приданого невесты, а ее отец, тверской князь Борис Александрович, в благодарность за помощь в борьбе с Шемякой. В Тверской летописи указано, что платой ему за содействие стал город Ржев, но его вскоре захватили поляки{36}.

В разгар свадебных приготовлений мать невесты, великая княгиня Анастасия Андреевна, внезапно скончалась. Это печальное событие произошло 12 февраля 1451 г.{37}

Марии в это время едва исполнилось одиннадцать лет, но отец решил, что к замужеству она готова, и известил об этом отца жениха. Свадьбу назначили на лето 1452 г. Венчание состоялось в канун Троицына дня 4 июня в Успенском соборе Московского Кремля{38}.

Так, юная тверская княжна оказалась в Москве. В общей иерархии великих княгинь Московских она заняла третье место после матери Василия II Софьи Витовтовны и жены Марии Ярославны. В первое время она, видимо, находилась под их опекой и постепенно знакомилась со всеми своими обязанностями.

Прежде всего, Марии полагалось исправно рожать детей — будущих наследников престола. Кроме того, ей следовало обеспечивать мужа красивой одеждой. Для этого она должна была организовать золотошвейную мастерскую, как у свекрови. Мария Ярославна, будучи сама искусной вышивальщицей, руководила работой сразу нескольких мастериц. Изготовленные ими вышивки для вкладов в храмы и монастыри сохранились до наших дней.

Известна и пелена, созданная под руководством Марии Борисовны. Она хранится в ГИМе. По своим размерам это изделие невелико. В центре вышито изображение иконы Смоленской Богоматери, которую в 1456 г. Василий II возвратил в Смоленск. По краям размещены 13 поясных фигур. Среди них покровители Москвы митрополиты Петр и Алексий, покровитель Ивана III Иоанн Златоуст, святой князь-мученик Борис — покровитель отца Марии, креститель Руси князь Владимир, князь-мученик Глеб и другие святые{39}.

Пелена свидетельствует о том, что Мария Борисовна была искусной рукодельницей.

В Твери великий князь Борис Александрович в 1453 г. вновь женился, взяв в супруги дочь суздальского князя Александра Анастасию. Та вскоре подарила ему долгожданного сына-наследника Михаила{40}.

Первое время жизнь в Москве вряд ли была особенно спокойной для юной тверской княжны. Дмитрий Шемяка все еще вынашивал планы по захвату великокняжеского престола, поэтому великий князь Иван был вынужден водить против него полки на Кокшенгу и в устье Ваги{41}.

В апреле 1453 г. страшный пожар опустошил Кремль. Его обитателям, и Марии в том числе, пришлось спасаться на другом берегу Москвы-реки. Потом великокняжеские хоромы

отстраивали заново. Но они остались деревянными, как прежде[42].

Многочисленные жизненные невзгоды, пережитые Софьей Витовтовной, вскоре привели престарелую великую княгиню к кончине. Приняв постриг, она умерла 5 июля 1453 г. и была похоронена в кремлевском Вознесенском монастыре рядом с другой великой княгиней — Евдокией Дмитриевной[43]. С этого времени данный монастырь стал постоянным местом захоронения женщин великокняжеского рода.

Летом 1453 г. в Москву пришла хорошая для великого князя весть, привезенная подьячим Василием Бедой. В Новгороде скончался его главный соперник Дмитрий Шемяка. Согласно людской молве, он умер от отравы, привезенной московским дьяком Стефаном Бородатым. Этот яд он передал посаднику Исааку, а тот подкупил повара Дмитрия Шемяки по имени Поганка. В итоге смертельное зелье оказалось в кушанье из курятины, съеденном князем-мятежником[44].

Избавившись от главного соперника, летом 1454 г. Василий II нанес удар и по его союзнику — князю Ивану Можайскому. По линии матери он приходился Марии Борисовне дядей. Но об этом родстве она уже давно предпочла забыть. Узнав о походе против него великого князя, Иван Андреевич бежал в Литву с женой и детьми[45].

Победу над всеми врагами Василий II решил отметить празднеством «на отпущение иконы Смоленской Богоматери на родину». Ее когда-то привез бежавший из Смоленска князь Юрий Святославич и отдал великому князю Василию I на хранение. Долгие годы святыня стояла в придворном Благовещенском соборе. Но в январе 1456 г. в Москву прибыл смоленский владыка Мисаил и попросил вернуть святую покровительницу его города.

Василий II решил показать смолянам свое великодушие и организовал вместе с митрополитом Ионой торжественную передачу иконы епископу Мисаилу Предварительно с древнего образа была сделана копия, которую украсили дорогим окладом и установили в Благовещенском соборе на том месте, где была Смоленская Богоматерь. Видимо, в это время под руководством Марии Борисовны была изготовлена еще и пелена с образом Смоленской Богоматери в центре. Она должна была напоминать москвичам о возвращенной смолянам святыне.

На проводы Смоленской Богоматери, состоявшиеся 18 января, были приглашены все члены великокняжеской семьи, духовенство, бояре и «весь народ славного града Москвы». Мария со свекровью присутствовали только на литургии в Благовещенском соборе и со слезами последний раз помолились

у святого образа. Василий II с духовенством и боярами проводили смолян с вновь обретенной святыней до Дорогомилова[46].

Когда Мария окончательно повзрослела, она стала настоящей супругой Ивана III. Ведь ей полагалось родить наследника великих князей Московских. Собираясь в поход на Новгород 19 января 1456 г., Василий II, видимо, по этой причине не взял с собой старшего сына. Иван должен был охранять Москву и защищать в ней мать Марию Ярославну и свою молодую супругу Марию Борисовну[47].

Поход на Новгород оказался удачным. Новгородцы поклялись великому князю, что не будут принимать у себя его врагов, и заплатили 10 тысяч рублей серебром за прежние вины[48].

Новые отношения между Марией и супругом также дали положительный результат — 15 февраля 1458 г. княгиня родила сына, которого, как и отца, назвали Иваном. Ведь ему предстояло унаследовать трон своих предков — великих князей Московских, ведущих начало от Ивана Калиты[49].

Можно предположить, что с появлением у Марии сына, ее положение при московском дворе существенно упрочилось. Хотя старшей великой княгиней все еще оставалась Мария Ярославна, но и младшей стали служить молодые и знатные боярыни. Постепенно вокруг нее сформировался свой двор, большую часть которого, видимо, составляли прибывшие с ней из Твери знатные женщины. Ведь местные боярыни входили во двор великой княгини Марии Ярославны.

Иван Васильевич также стал занимать все более важное место в управлении страной. Во время частых отлучек отца он проводил заседания Боярской думы, осуществлял судебную деятельность и отправлял полки на защиту границ в случае надобности. У него уже давно было свое окружение, состоящее из молодых представителей знати. Им предстояло стать его опорой при самостоятельном правлении.

В феврале 1461 г. Мария Борисовна с печалью узнала о кончине отца Бориса Александровича. На тверской престол сел ее юный брат Михаил, лет семи, опекаемый матерью Анастасией[50].

В дела Тверского княжества Василий II пока не стал вмешиваться, поскольку у его юного правителя была взрослая опекунша мать. Иная ситуация сложилась в Рязанском княжестве. Когда в 1457 г. умер великий князь Рязанский Иван Федорович, вслед за супругой, то их юный сын Василий был взят в Москву, а в Рязани стали править московские наместники. Произошло это потому, что опекать юного княжича было некому на родине, московский же князь был его родственником по линии матери[51].

В 1461 г. произошло новое печальное событие — 31 марта

умер митрополит Иона, которого все очень уважали и любили. Организацией похорон пришлось заниматься Ивану Васильевичу, поскольку Василий II находился в это время во Владимире. Он же распорядился о том, чтобы высшие духовные чины собрались в Москву для избрания нового главы Русской церкви. Им уже весной стал ростовский архиепископ Феодосии{52}.

Еще более печальное событие случилось 27 марта 1462 г. — умер «от сухотной болезни» сам великий князь Василий И{53}. На момент кончины отца Иван III был полностью готов к тому, чтобы править самостоятельно. В этом отношении у него был достаточно большой опыт. К тому же и по возрасту, и по семейному положению он уже давно считался зрелым человеком.

Мария Борисовна хотя и скорбела по поводу кончины свекра, но, несомненно, радовалась тому, что вместе с мужем оказалась на московском престоле. Все функции великой княгини теперь перешли именно к ней, а у Марии Ярославны осталась лишь почетная роль вдовы. Правда, Иван III никогда не пренебрегал советами матери и даже включил ее в состав Боярской думы.

С этого времени двор Тверянки окончательно сформировался. В него вошли жены всех видных бояр и князей, и среди них она имела право выбрать фавориток. В ее ведение были отданы и земли, традиционно выделяемые на содержание великих княгинь. Они находились в районе Коломны, Юрьева-Польского и около Москвы.

Но молодая великая княгиня, вероятно, не чувствовала себя абсолютно счастливой. Ведь, кроме одного сына, детей у нее больше не было. Их отсутствие нельзя было объяснить частыми отлучками мужа — он почти все время находился в Москве. Не мешало и здоровье — оба супруга были молоды и полны сил. Причина, видимо, была в их близком родстве, на которое в то время особого внимания не обращали. Но даже по достаточно лояльному в этом вопросе церковному законодательству их брак не был законным, поскольку троюродным родственникам запрещалось друг с другом жениться. Исключение делалось только по настоятельной просьбе родителей молодых. Видимо, великие князья Борис Александрович и Василий II его получили от высшего духовенства.

Следует отметить, что с нарушением этого законодательства был заключен и брак рязанского князя Василия Ивановича с московской княжной Анной Васильевной в 1464 г. Молодые также состояли друг с другом в троюродном родстве. Правда, в их семье появилось даже несколько детей{54}.

Можно предположить, что, желая иметь многочисленное потомство, Мария Борисовна сначала лишь ездила по храмам и

монастырям, где делала щедрые вклады и молилась у чудотворных икон о даровании ей счастья нового материнства. Когда все это не помогло, она по совету жены дьяка Алексея Полуектова Натальи решила обратиться к знахарке. Эта ворожея, видимо, была хорошо известна своими снадобьями среди жен дьяков и подьячих.

Наталья сама не рискнула идти к «бабе» и отправила к ней свою знакомую — жену казенного подьячего Боровлева. Та узнала, что для проведения обряда «на зачатие» нужно принести пояс великой княгини. В источниках не указано, сама ли Мария Борисовна дала Татьяне свой пояс или она взяла его без спроса. Известен лишь итог — надев пояс, супруга Ивана III скончалась в 3 часа ночи 22 апреля 1467 г. Ей было не больше 25 лет[55].

Сейчас трудно определить, почему побывавший у колдуньи пояс вызвал такую скорую смерть великой княгини. Возможно, он был пропитан каким-то сильнодействующим отравляющим веществом. Вероятнее всего, это был водный раствор солей мышьяка, хорошо известного в то время. Испаряясь, это вещество привело великую княгиню к смерти.

В ночь гибели Марии Борисовны Ивана III не было в Москве. Он находился в Коломне по делам[56]. Отравители, видимо, полагали, что в отсутствие великого князя их злодеяние не обнаружится. Ведь в то время не умели определять причину смерти людей и хоронили их без каких-либо расследований.

Похороны полагалось организовать на следующий день, т.е. уже 23 апреля великую княгиню должны были предать земле. Но из-за отсутствия Ивана III и зная его крутой нрав, бояре не решились этого сделать. Они лишь установили гроб с телом княгини в храме Вознесенского монастыря и прикрыли его красивым покровом. Однако уже на следующий день выяснилось, что покров мал и не прикрывает раздувшееся тело. Тогда все поняли, что Мария Борисовна умерла не своей смертью, а была отравлена. В то время уже знали, что увеличивающееся в объеме тело умершего свидетельствовало о наличии в нем яда.

Прибывший из Коломны Иван III это тоже понял и начал расследование. В ходе его были выявлены участницы отравления: жена дьяка Алексея Полуектова Наталья, жена подьячего Боровлева и бабка-ворожея. Всех их, видимо, казнили. Самого дьяка Полуектова, который, скорее всего, даже не знал о действиях жены, выслали из Москвы на шесть лет[57].

Но вполне вероятно, что те, кто задумал и спланировал убийство Марии Борисовны, остались в стороне, поскольку действовали хитро и осторожно. Сначала кто-то из них посоветовал великой княгине обратиться к знахарке за снадобьем

для деторождения и убедил ее в том, что средство абсолютно безопасное и верное. Когда великая княгиня решилась последовать этому совету, знахарку подкупили и велели вместо целебных трав использовать сильный яд. Обо всем этом ни Наталья Полуектова, ни жена подьячего, посылавшие пояс Марии к «бабе», вероятнее всего, не знали. Ведь для них убивать Марию Борисовну, свою благодетельницу, не имело никакого смысла.

Сейчас очень трудно определить, кому конкретно была выгодна смерть «благочестивой, христолюбивой, доброй и смиренной» великой княгини Марии Борисовны — так характеризовали ее некоторые современники{58}.

Возможно, некоторые московские бояре боялись, что великая княгиня с сыном будут покровительствовать своим тверским родственникам, которые в 60-х гг. XV в. начали переходить на московскую службу. В числе их был князь Д.Д. Холмский из старшей ветви великих князей Тверских. Он тут же получил боярство и стал ведущим полководцем{59}.

Это не могло не возмутить представителей старомосковской знати: Ратшичей, Кобылиных, Сабуровых, Плещевых. Одновременно недовольство могло вызывать и возвышение родственников Марии по бабке — князей Гедиминовичей. Судя по обрушившейся на Патрикеевых опале в 1499 г., недругов у потомков литовского князя Наримонта было очень много при московском дворе.

Родственные связи великой княгини с целым рядом новых лиц при московском дворе превращали и ее саму в важную фигуру у престола Ивана III. Исследователи почему-то никогда не обращали на это внимания. Видимо, поэтому смерть Марии они считали случайностью.

Представители московской знати могли опасаться, что Мария Борисовна будет ходатайствовать за своего дядю Ивана Андреевича Можайского, бежавшего в Литву. Вернувшись на родину, тот мог назвать имена своих сторонников в Москве, которые подсказали ему и Дмитрию Шемяке, как застать Василия II врасплох, схватить его без охраны в Троице-Сергиевом монастыре и ослепить.

С именем Марии Борисовны могла быть связана также опала на брата Марии Ярославны, удельного князя Василия Ярославича. Он несколько лет являлся верным союзником Василия II и вдруг летом 1457 г. был схвачен и отправлен в заточение в Углич без каких-либо публичных объяснений. Поскольку в источниках нет никаких данных об его проступках, то напрашивается предположение о том, что князя оговорили. Пытавшиеся его освободить в 1462 г. дети боярские тоже были кем-то выданы и

казнены[60].

Конечно, никаких точных данных о том, что в деле Василия Ярославича была замешана Мария Борисовна, нет. Можно лишь предположить, что порочащая Василия Ярославича информация поступила из Литвы, где как раз находился дядя Марии князь Иван Андреевич. Желая вернуться на родину, он мог специально собирать интересующую Ивана III информацию и передавать ее через племянницу, великую княгиню Марию Борисовну

Характерно, что все это происходило незадолго до кончины Марии в 1467 г.

В любом случае совершенно очевидно, что отравители умышленно подставили под удар жен дьяка Полуектова и подьячего Боровля, чтобы скрыть свое участие в этом деле.

Иван III, видимо, понял это, поэтому сурово не наказал дьяка и подьячего. Они лишь на время были отстранены от службы. Позднее имя дьяка Алексея Полуектова вновь стало встречаться в документах[61]. Известен и Иван Тимофеевич Боровлев в качестве дьяка Василия III[62]. Значит, кончина великой княгини не отразилась на их карьере.

Смерть молодой великой княгини, несомненно, опечалила не только ее мужа, но и свекровь Марию Ярославну. Этот вывод можно сделать из того факта, что сразу же после похорон она занялась реконструкцией собора Вознесенского монастыря. Когда-то его заложила еще жена Дмитрия Донского Евдокия Дмитриевна. Потом строительством храма занималась великая княгиня Софья Витовтовна, но не успела покрыть его куполом. Мария Ярославна пригласила для завершения постройки известного зодчего В.Д. Ермолина. Тот свел своды и обложил собор камнем. В итоге он стал очень красивым и уже постоянно использовался в качестве усыпальницы великих княгинь[63].

Подводя итог жизни Марии Борисовны, следует отметить, что какого-либо самостоятельного следа в истории Русского государства она не оставила. В источниках нет никаких сведений об ее конкретной деятельности. Брак с ней Ивана III был типичным для того времени и был заключен по политическим соображениям их родителей. Но при этом он имел исключительно выгодные для московских государей последствия — давал право сыну Марии претендовать на Тверское княжество.

Ловкий политик Иван III сразу же понял, что сыновья Марии Борисовны — старшей дочери великого князя Тверского Бориса Александровича от первой супруги — имели некоторые права на тверской престол, поскольку ее брат Михаил был от второй супруги. Но сама княгиня претендовать на верховную власть не могла, поскольку была замужем. Самостоятельно править ей не

полагалось.

Иное положение было у ее сына Ивана. У него были все основания претендовать на Тверское княжество в качестве старшего внука великого князя Бориса Александровича Тверского. К тому же тверской князь Михаил Борисович, брат Марии, был бездетен.

В Тверской летописи наглядно отражено, насколько напряженно складывались отношения между Москвой и Тверью в 80-х гг. XV в., после смерти бездетной супруги Михаила Борисовича Софьи. В это время Иван Иванович женился на молдавской княжне Елене Стефановне, и у них вскоре родился сын Иван.

По случаю своего бракосочетания в 1483 г. Иван Иванович отправил дяде в Тверь подарки: вино и вышитые жемчугом полотенца. Они были приняты, но без особой благодарности{64}.

По случаю рождения маленького Ивана в Тверь вновь был отправлен посланец, но Михаил Борисович без какого-либо объяснения выслал его вон и не разрешил встретиться со своей матерью{65}.

Причиной столь грубого обращения с гонцом Ивана Ивановича могло быть только неприкрытое раздражение тверского князя из-за того, что у племянника уже есть наследник, а у него самого его до сих пор нет.

Желая противопоставить себя московским родственникам, Михаил Борисович решил жениться на внучке польского короля Казимира, с которым у Ивана III были напряженные отношения. Это уже выглядело как измена Москве.

Мириться с вызывающим поведением тверского князя великий князь Московский не стал. Летом 1486 г. во главе большого войска с братьями Андреем и Борисом и сыном Иваном он направился к Твери. Михаил Борисович не рискнул вступить с ним в бой и бежал в Литву Его мать великая княгиня Анастасия и тверские бояре были взяты в плен и отправлены в Москву. По воле отца на тверской престол был возведен сын Марии Борисовны Иван. В летописи по этому поводу было записано так: «Тверью пожаловал сына своего великого князя Ивана Ивановича, и посади его на всей вотчине на Тверской»{66}.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что брак Ивана III с Марией Борисовной способствовал тому, что Тверской княжество достаточно легко было присоединено к Московскому государству. Формально Иван Иванович сел на тверской престол как внук великого князя Тверского Бориса Александровича. Поэтому Михаилу Борисовичу пришлось с этим смириться — его попытку организовать борьбу за возвращения отчины никто не

поддержал, даже в самой Твери.

Получается, что вкладом Марии Тверянки в процесс формирования Русского централизованного государства стало успешное и бескровное присоединение Тверского княжеств — некогда грозного соперника Московского княжества.

Тверские земли расширили территорию страны. Тверская знать существенно пополнила состав двора московских государей. Среди нее были потомки великих князей Тверских князья Холмские, Микулинские, Дорогобужские, Телятевские, а также бояре Борисовы-Бородины, Нагие и др. Некоторые из них стали видными полководцами в войске Ивана III и его сына Василия III.

Глава 2.
ВИЗАНТИЙСКАЯ ЦАРЕВНА СОФЬЯ ПАЛЕОЛОГ — ВТОРАЯ СУПРУГА ИВАНА III

После кончины Марии Борисовны в 1467 г. довольно долго Иван III вообще не задумывался о новом браке. Причина была, видимо, в том, что обязанности великой княгини исполняла его мать Мария Ярославна. Не было проблемы и с наследником.

Сын Иван уже вскоре должен был достичь десятилетнего возраста и стать помощником отца. К тому же перед великим князем стояло много неотложных дел. Главным из них было усмирить казанских татар и черемисов, разорявших Муром, Нижний Новгород, Галич и Кострому Для этого в район средней Волги, на Каму и Вятку постоянно посылались русские полки{67}.

Однако в Европе зорко следили за ситуацией в Русском государстве. Там было уже известно, что Иван III — вдовец. Поэтому различные политические круги начали подыскивать ему подходящую невесту, желая извлечь из нового брака русского государя определенную выгоду и для себя. В Риме католические иерархи решили сосватать ему последнюю византийскую царевну — племянницу погибшего в борьбе с турками императора Константина Софью Палеолог. С ее помощью они планировали оказывать влияние на Ивана III и православную церковь.

Их план был реализован в конце 1472 г. Царевна Софья стала великой княгиней Московской и Владимирской. Поэтому представляется важным рассмотреть, каким и насколько сильным было ее влияние на политику Ивана III и на развитие Русского централизованного государства в конце XV в.

ИСТОЧНИКИ

Жизнь и деятельность византийской царевны Софьи Фоминичны освещена в достаточно большом количестве исторических источников. Это и дипломатические документы по связям Русского государства с Италией в конце XV — начале XVI вв., и записки некоторых иностранцев, и русские летописи, и воспоминания о ней современников. Существуют и материальные памятники: личные вещи царевны, привезенные из Византии,

иконы, вышивки самой Софьи и ее невестки Елены Волошанки.

Дипломатические документы, касающиеся взаимоотношений России с Италией, опубликованы в трехтомном сборнике документов «Россия и Италия»[68].

Некоторые дополнительные сведения о Софье можно обнаружить в записках иностранцев, в частности А. Контарини и С. Герберштейна[69]. Все эти памятники опубликованы и многократно используются исследователями.

Менее изученными в качестве источников о жизни и деятельности Софьи Палеолог в России являются русские летописи конца XV–XVI в. Рассмотрим их в хронологической последовательности.

Наиболее ранним памятником является Московский летописный свод конца XV в., который доводит свое повествование до 1492 г. Он дошел до нас в двух списках XVII и XVI вв. Список XVII в. был обнаружен А.А. Шахматовым в составе Эрмитажного собрания[70]. Список XVI в. нашел позднее М.Н. Тихомиров в рукописном собрании Уварова в ГИМе. По данным рукописям Московский летописный свод был опубликован[71].

Поскольку 25-й том ПСРЛ хранится только в библиотеках, то в настоящей работе используется его современное переиздание, осуществленное А.И. Цепковым[72].

Исследователи полагают, что Московский свод конца XV в. представляет собой общерусскую летопись, составленную после присоединения Новгорода к Москве. Поэтому основное внимание в нем уделено событиям, связанным с деятельностью великих князей Московских. При этом в нем много данных о семьях государей, их женах и детях, в том числе и о Софье Палеолог.

В тексте свода достаточно подробно изложены обстоятельства женитьбы Ивана III*на византийской царевне, описана их свадьба, даны сведения о рождении у них детей. При этом о первой жене Марии Борисовне данных очень немного.

Первые сведения, касающиеся Софьи, датируются 1469 г. В своде указано, что 11 февраля в Москву из Рима прибыл Юрий Грек — посол кардинала Виссариона. Он привез грамоту, в которой сообщалось о том, что в Риме живет дочь «Аморейского деспота Фомы Ветхослова Софья, православная христианка». К ней сватались католики французский король и «князь великий Меделяньскы» (герцог Миланский), но она не хочет переходить в веру женихов. Кардинал предлагал Ивану III жениться на Софье и обещал прислать ее в Москву в качестве невесты[73].

Под 1471 г. в своде сообщено, что прибывший в сентябре из Венеции посол Антон Фрязин привез великому князю грамоту от папы Павла. В ней писалось о том, что русские послы, которым

будет поручено решить вопрос о сватовстве великого князя к Софье Фоминичне, получат право беспрепятственно ездить по всем землям, подчиняющимся папе[74].

Далее в статье 1472 г. описано, как было отправлено ответное посольство в Рим. Первоначально Иван III спросил совета у митрополита, матери, братьев и бояр относительно того, следует ли ему жениться второй раз и брать в жены византийскую принцессу. Получив одобрение этому намерению, 16 января великий князь отправил в Рим к папе своих послов. Однако по дороге выяснилось, что папа Павел умер, поэтому в официальную грамоту пришлось вписывать другое имя. Сначала по ошибке написали «Калист», потом «Систюсь»[75]. Эти детали свидетельствуют о том, что создатель свода имел отношение к составлению дипломатических бумаг.

Следующее сообщение, касающееся Софьи, относится уже непосредственно к сватовству. В летописи описано, как русские послы во главе с Иваном Фрязином прибыли в Рим 23 мая и отправились на прием к папе и к кардиналу Виссариону. Там им была оказана великая честь. Посетили они и братьев невесты — Андрея и Мануила. От всех они получили «великие дары». Пробыв в Риме 32 дня, послы отправились на родину. С ними поехала и Софья Палеолог в качестве невесты великого князя. Ее сопровождающими стали папский легат Антоний с несколькими итальянцами, а также посол братьев царевны — Дмитрий с греками, которые служили Софье.

Торжественный отъезд из Рима, по данным свода, состоялся 24 июля. На самом деле это ошибка, поскольку послы, прибывшие в Рим 23 мая и пробывшие там 32 дня, должны были отбыть 24 июня[76]. В поздних летописях эта ошибка исправлена[77].

В Московском своде отмечено, что Софью повезли не кратким путем, которым прибыли сами послы, а совершенно другим, более длинным — через многие европейские страны к побережью Балтийского моря. Это было, видимо, связано с тем, что путешествие невесты, сосватанной папой великому князю Московскому, должно было выглядеть важным событием для европейцев. На всем пути следования царевны до русских земель, в данном случае до Пскова, жители различных стран были обязаны оказывать ей почести, давать продукты и корм лошадям, обеспечивать подводами и проводниками. Таким было указание римского папы. В Московском своде это особо подчеркивалось[78].

Путешествие Софьи описано в своде довольно подробно: указаны даты приезда и отъезда из наиболее важных городов: Любека, Колывани (Таллина), Юрьева, Пскова, Новгорода[79].

Это говорит о том, что в основе летописных сообщений

лежали путевые записки членов посольства, ездивших в Рим за Софьей Палеолог. Попасть к книжнику, составлявшему свод, они могли только при условии, что тот работал по официальному заказу властей.

В своде довольно подробно описан и инцидент с католическим распятием, которое держал возглавлявший процессию папский посол Антоний. Правда, в тексте нет имен посланцев великого князя, которым пришлось уговаривать Антония спрятать распятие, возмутившее православного митрополита Филиппа{80}.

Эти имена появились в более поздних памятниках, возможно, из документальных источников.

Характерно, что само свадебное торжество описано в своде очень кратко. Из летописного описания напрашивается вывод, что столь важное событие произошло прямо в день приезда Софьи в Москву — 12 ноября 1472 г. Одновременно были и знакомство с матерью жениха, и обручение, и венчание в храме, и свадебный пир{81}.

Столь лаконичное изложение может свидетельствовать либо о том, что автор свода не был очевидцем данных событий, либо о том, что все традиционные свадебные обряды были умышленно сокращены из-за того, что невеста стояла на иерархической лестнице выше жениха. Возможно также, что Иван III хотел сразу же убедиться в том, что заморская невеста ему подходит.

Особенностью Московского свода является то, что в нем зафиксированы даты рождения не только сыновей Софьи, но и дочерей. Ее первенцем была девочка, названная Еленой. Она родилась в 1474 г. 18 апреля в 7 часов ночи{82}. Столь подробные сведения говорят о том, что их записал человек, близкий к великокняжескому двору. Характерно, что он указал имя не только отца — великого князя, но и матери — «царевны Софьи Фоминичны».

Это говорит об особом уважении ко второй супруге Ивана III. Обычно имя матери летописцы опускали.

Об уважении к великой княгине составителя свода свидетельствует запись о том, что 14 августа 1474 г. прибыло посольство от ее братьев во главе с Дмитрием Греком{83}. До этого визиты в Москву посланцев родственников великих княгинь не фиксировались как официальные события.

В своде сообщалось и о рождении второй дочери Софьи — княжны Феодосии, появившейся на свет ночью 28 мая 1475 г. Правда, в этой записи уже нет имени Софьи{84}. Нет ее имени и в записи о рождении третьей дочери, почему-то вновь названной Еленой. Третья княжна появилась на свет 19 мая 1476 г.{85}

Можно, правда, предположить, что хотя девочек назвали одинаковыми именами, но в честь разных святых: первая Елена в честь матери императора Константина Елены, чья память отмечалась 21 мая, а вторая — в честь мученицы Елены, которую поминали 26 мая. Судьба одной из этих дочерей неизвестна. В поздних памятниках и дипломатических документах отмечалось, что у Софьи Палеолог была только одна дочь по имени Елена и всего у нее было три дочери. Почему в своде сообщалось о двух Еленах, неизвестно.

Наиболее подробные записи в своде сделаны по поводу рождения у Софьи мальчиков. Первый сын появился лишь в 1479 г., т.е. через шесть лет после свадьбы родителей. В записи указан не только год, но месяц март, 25-е число, 8 часов ночи на праздник Собора архангела Гавриила, отмечаемый 26 мая. Все эти сведения правильные.

По традиции ребенка следовало назвать в честь этого святого, но он получил имя Василий, в честь Василия Парийского, чья память отмечалась в этот же день. Это имя, видимо, посчитали более подходящим для княжича, а Гавриил стало его крестильным именем. В своде даже указано, кто и где крестил первого сына Софьи. Произошло это в Троице-Сергиевом монастыре 4 апреля. Обряд совершили ростовский архиепископ Вассиан и игумен Паисий{86}.

Столь детальное описание в официальном своде обстоятельств появления на свет первенца мальчика Софьи говорит о значимости этого события для великокняжеской семьи.

В своде довольно подробно описано рождение и второго сына царевны — Георгия (Юрия), названного в честь святого Георгия Митиленского, почитаемого 7 апреля. Видимо, в этот день княжич был крещен, поскольку его рождение произошло 23 марта 1480 г., в 4 часа дня, на память преподобного Никона, в четверг шестой недели поста{87}. Все эти данные правильные.

Правда, в Московском своде нет сведений о месте крещения этого княжича. Но отмечено, что «в то же время пришед от Рима на Москву шурин великого князя именем Андрей», т.е. брат Софьи{88}. Это событие было в мае 1480 г. Крещение, очевидно, было раньше, но запись о нем с точной датой не сохранилась, поэтому и не попала в свод.

Можно заметить, что в Московским своде нет ни одной записи об участии Софьи в каких-либо торжествах, семейных праздниках и т.д., хотя*в дипломатических документах они есть. Даже в сообщениях о рождении ею детей имя великой княгини упомянуто не всегда. Это дает право предположить, что составитель летописного произведения, хотя и отдавал

традиционную дань уважения византийской царевне, особой симпатии к ней не испытывал. Поэтому и не считал нужным часто упоминать ее имя.

Данное предположение подтверждает летописная запись о возвращении великой княгини из «бегов» на Белоозеро зимой 1480–1481 гг. В ней автор откровенно осуждает великую княгиню: «Тое же зимы прииде великая княгиня София из бегов, бе бо бегала на Белоозеро и з боярынями от татар, а не гонима никым же; и по которым странам ходила, тем стало пуще татар от боярских холопов, от кровопивцев крестьянских. Воздай же им, господи, по делом их, и по лукавству начинания их, по делом руку их даждь им, господи»[89].

Автор свода не только критикует Софью Палеолог и ее окружение, но и призывает Бога покарать их за разорение крестьян. По его мнению, великой княгине не следовало уезжать из столицы, поскольку ее безопасности ничего не угрожало. Однако она самовольно отправилась на Белоозеро с большой свитой, а по дороге люди из ее окружения, «как кровопивцы, хуже татар», ограбили всех местных жителей.

Столь суровое осуждение автором свода Софьи и лиц, входивших в ее свиту, говорит о резко отрицательном отношении к ним. Книжник, несомненно, входил в число противников великой княгини. Но, будучи официальным летописцем, он последовательно фиксировал рождение Софьей Палеолог нескольких сыновей и дочери.

Под 1481 г. идет запись о появлении на свет княжича Дмитрия: «6 октября на память святого апостола Фомы родися великому князю Ивану Васильевичу сын от царевны Софии, наречен бысть князь Дмитрей в 26 того же месяца»[90]. Имя княжичу было выбрано по дате крещения — 26 октября отмечалась память Дмитрия Солунского.

Под 1483 г. в Московском своде зафиксировано рождение дочери Евдокии: «Тое же зимы февраля родися великому князю Ивану Васильевичю дщи княжна Овдотья»[91]. В данном случае конкретный день появления княжны на свет не указан.

В статье 1487 г. даны сведения о рождении княжича Семена: «Месяца марта в 21 день в 7 час дни родися великому князю Ивану Васильевичю от царевны Софьи сын, нарекоша и Семен»[92]. Свое имя он, видимо, получил также по дате крещения — 5 марта отмечалась память преподобного Симеона. В своде этих данных нет.

Следует отметить, что из-за утраты одного листа в своде отсутствует описание событий с конца 1487 по 1489 г. и половина событий 1490 г.[93]

Но появление на свет последнего княжича Андрея в 1490 г. все же зафиксировано: «Того же лета августа 5 родися великому князю Ивану Васильевичу сын от царевны Софьи, и наречен бысть князь Андреи»{94}. Свое имя он, видимо, также получил по дате крещения — 19 августа отмечалась память Андрея Стратилата. Но в своде, как можно заметить, даты крещения младших княжичей уже не указывались.

Последнее событие в своде, связанное с Софьей Палеолог, относится к 1492 г. Это переезд Ивана III с детьми и великой княгиней из старого деревянного двора на двор князя Ивана Юрьевича Патрикеева. Сделать это пришлось потому, что на месте старого великокняжеского двора началось возведение нового — каменного{95}.

Анализ сведений о Софье Палеолог в Московском своде конца XV в. дает право сделать несколько выводов:

1. Составитель свода выполнял задание официальных властей, поэтому получил в свое распоряжение отчет членов посольства, ездивших в Рим за царевной Софьей. Были в его распоряжении и записи о рождении детей в великокняжеской семье.

2. Составитель не испытывал симпатий к Софье Палеолог, поэтому не сообщил никаких данных об участии великой княгини в политической жизни страны, в церковных делах и даже в празднествах, устраиваемых в великокняжеском дворце. Даже при фиксации появления на свет великокняжеских детей в своде не всегда указывалось имя матери Софьи.

В своде сообщено, что всего великая княгиня родила четыре дочери (Елену — 1474 г., Феодосию — 1475 г., Елену — 1476 г. и Евдокию — 1483 г.) и пять сыновей (Василия — 1479 г., Юрия — 1480 г., Дмитрия — 1481 г., Симеона — 1487 г. и Андрея — 1490 г.).

* * *

Сравнение текста Московского свода с другими летописными произведениями конца XV — начала XVI в. показывает, что наибольшее сходство прослеживается со сводом 1497 г. и Уваровской летописью. В своде 1497 г. и Уваровской летописи аналогично сообщено о приезде в Москву посла Юрия Грека с грамотой от кардинала Виссариона в 1469 г., о приезде посла Антония в 1471 г., об ответном посольстве великого князя в Рим в 1472 г.{96}

Единственное отличие касается даты отъезда из Москвы посольства Ивана III. В Московском своде обозначено 16 января, в своде 1497 г. и Уваровской летописи — 6 января{97}.

Такое же отличие обнаруживается и в статье 1472 г., повествующей о поездке Софьи Палеолог в Москву. В Московском своде указано, что из Рима она выехала 24 июля, в своде 1497 г. и Уваровской летописи — 20 июля{98}. Характерно, что все эти даты ошибочные, поскольку в тексте указано, что, прибыв в Рим 23 мая, русские послы пробыли там 32 дня. Значит, уехать они должны были 24 июня.

Описание рождения Софьей первых трех дочерей в своде 1497 г. и Уваровской летописи совпадает с Московским сводом.

В своде 1497 г. после описания событий мая 1477 г. начинается некоторый сбой в тексте, видимо, вызванный ошибкой переписчика. Вместо описания событий идет перечень князей русских, затем перечень ханов. Затем вновь кратко повторяются некоторые события 1468–1477 гг.{99}

Видимо, поэтому сообщение о рождении первого сына Софьи Василия тоже довольно краткое с ошибкой в дате — вместо 25 марта указано 15 марта и не сообщена дата крещения, только пояснено, что это происходило в Вербную неделю, которая была в тот год с 4 по 10 апреля{100}.

В Уваровской летописи сообщение о рождении Василия тоже краткое, но с правильной датой — 25 марта{101}.

Кратко сообщено в своде 1497 г. и Уваровской летописи и о рождении второго сына Софьи Юрия — без указания числа, только помечено, что это было весной. Но при этом добавлено, что крестил его игумен Паисий{102}. Данное добавление не может свидетельствовать о хорошей осведомленности составителя свода 1497 г., поскольку ему не были известны другие подробности появления на свет княжича Юрия.

Аналогично кратко сообщено в своде 1497 г. и о рождении

княжича Дмитрия. Эта же информация повторена в Уваровской летописи{103}. В обоих летописных произведениях вообще нет данных о появлении на свет княжны Евдокии в 1483 г.

В то же время в своде 1497 г. под 1484 г. сообщено о рождении Софьей 8 апреля третьей княжны Елены{104}. Вполне вероятно, что это ошибочное сообщение, поскольку у великой княгини, согласно данным Московского свода, уже были две дочери с именем Елена. К тому же в других памятниках о судьбе третьей Елены вообще нет никаких сведений.

Под 1485 г. в своде 1497 г. помещено, видимо, такое же ошибочное сообщение о рождении 29 мая второй княжны Феодосии{105}. Из других летописей и дипломатических документов известно, что у великого князя была только одна дочь Феодосия, родившаяся в 1475 г.

В своде 1497 г. в дате рождения княжича Симеона, видимо, допущена ошибка, поскольку в Московском своде указано, что он появился на свет 21 марта 1487 г., в своде 1497 г. — 23 марта{106}. В Уваровской летописи вообще нет данных о появлении на свет этого княжича. Но указано, что в 1485 г. 13 февраля появился сын Иван «от грекини»{107}.

Поскольку об этом княжиче никаких сведений нигде нет, то напрашивается вывод, что либо он умер в младенчестве, либо сведения о нем в Уваровской летописи ошибочные.

В своде 1497 г. можно обнаружить и другие отличия от Московского свода. Например, в сообщении о бегстве Софьи на Белоозеро не указано, что с ней были боярыни{108}. Этот пропуск мог быть сделан умышленно, чтобы обвинить одну великую княгиню в разорении вологодских и белозерских крестьян.

В своде 1497 г. в конце рассказа о поездке Софьи на Белоозеро помещена большая вставка нравоучительного характера о том, что надо хранить свое отечество — Русскую землю от поганых{109}. Данный текст повторен и в Уваровской летописи.

Под 1484 г. в своде 1497 г. помещены данные о конфликте Ивана III с Софьей Фоминичной из-за драгоценностей его первой супруги Марии Тверянки, которые отсутствуют в Московском своде. Суть ссоры заключалась в том, что великий князь намеревался подарить украшения первой жены своей снохе Елене Волошанке после рождения ею внука Дмитрия. Но оказалось, что Софья распорядилась ими по своему — часть отдала брату Андрею, часть своей племяннице Марии в качестве приданого{110}.

В Уваровской летописи все эти сведения также есть под тем же 1484 г.{111} Они свидетельствуют о том, что создатели свода

1497 г. и Уваровской летописи отрицательно относились к Софье Палеолог, поэтому и поместили данные о конфликте в великокняжеской семье.

В этих летописных произведениях есть и другие дополнительные сведения о великой княгине, которых нет в Московском своде. Так, под 1490 г. в них сообщено о приезде в Москву брата Софьи Андрея{112}. Под 1495 г. рассказано о сватовстве к старшей дочери великой княгини Елене великого князя Литовского Александра и их свадьбе{113}.

Еще более интересные данные помещены под 1496 г. Осенью этого года Иван III с внуком Дмитрием и сыном Юрием отправились в Новгород. В Москве правителями остались сын Василий и Софья Фоминична{114}. Это первое сообщение о самостоятельной роли великой княгини на государственном поприще.

Поскольку свод 1497 г. заканчивается описанием лишь некоторых событий 1497 г., то последние данные о Софье есть только в Уваровской летописи. Это сообщение о приезде в Москву сестры великого князя, рязанской великой княгини Анны Васильевны, в августе 1497 г. В числе встречающих гостью людей летописец назвал и Софью со снохой Еленой и боярынями{115}.

Еще более интересное сообщение помещено в конце статьи 1497 г.: «Декабря по диаволю действу восполеся князь велики на сына своего князя Василиа да и на жену на свою на великую княгиню Софию, да в той опале велел казнити детей боярских Володимера Елизарова сына Гусева, да князя Ивана Палецкого Хруля, да Поярка Рунова брата, да Сщевиа Скрябина сына Травина, да Федора Стромилова, диака введенаго, да Афонасиа Яропкина, казниша их на ледоу, головы им секоша, декабря 27»{116}.

Далее в Уваровской летописи сообщено о свадьбе дочери Софьи Феодосии с князем В.Д. Холмским в феврале 1500 г. и кончине княжны через год, о тяжелом положении в Литве старшей дочери великой княгини Елены, которую муж стал принуждать перейти в католичество{117}.

Эти печальные события, видимо, заставили великого князя помириться с супругой, правда, об этом в Уваровской летописи нет сведений. Под 1502 г. в ней лишь отмечено, что Иван III «положил опалу на внука Дмитрия и его мать Елену» и вновь пожаловал сына Василия — тот был провозглашен великим князем Владимирским и Московским{118}.

Под 1503 г. в летописи сообщено без каких-либо комментариев о смерти Софьи Фоминичны. Это произошло 17 апреля, в пятницу, в 9 часов дня{119}.

Однако указанное в летописи число неверно, поскольку 17 апреля в 1503 г. было понедельником. К тому же на гробнице Софьи указано, что она скончалась 6 апреля{120}.

Наличие многочисленных ошибок в своде 1497 г. и Уваровской летописи свидетельствует о том, что их составители не имели точных сведений о событиях в великокняжеской семье. Значит, эти летописные памятники не носили официального характера, и у их составителей не было документальных источников. Некоторые события они, видимо, записывали по памяти и делали ошибки. Поэтому сведения из Уваровской летописи и свода 1497 г. требуют постоянной проверки. Полностью доверять им нельзя. В первую очередь это относится к данным о рождении у Софьи тех детей, о которых нет сведений в других источниках.

К концу XV в. относятся еще несколько летописей: Ермолинская, Никаноровская, сокращенные своды 1493 и 1495 гг. Анализ их текста показал следующее. В основном тексте Ермолинской летописи очень мало сведений о Софье Палеолог. В ней лишь есть краткое упоминание о том, что 12 ноября 1472 г. великий князь Иван Васильевич женился на царевне из Рима, дочери аморийского деспота Фомы{121}.

В Никаноровской летописи в статье 1469 г. описаны обстоятельства сватовства Ивана III к Софье. При этом данные Московского свода конца XV в., помещенные в нескольких годовых статьях, объединены в виде краткого пересказа их содержания. В этом повествовании рассказано о приезде послов кардинала Виссариона в Москву, об обсуждении Иваном III вопроса о женитьбе с митрополитом, матерью и боярами, об отправке ответного посольства во главе с Иваном Фрязином в Рим. При этом есть в нем и дополнительные сведения, отсутствующие в Московском своде о том, что Софья, узнав, что жених является великим князем, правящим в большом православном государстве, выразила желание выйти за него замуж{122}.

Заканчивается повествование Никаноровской летописи известием о том, что в Москву в 1471 г. прибыл римский посол Антоний с грамотами от папы, дающими право русским послам свободно ездить по территориям католических стран{123}. Оно есть и в Московском своде.

В сокращенном своде 1493 г. в основном повторяются известия Московского свода. Это и краткое повествование о свадьбе Ивана III и Софьи в ноябре 1472 г. и данные о рождении дочери Елены в 1474 г., сына Василия в 1479 г., сына Георгия в 1480 г., сына Дмитрия в 1482 г., сына Симеона в 1487 г. и сына

Андрея в 1490 г.[124]

Но есть в сокращенном своде 1493 г. и отличия. Так, рождение второй дочери Елены отнесено к 8 апреля 1484 г., а рождение Феодосии — к 29 мая 1485 г.[125] Такие же сведения о рождении дочерей Софьи помещены в своде 1497 г. Правда, в нем есть сведения и о рождении второй Елены, и первой Феодосии в 1476 и 1475 гг., соответственно. В Московском своде, как уже отмечалось, появление Феодосии на свет датировано ночью 28 мая 1475 г., а второй Елены — утром 19 мая 1476 г.

Поскольку исследователи полагают, что в основе сокращенного свода 1493 г. лежат памятники уже XVI в., то его данные о датах рождения вторых Елены и Феодосии, скорее всего, ошибочныа[126].

Следует отметить, что в своде 1493 г. в перечне детей Софьи Фоминичны между Симеоном и Андреем указан Борис[127]. Однако данных о его появлении на свет и о нем самом нет ни в одном другом источнике.

В сокращенном своде 1495 г. сведений о Софье Фоминичне еще меньше, чем в своде 1493 г. Но под 1493 г. в нем помещено оригинальное известие о том, что во время пожара в Москве 28 июля сгорела казна великой княгини Софьи. Она находилась под церковью Иоанна Предтечи у Боровицких ворот[128].

Это известие интересно тем, что сообщает о наличии у Софьи Палеолог собственной казны, которая хранилась в подвалах одного из кремлевских храмов. Если в ее составе были греческие книги, то пожар их, очевидно, уничтожил.

Данные о Софье Палеолог находятся и в летописях XVI в. Например, в Симеоновской летописи, доводящей повествование до 1494 г., основная информация совпадает со сведениями Московского свода конца XV в. Это и повествование об обстоятельствах женитьбы Ивана III, и сообщения о рождении у нее трех первых дочерей[129].

Но из-за пропуска текста в рукописи за 1479 г. в этой летописи нет сообщения о рождении сына Василия[130]. При этом записи о появлении на свет Юрия, Дмитрия, Симеона и Андрея аналогичны Московскому своду[131].

Отличия летописи от Московского свода обнаруживаются в повествовании о бегстве Софьи на Белоозеро в 1480 г. В Московском своде, как уже отмечалось, великая княгиня резко осуждалась за эту поездку В Симеоновской летописи сообщение об этом носит нейтральный характер: «Тое же зимы прии-де великая княгиня Софья з Бела озера, бе бо она тогда была на Белоозере, егда царь на Угре стоял»[132].

Изменение текста свода говорит о том, что составитель

Симеоновской летописи уже не испытывал негативного отношения к византийской царевне, в отличие от некоторых ее современников — авторов более ранних летописных сочинений. Видимо, поэтому он вообще опустил известие о конфликте Ивана III с женой из-за драгоценностей его первой супруги Марии Тверянки{133}.

В Симеоновской летописи, как и в своде 1497 г., сообщено, что у Софьи, кроме первых трех дочерей, были еще две дочери. Это третья Елена, родившаяся в 1484 г., и вторая Феодосия, родившаяся в 1485 г.{134} При этом в ней нет данных о появлении на свет дочери Евдокии в 1483 г. Это известие отсутствует и в сокращенных сводах конца XV в., и в Никаноровской летописи. Однако о том, что данная княжна существовала, известно из дипломатических документов.

Поэтому можно сделать вывод о том, что источником Симеоновской летописи был не Московский свод конца XV в., а свод 1497 г. или Уваровская летопись.

Поскольку ни о третьей Елене, ни о второй Феодосии в большинстве документальных источников сведений нет, то напрашивается вывод об ошибочности известий о них. Появление этих данных могло быть связано с тем, что составители сводов сомневались в том, что дочери Софьи вышли замуж в достаточно зрелом возрасте, вопреки существовавшей на Руси традиции. Поэтому они придумали более молодых одноименных княжон.

На самом деле старшая княжна Елена была обручена с великим князем Литовским Александром в 20 лет, Феодосия вышла замуж за князя В.Д. Холмского в 25 лет, Евдокия — за татарского царевича Петра в 23 года. Возможно, так распорядилась судьбой дочерей сама Софья, поскольку стала женой Ивана III приблизительно в 25 лет.

Можно отметить, что при составлении Симеоновской летописи был использован и свод 1493 г., из которого были взяты данные о пожаре 1493 г., во время которого сгорели не только дворы Ивана III и Софьи, но и казна великой княгини в подвале церкви Иоанна Предтечи{135}.

В Софийской летописи сообщения о Софье Палеолог очень краткие. Отсутствуют данные об обстоятельствах женитьбы на ней Ивана III. Основные известия касаются рождения дочери Елены в 1474 г. и сыновей. Но есть и сведения о поездке Ивана III с внуком в Новгород в 1496 г., во время которой Софья и сыном Василием оставались «на государстве», о встрече рязанской княгини Анны Васильевны и смерти великой княгини в 1503 г. {136} Все эти сведения могли быть взяты из Уваровскои летописи.

В Воскресенской летописи середины XVI в. сведений о Софье

Палеолог довольно много. Обстоятельства сватовства Ивана III к царевне представлены так же, как в Московском своде. Аналогичны сообщения о рождении трех первых дочерей и сыновей{137}.

Но при этом в Воскресенской летописи есть данные и о рождении третьей Елены в 1484 г., и второй Феодосии в 1485 г. {138}

О появлении на свет Евдокии данных нет, есть лишь сообщение о ее свадьбе с царевичем Петром и смерти{139}. Нет и осуждения Софьи за бегство на Белоозеро. Информация о ее возвращении в Москву еще более краткая, чем в Симеоновской летописи: «Тое же зимы прииде велика княгини Софиа з Белаозера»{140}. Отсутствует и описание конфликта Ивана III с Софьей из-за драгоценностей его первой жены{141}.

Данные особенности Воскресенской летописи говорят о том, что в основу ее, вероятнее всего, была положена Симео-новская летопись. Но при этом сведения этой летописи были дополнены текстами из Уваровскои летописи, поскольку Симеоновская обрывалась событиями 1494 г. Правда, составитель внес некоторые исправления, исключив факты, порочащие Софью Палеолог. В середине XVI в., когда, видимо, создавалась Воскресенская летопись, отношение к бабке царя Ивана Грозного было сугубо положительным.

Из Уваровской летописи в Воскресенскую летопись, видимо, попало сообщение об опале на княжича Василия и Софью и казнях людей из их окружения в декабре 1497 г. Из нее же были взяты данные о смерти великой княгини в 1503 г.{142}Правда, в Уваровской летописи смерть Софьи отнесена к 17 апреля, в Воскресенской она обозначена 7 апреля{143}. На гробнице великой княгини, как уже отмечалось, иная дата — 6 апреля. Она, очевидно, наиболее точная.

Поэтому напрашивается предположение, что составитель Воскресенской летописи при переписке текста Уваровской летописи внес в него свои коррективы.

Много данных о Софье Палеолог и в Никоновской летописи, которую исследователи относят к первой половине XVI в. Большая их часть совпадает с Московским сводом и Уваровской летописью, но есть и оригинальные известия. Так, под 1469 г. помещен краткий рассказ об обстоятельствах сватовства Ивана III к Софье. Согласно ему сначала в Москву прибыл Юрий Грек с грамотой о том, что в Риме проживает византийская царевна православной веры, на которой Иван III может жениться. После совещания с митрополитом и родственниками великий князь отправил в Рим своего посла Ивана Фрязина. Тот встретился не

только с папой и кардиналом, но и с самой Софьей. Узнав, что жених — великий князь и управляет православной державой, невеста захотела стать его женой. После этого вопрос о женитьбе был решен. Ивану III следовало лишь прислать за царевной бояр[144].

В рассмотренных выше летописях данного рассказа нет, как и нет сведений о том, что при сватовстве спрашивали мнение самой невесты Софьи. Из сообщений Московского свода получалось, что судьбу царевны решали только папа и кардинал.

Далее в Никоновской летописи помещены сведения из Московского свода о том, как Иван III отправил за невестой своих послов, как те привезли ее в Москву, как была сыграна свадьба, как родились первые дочери[145].

Однако рождение сына Василия представлено в Никоновской летописи совсем не так, как в остальных летописных произведениях. Ему предшествует рассказ о чудесном зачатии, написанный митрополитом Иоасафом со слов самого великого князя Василия III. Согласно этому повествованию, после рождения трех дочерей Софья Фоминична очень скорбела о том, что у нее нет сына. Поэтому она отправилась пешком в Троице-Сергиев монастырь, чтобы помолиться у гроба святого Сергия. По дороге у села Клементьева она увидела инока, который нес младенца. Внезапно монах кинул этого ребенка Софье. От неожиданности она чуть не упала, но ребенка в руках не обнаружила и поняла, что это было только чудесное видение. В монастыре великая княгиня одарила монахов и долго молилась у гроба Сергия. После возвращения домой она вскоре забеременела и родила сына Василия[146].

Вполне вероятно, что эта повесть о зачатии была сочинена уже в XVI в., поскольку Василий назван в ней самодержцем. По своему характеру она похожа на аналогичные сочинения о чудесном появлении на свет некоторых русских государей, например Василия II[147].

Однако истоки этой повести идут с конца XV в. Дело в том, что само чудесное видение Софьи Сергия Радонежского было запечатлено на пелене, вышитой в мастерской великой княгини Марии Ярославны. Княгиня же, как известно, скончалась в 1485 г.

Рождение сыновей Юрия, Дмитрия, Семена и Андрея в Никоновской летописи описано, как в Московском своде. О рождении третьей княжны Елены сообщено, как в Уваровской летописи. Но о второй Феодосии здесь нет сведений. Вместо нее указано, что 13 февраля 1485 г. родился сын Иван «от грекини»[148]. В других летописях об этом княжиче нет никаких данных, поэтому известие Никоновской летописи вызывает

сомнение.

В Никоновской летописи, как в других летописях XVI в., нет осуждения Софьи за отъезд на Белоозеро во время Стояния на Угре войска великого князя. Более того, в ней указано, что сам Иван III отослал супругу на север «татарского ради нахождения»[149].

Эта версия представляется правдоподобной, поскольку сама Софья Палеолог вряд ли бы решилась покинуть Москву и уехать осенью на далекий север незнакомой для нее страны.

В Никоновской летописи содержатся не только сведения об опале великого князя на супругу и сына Василия в 1497 г., как в других летописях XVI в., но и дополнительные данные на этот счет[150]. В приписках к основному тексту подробно рассказано, из-за чего Иван III разгневался на Софью и старшего сына. Оказывается, дьяк Федор Стромилов рассказал им о том, что государь решил официально провозгласить своим наследником Дмитрия-внука. После этого дети боярские из окружения Василия стали уговаривать его бежать от отца на север, там захватить великокняжескую казну в Вологде и на Белоозере и постараться расправиться с Дмитрием-внуком. Софья Фоминична тоже решила помочь сыну и пригласила к себе ворожей с зельем. С его помощью она, видимо, хотела отравить его соперника, а может, и своего мужа. Обо всем этом стало известно Ивану III. В гневе он приказал четвертовать детей боярских и дьяков из окружения княжича Василия, утопить в Москве-реке лихих баб, а сына и жену взять под стражу Их он якобы даже стал опасаться[151].

Это приложение к тексту Никоновской летописи, несомненно, было сделано на основе документов из следственного дела 1497 г., поэтому в нем есть дополнительные подробности, которых нет в ранних летописных повествованиях. Поскольку само дело не сохранилось, приложение следует считать важным историческим источником.

Есть в Никоновской летописи и сообщение о том, что в 1499 г. Иван III вновь пожаловал сына Василия и дал ему Великий Новгород и Псков в управление. Оно аналогично данным Уваровской летописи[152]. Из этого же памятника в Никоновскую летопись, видимо, попали сообщения об опале на Елену Волошанку и Дмитрия-внука и провозглашении именно Василия великим князем Московским и Владимирским[153].

Последнее сообщение о Софье Палеолог в Никоновской летописи касается ее смерти. Это событие датировано 7 апреля 1503 г., как и в некоторых других летописях[154].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что сведения Никоновской летописи о Софье, видимо, были взяты из

Уваровской летописи, но при этом составитель подошел к ним творчески. В кратком пересказе он сначала описал обстоятельства женитьбы Ивана III на византийской царевне, потом об этом же написал подробнее, вставил рассказ о чудесном зачатии сына Василия, подкорректировал данные о детях великой княгини, добавил вставку, поясняющую, за что великий князь ополчился на Софью и Василия. В целом отношение составителя Никоновской летописи к Софье Палеолог вполне положительное. Текст Уваровской летописи, осуждающий великую княгиню, не был включен в нее.

Определенное внимание уделено Софье и в Львовской летописи, создание которой исследователи относят к 60-м гг. XVI в.{155}

В этом памятнике сведения ранних летописей существенно переделаны. Так, под 1472 г. отмечено, что Иван III сам послал сватов к византийской царевне в Рим, когда узнал о ее существовании. При этом царевна названа не Софьей, а Зинаидой и указано, что римский папа состоял в родстве с ее родителями, поэтому после их кончины взял ее к себе{156}.

В других источниках такой информации нет. Известно, что вторым именем Софьи было не Зинаида, а Зоя. К тому же римский папа Павел II, покровительствовавший царевне, не состоял с ней в родственных отношениях.

В Львовской летописи сватовство к Софье тесно связано с посольством венецианца Тревизана, хотя в более ранних летописях эти два сюжета не объединялись{157}.

Есть в Львовской летописи и дополнительные данные о том, что великий князь посылал боярина Федора Давыдовича отнять распятие у папского легата Антония и наказать своего посла Иван Фрязина, который скрыл от него цель посольства Тревизана{158}.

По данным более ранних летописей, Иван Фрязин был наказан уже в Москве, а не в то время, когда он сопровождал кортеж великокняжеской невесты. Это представляется более верным, поскольку такая расправа без объяснений причин могла просто напугать Софью и ее спутников.

В Львовской летописи сообщено, что митрополит Филипп организовал прения о вере с папским посланником. Постулаты православной веры должен был защищать книжник Никита, но папский посол отказался под предлогом того, что у него нет нужных книг{159}. Эти сведения могли быть в источниках дипломатического характера, которые до нас не дошли. Но могли быть и плодом фантазии автора Львовской летописи, склонного к вольной интерпретации сведений других источников.

Есть в Львовской летописи и еще одно интересное

добавление, касающееся непосредственно венчания великого князя и Софьи. В ней указано, что обряд осуществлял не митрополит Филипп, как в ранних летописях, а коломенский протопоп Осея, поскольку кремлевский протопоп и великокняжеский духовник были вдовцами{160}.

Эти данные могли быть взяты из каких-то церковных источников. Правда, они сомнительны, поскольку венчание было организовано очень быстро, в день приезда невесты, и коломенский протопоп не успел бы на него прибыть во время. К тому же привлечение именно этого духовного лица из провинции к очень важной церемонии в столице представляется очень странным. Наиболее вероятно, что свадебную церемонию осуществлял сам митрополит Филипп. Ведь на ней присутствовало много знатных иностранцев, в том числе и католиков.

Все добавления в Львовской летописи свидетельствуют о том, что ее составитель либо обладал какими-то дополнительными источниками, либо произвольно дополнял уже известные данные. Например, он по-своему описал обстоятельства отъезда Софьи на Белоозеро. По его данным, сам Иван III отправил жену в эту далекую поездку вместе с казной. Сопровождать великую княгиню он поручил боярам Василию Борисовичу и Андрею Михайловичу Плещееву и дьяку Василию Долматову. В случае захвата Москвы ханом Ахматом всем следовало бежать к «Окияну морю»{161}.

Поскольку в данном описании указаны имена и фамилии реальных лиц, то можно предположить, что они лопали в летопись из какого-то документального источника.

Составитель Львовской летописи включил в свое произведение и некоторые известия из ранних летописей. Поэтому под 1481 г. он поместил сообщение, осуждающее Софью за поездку на Белоозеро: непонятно, зачем бегала, никто за ней не гнался, боярские холопы из ее окружения разорили крестьян в той местности, по которой она проехала{162}.

Характерно, что в Львовской летописи вообще нет сведений о появлении на свет дочерей Софьи. Есть данные только о рождении ею сыновей. Под 1484 г. сообщено о том, что она «истеряла» казну первой жены Ивана III, под 1492 г. сообщено о переезде великокняжеской семьи со старого двора, под 1496 г. даны сведения о поездке Ивана III в Новгород с внуком Дмитрием и оставлении «на государстве» Софьи с сыном Василием. Есть в Львовской летописи и данные об опале в декабре 1497 г. на княжича Василия и Софью без пояснения причин. Последние сведения о великой княгине касаются ее кончины в 1503 г. При

этом указано, что это произошло 17 апреля[163].

Поскольку такая же ошибка в дате смерти обнаруживается в Уваровской летописи, то напрашивается вывод об использовании именно ее при составлении Львовской летописи.

Таким образом, можно сделать вывод, что при составлении Львовской летописи не только был использован текст более ранней Уваровской летописи, но и дополнительные источники документального характера. Правда, эти сведения требуют проверки, поскольку они отсутствуют в ранних летописях.

Некоторые сведения о византийской царевне можно найти в дипломатических документах, о которых писалось выше[164].

К числу дополнительных источников, касающихся Софьи Палеолог, можно отнести сочинения иностранцев. Венецианский посланник А. Контарини в 1476 г. встречался с Софьей и в своих записках описал эту встречу. Он отметил, что это был официальный прием, во время которого великая княгиня ласково с ним побеседовала. Кроме того, Контарини узнал, что сын Ивана III от первого брака вел себя грубо по отношению к новой супруге отца. В 1476 г., по сведениям итальянца, у Софьи уже были две дочери, и она ждала третьего ребенка[165].

Этими дочерями были, очевидно, Елена и Феодосия, появившиеся на свет в 1474 и 1475 гг. Третья дочь Елена, по данным некоторых летописей, родилась 19 мая 1476 г., когда Контарини еще был в Москве. Он уехал в январе 1477 г. Но почему-то об ее рождении он не знал. По его данным, Софья должна была родить третьего ребенка в 1477 г. Однако в летописях нет сообщений об этом ребенке. Поэтому напрашивается вывод о неточности сведений, сообщенных Контарини. Некоторые даты он, возможно, перепутал. Но могли быть неточности и в летописях.

В «Сообщении о России» грека Г. Перкамота, которое он продиктовал в 1486 г. в канцелярии миланского герцога, отмечено, что у Ивана III было четверо взрослых сыновей, имевших самостоятельные владения, и трое сыновей, находящихся в совсем юном возрасте[166].

Взрослыми сыновьями, видимо, считались: Иван Молодой (1458 г.р.), Василий (1479 г.р.), Георгий (Юрий) (1480 г.р.) и Дмитрий (1481 г.р.), поскольку и в XV в., видимо, сохранялся обряд «посажения на коня» княжеских сыновей, осуществляемый в четырехлетнем возрасте. После него мальчиков считали взрослыми людьми.

Тремя юными сыновьями Софьи в 1486 г. могли быть только рано умершие дети, о которых в некоторых летописях сохранились туманные известия. Они могли появиться на свет в

1482, 1484 и 1485 гг. В 1483 г., как известно, родилась дочь Евдокия. Но из-за ранней смерти этих княжичей данные о них, вероятно, не были включены в официальную летопись. Возможно также, что Перкамот имел в виду не юных сыновей, а дочерей Софьи, которых к 1487 г. было как раз три.

Сведения о великой княгине можно обнаружить в дипломатических документах, касающихся визита в Москву австрийских послов Поппеля и Делатора. Оба обсуждали вопрос о браке дочерей Софьи с отпрысками представителей европейских королевских династий. Так, в 1489 г. имперский посол Поппель предлагал в мужья одной из двух дочерей Ивана III маркграфа Баденского{167}.

Эти данные говорят, что в 1489 г. на выданье были только две дочери Софьи Палеолог. Ими могли быть Елена, либо первая, либо вторая, и Феодосия, родившиеся соответственно в 1474, 1475 и 1476 гг. Евдокии на тот момент было только шесть лет. Поскольку у австрийского посла были сведения только о двух дочерях, то напрашивается вывод о том, что одна из старших княжон к 1489 г. уже умерла либо сведения об одной из Елен были ошибочными. Умереть могла только вторая Елена. В противном случае первой выдали бы замуж Феодосию. Ведь именно старшей княжне полагалось выходить замуж раньше всех за самого знатного мужа.

Сватовство баденского маркграфа, как недостаточно знатного жениха, было с возмущением отвергнуто. Иван III соглашался выдать замуж дочерей только за сыновей австрийского императора.

В 1490 г. другой австрийский посол Г. Делатор также попытался высватать для вдового короля Максимилиана одну из дочерей Ивана III. Но и ему было отказано под предлогом того, что великий князь считает неприличным обсуждать вопрос о приданом дочерей и не желает показывать их до свадьбы. К тому же великий князь хотел, чтобы и после замужества дочери оставались в православной вере{168}.

Все эти отговорки свидетельствуют о том, что Иван III с Софьей по каким-то причинам не спешили выдать замуж своих дочерей, хотя в Европе для них находились знатные женихи. Возможно, Иван III хотел получить для себя дополнительную выгоду от брака княжон, а Софья вообще страшилась отпускать их за границу, поскольку они не были к этому готовы.

Дипломатические документы о визите австрийского посла Делатора свидетельствуют о том, что Софья наравне с мужем получала подарки от короля Максимилиана, принимала в своих покоях посла и от себя и старшего сына Василия посылала

ответные подарки. Во время приема русских послов при дворе Максимилиана один из них даже произнес речь от лица великой княгини{169}. Все это говорит о самостоятельном дипломатическом статусе великой княгини. У других жен великих князей Московских, кроме Софьи Витовтовны, его не было.

С.М. Каштанов предложил рассматривать в качестве источников о политической борьбе у великокняжеского трона в конце XV в., в которой активное участие принимала и Софья Палеолог, всевозможные грамоты, подписанные ее сыном Василием, и дипломатическую переписку с польским двором. Она стала наиболее активной после бракосочетания княжны Елены Ивановны с великим князем Литовским Александром{170}. Этот подход представляется вполне правомерным, поскольку в дипломатических документах наглядно отражено положение Софьи при великокняжеском дворе.

В «Записках о Московии» С. Герберштейна также есть ряд данных о Софье Палеолог. Австрийский посол отметил, что она была второй супругой Ивана III, поскольку первая его жена Мария умерла. Дипломат правильно указал, что Софья приходилась дочерью деспоту Фоме, владевшему землями в Пелопоннесе, и внучкой константинопольскому императору Эммануилу из рода Палеологов. По утверждению Герберштейна, у Софьи было только пять сыновей: Гавриил, Дмитрий, Георгий, Симеон и Андрей. Гавриилом он назвал Василия, хотя в русских источниках таким именем княжича не называли. В летописях отмечено, что свое имя он получил в честь Василия Парийского, память которого отмечалась 26 марта, как и Собор архангела Гавриила. К тому же посол неправильно указал Георгия (Юрия) третьим ребенком, на самом деле он был вторым сыном Софьи{171}.

Герберштейн сообщил, что все сыновья получили земельные владения еще при жизни отца. Наследником был объявлен Иван, а Гавриил получил Новгород Великий{172}. Однако, поданным летописей, Иван хоть и считался наследником, при отце владел только бывшим Тверским княжеством. Данных о владениях остальных княжичей нет. Известно лишь, что Василий получил в управление Новгород Великий только в 1499 г. после провозглашения наследником Дмитрия-внука в 1498 г.{173}

По мнению Герберштейна, Дмитрий-внук получил верховную власть после смерти отца по существовавшему обычаю{174}. Этим замечанием австрийский посол, видимо, хотел поставить под сомнение законность власти Василия III. Однако таких обычаев в Русском государстве не существовало, поскольку до этого ни разу в истории династии московских князей верховная власть не

переходила от деда к внуку.

По утверждению Герберштейна, Василий получил верховную власть благодаря хитрости своей матери Софьи, имевшей большое влияние на мужа. Та якобы убедила мужа отдать престол сыну и заключить Дмитрия-внука в тюрьму. Правда, какие аргументы использовала царевна, австриец не пояснил. Неясно также, из каких источников он взял сведения и о том, что перед смертью Иван III встречался с внуком, дал ему свободу и получил от него прощение за свой жестокий поступок. Но после этого Дмитрий якобы был схвачен уже дядей Гавриилом и вновь брошен в темницу. Там он и умер либо от голода и холода, либо от угарного дыма. Но дядя, по утверждению Герберштейна, при жизни Дмитрия именовал себя только правителем, а титул великого князя принял после его смерти{175}.

Однако и эта информация австрийского дипломата вызывает сомнение. Из надписи на гробнице Дмитрия-внука известно, что он умер 14 февраля 1509 г.{176} Василий III, как известно, пришел к власти в конце октября 1505 г. уже имея титул великого князя. Его он получил в последние годы жизни отца. Считать себя всего лишь правителем почти четыре года у него не было никаких оснований.

Хорошо известно, что во всех документах уже с апреля 1502 г. Василий значился как великий князь{177}. Официально права на верховную власть он получил по духовной грамоте Ивана III, составленной и подписанной в июне 1504 г.{178} Никакого титула «правитель» он никогда не носил. Его в Русском государстве вообще не было.

Поэтому напрашивается предположение, что все сведения о взаимоотношениях Василия III с Дмитрием-внуком были выдуман Герберштейном, чтобы еще раз бросить тень на великого князя и поставить под сомнение законность его власти. Характерно, что в последующем тексте австриец вновь повторил, что после смерти Ивана III законным правителем считался Дмитрий-внук, находящийся в темнице, поэтому Василий «не желал подвергать себя торжественному избранию в монархи»{179}.

Однако в Русском государстве верховный правитель не избирался, а получал власть по наследству от отца или других родственников. Законность ее подтверждалась духовной грамотой. В завещании Ивана III о Дмитрии-внуке нет ни слова, великим князем в нем назван Василий. Это и являлось подтверждением законности его восшествия на престол.

Получается, что Герберштейн умышленно исказил целый ряд фактов, касающихся восшествия на престол старшего сына Софьи Палеолог Василия.

Неясно, из каких источников австриец почерпнул сведения и о том, что Софья Палеолог постоянно попрекала мужа за то, что тот оказывал честь ордынским послам и стоя встречал их за городом. Она якобы даже уговорила мужа притворяться больным при их прибытии в Москву. В дипломатических документах, отразившихся в ряде летописей, эти данные не подтверждаются. Известно, что Иван III перестал платить ордынскую дань задолго до 1480 г. и, значит, вряд ли особо почитал ханских послов. Их он принимал у себя во дворце{180}.

По данным Герберштейна, Софья сама отправила послов к жене хана Золотой Орды и выкупила у нее место в Кремле, где жили ордынцы{181}. Однако в русских источниках нет данных о такой самостоятельной деятельности византийской царевны. Вызывает сомнение, что она вообще обладала достаточными средствами для организации собственного посольства в Орду и покупки земли в Кремле. Ведь ей даже пришлось отдать племяннице Марии в качестве приданого драгоценности первой жены Ивана III, поскольку у нее самой ничего ценного не было. Напрашивается предположение, что австрийский посол умышленно преувеличил роль Софьи в свержении ордынского ига, чтобы принизить значение самого великого князя.

Таким образом, анализ текста сочинения Герберштейна позволяет усомниться в том, что оно является ценным источником для изучения жизни и деятельности Софьи Палеолог.

Отдельные сведения о византийской царевне содержатся в памятниках русского происхождения XVI в. Например, из следственного дела Берсеня Беклемишева известно, что ряд представителей русской знати относился к ней и ее окружению отрицательно. Они полагали, что греки испортили нравы при русском дворе{182}. Правда, некоторые историки считали это большим преувеличением{183}.

Отрицательный отзыв о Софье Палеолог оставил и князь А. Курбский, но считать его мнение достоверным нельзя, поскольку он родился через много лет после смерти царевны.

В целом количество всевозможных источников, относящихся к Софье Палеолог, достаточно велико. Они свидетельствуют о том, что женитьба Ивана III на византийской царевне произвела большое впечатление на современников: и на русских людей, и на иностранных дипломатов. В созданных ими эмоционально окрашенных произведениях были достаточно подробно описаны обстоятельства женитьбы Ивана III на Софье Палеолог, зафиксировано рождение ею многочисленных детей, отмечено самостоятельное участие в дипломатических переговорах, даны сведения о конфликтах ее с мужем и т.д.

Дошли до нас и документальные памятники, касающиеся деятельности царевны. Они преимущественно дипломатического характера.

БИОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

Личность Софьи Палеолог привлекала внимание многих известных исследователей истории Русского государства XV–XVI вв. Еще Н.М. Карамзин собрал сведения о ее происхождении, родителях, детских годах. Он выяснил, что отец царевны Фома был одним из двух братьев византийского императора Константина Палеолога. Старший Дмитрий управлял Пелопоннесом, Фома — Мореей. Когда турки во главе с султаном Магометом II напали на Византию, император Константин вступил с ними в бой и погиб. Дмитрий предпочел покориться султану, отдал ему в гарем свою дочь и получил в управление город во Фракии. Фома с семьей бежал в Рим. Он привез папе Пию II одну из христианских святынь — голову апостола Андрея и за это стал получать ежемесячно 300 золотых ефимок на содержание семьи{184}.

Эти сведения, собранные Карамзиным из итальянских источников, опровергают данные Львовской летописи о том, что Софья оказалась в Риме потому, что римский папа был ее родственником.

Через некоторое время, как выяснил историк, отец и мать Софьи умерли, и она вместе с двумя братьями, Мануилом и Андреем, оказалась под покровительством нового папы Павла II. По мнению Карамзина, Мануил и Андрей вели легкомысленный образ жизни и не вызывали уважения у итальянцев. Напротив, Софья, одаренная красотой и разумом, «была предметом общего доброжелательства». Поэтому папа вознамерился найти ей хорошего жениха. Неожиданно для европейцев его выбор пал на московского великого князя Ивана III. Карамзин полагал, что это было сделано для того, чтобы Софья подтолкнула мужа к унии с католической церковью и к вооруженной борьбе с турецким султаном для освобождения ее родины{185}.

Историк уделил внимание обстоятельствам сватовства Ивана III к византийской царевне, привлекая для этого не только русские летописи, но и источники итальянского происхождения. В итоге этот вопрос ему удалось осветить достаточно обстоятельно{186}.

Н.М. Карамзин подробно описал поездку Софьи из Рима в Москву, используя для этого различные источники. На основе их он представил и жизнь царевны в Москве, не подвергая содержание летописных памятников какой-либо научной критике{187}.

Поэтому историк не обратил внимания на то, что в летописях содержатся несовпадающие сведения о количестве детей Софьи и времени их появления на свет. Суммируя ряд данных, он сделал вывод о том, что у нее было пять дочерей и пять сыновей. Это Елена, Феодосия, Елена, Василий, Георгий, Дмитрий, Семен, Андрей, Феодосия и Евдокия{188}. При этом он никак не пояснил, почему не включил в перечень третью Елену, Бориса и Ивана, о которых есть упоминания в некоторых летописных памятниках.

Описывая появление на свет Василия, Карамзин использовал легенду о видении Софьи святого Сергия Радонежского, предсказавшего ей рождение сына{189}.

В целом Карамзин был не склонен считать роль Софьи при дворе Ивана III и ее влияние на мужа значительными. Он лишь отметил, что некоторые современники писали о том, «что, будучи хитрой и честолюбивой, она постоянно убеждала мужа поскорее свергнуть ордынское иго». В данном случае историк повторил информацию Герберштейна без ссылки на его труд. Правда, к этим сведениям он отнесся довольно осторожно{190}.

Н.М. Карамзин осудил книжников за то, что те на страницах летописей порицали Софью за отъезд из Москвы во время нашествия Ахмата. По его мнению, великая княгиня была вынуждена спасаться на севере с маленькими детьми. При этом историк привел данные о том, что сначала беглецы якобы поехали в Дмитров, потом на Белоозеро и далее двинулись дальше к океану{191}.

Ни в одной летописи этих деталей нет. Откуда их взял историк — неизвестно. Вероятно, они были плодом его собственной фантазии, поскольку слишком далеко уезжать к океану Софье не требовалось. Ведь ордынские полки не смогли переправиться даже через Угру осенью 1480 г.

Следует отметить, что Карамзин проигнорировал сведения и Контарини, и С. Герберштейна о том, что у Софьи были трения с Иваном Молодым и что она якобы устраивала против него козни. Например, он не связал с происками царевны смерть Ивана Молодого, как это сделал австрийский посол. Более того, по его утверждению, лекарь Леон был привезен в Москву сыновьями Рала Палеолога за несколько месяцев до болезни княжича. Лечить Ивана он вызвался сам, видимо, считая его заболевание несерьезным{192}.

Можно заметить, что в труде Карамзина не содержится каких-либо прямых обвинительных выпадов в адрес Софьи Палеолог, которые есть в некоторых летописных источниках.

Он не осудил ее за утрату драгоценностей первой жены Ивана III, рассмотрев данный эпизод вкратце{193}.

Даже события декабря 1497 г., связанные с попыткой княжича Василия при поддержке матери бежать из Москвы, представлены как результат происков сторонников Дмитрия-внука против них. По мнению историка, при великокняжеском дворе активно обсуждался вопрос о том, кто станет наследником Ивана III. У Дмитрия-внука якобы было больше поддержки со стороны знати.

Но в летописных источниках такой информации нет. В них лишь есть данные о том, что дьяки сообщили Василию о готовящемся провозглашении Дмитрия-внука великим князем. Чтобы помешать этому, по мнению книжников, великая княгиня хотела отравить мужа, поэтому тот стал остерегаться ее. Карамзин же высказал предположение о том, что зелье предназначалось для Елены Волошанки и ее сына{194}.

Историк полагал, что гнев Ивана III на сына Василия и супругу был временным явлением: «Иоанн любил супругу, по крайней мере, чтил в ней отрасль знаменитого императорского дома, двадцать лет благоденствовал с нею, пользовался ее советами и мог по суеверию, свойственному и великим людям, приписывать счастию Софии успехи своих важнейших предприятий. Она имела тонкую греческую хитрость и друзей при дворе». Поэтому уже через год великий князь «возвратил свою нежность супруге и сыну»{195}.

Карамзин считал, что через некоторое время Иван III вновь начал расследовать дело о попытке бегства Василия и выявил вину двух представителей знати: князей И.Ю. Патрикееева, своего двоюродного брата, и С. Ряполовского. Оба были сурово наказаны{196}.

Правда, в летописях нет пояснений по поводу того, за что были репрессированы эти вельможи. Поэтому у Карамзина не было никаких оснований для того, чтобы связать попытку бегства Василия с наказанием Патрикеева и Ряполовского и делать вывод о том, что после этого отношения Ивана III с женой и сыном улучшились.

В целом же Карамзин не считал, что Иван III испытывал сильную любовь к Софье. Он полагал, что тот лишь использовал ум Софьи при решении важных государственных дел и считал полезными ее советы{197}. Правда, каких-либо конкретных примеров, подтверждающих этот вывод, в «Истории государства Российского» нет. Отсутствуют такие данные и в источниках.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что прославленный историк относился к Софье Палеолог исключительно положительно. Он считал, что она обладала изощренным умом, давала супругу полезные советы при решении государственных вопросов. Используя свои обширные связи в

Риме и городах Италии, принцесса способствовала приезду на Русь различных иностранных специалистов. Среди них были дипломаты, архитекторы, градостроители, рудознатцы, иконописцы, оружейники, литейщики, ювелиры, музыканты и т.д. Все они оказали большое влияние на развитие русской культуры и ремесла на рубеже XV–XVI вв.

Делая различные выводы, касающиеся жизни и деятельности Софьи, Карамзин, правда, не всегда основывался на данных источников и даже нередко вольно трактовал их содержание. Поэтому к ним следует относиться с осторожностью.

Большое внимание уделил Софье Палеолог и другой известный историк XIX в. — С.М. Соловьев. В пятом томе «Истории России с древнейших времен» он назвал вторую главу «Софья Палеолог». На основе летописных источников он описал обстоятельства сватовства Ивана III к Софье, ее поездку из Рима в Москву и свадьбу{198}.

Историк полагал, что византийская царевна оказала очень сильное влияние на характер власти великого князя. Если до этого московский государь был только первым среди равных, то при Софье окончательно сформировалось самодержавие. После брака с ней Иоанн «явился грозным государем на московском великокняжеском столе; он первый получил название Грозного»{199}.

Данный вывод Соловьев сделал на основе свидетельств А. Курбского, Берсеня Беклемишева и Герберштейна, которым полностью доверял{200}.

Историк полагал, что при дворе у Софьи и ее сына было мало сторонников, только дети боярские и дьяки. Главные представители знати, по его мнению, поддерживали Дмитрия-внука, якобы имевшего бесспорные права на великокняжеский престол — «по прежнему обычаю». В чем он состоял, историк не пояснил. У сына Софьи Василия, по его мнению, было одно преимущество — он был «от царского кореня»{201}.

Однако это утверждение Соловьева вызывает возражение. Отец Дмитрия-внука Иван Молодой только считался соправителем отца, на престоле же никогда не был. Поэтому формально его сын законных прав на верховную власть, по существовавшему обычаю, не имел. Например, ярлык на великое княжение получали только те князья, чьи отцы раньше сидели на великокняжеском престоле.

Венчание Дмитрия-внука на великое княжение историк расценил как победу боярской верхушки. Но, в отличие от Карамзина, С.М. Соловьев считал, что византийская царевна всегда оказывала очень сильное влияние на мужа, поэтому, даже

удалившись от нее после заговора Василия в декабре 1497 г., он «не удалился от мыслей, внушаемых ею». В итоге торжество бояр оказалось недолгим. Страшная опала обрушилась на князей Юрия Патрикеева и его зятя Семена Ряполовского. Причину ее историк объяснил действиями этих бояр против Софьи и ее сына Василия{202}. Правда, в летописных источниках конкретных данных на этот счет нет.

Соловьев не дал точных пояснений относительно причины опалы на Дмитрия-внука и его мать в 1502 г. Он лишь привел версию самого Ивана III, отраженную в грамотах к дочери Елене, ставшей женой великого князя Литовского Александра, и крымскому хану. Она заключалась в том, что внук стал грубить деду и этим вызвал его гнев{203}. Но думается, что причина была глубже.

В труде Соловьева повторено мнение Герберштейна о том, что именно Софья заставила Ивана III свергнуть ордынское иго. Правда, ссылка идет на «Историю Российскую» В.Н. Татищева. Судя по всему, тот лишь с большими деталями повторил утверждение австрийского дипломата{204}.

С.М. Соловьев, как и Карамзин, не обвинил великую княгиню в том, что она бежала на Белоозеро в период нападения на Русь хана Ахмата. По его мнению, Иван III сам отправил туда жену вместе с детьми и казной. В данном случае он повторил версию летописцев XVI в.{205}

К числу заслуг Софьи Соловьев отнес строительство Успенского собора в Москве. Историк полагал, что именно она убедила мужа пригласить из Италии опытного мастера{206}.

Кроме того, Соловьев сделал вывод о том, что Софья Палеолог и ее сын были близки к иосифлянам, правда, не пояснил, в каких источниках об этом сообщалось. Возможно, он решил, что так великая княгиня противопоставляла себя Елене Волошанке, близкой к еретикам{207}.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что С.М. Соловьев считал, что Софья Палеолог оказала большое влияние и на мужа, заставив его сбросить ордынское иго и стать самодержцем, и на нравы при великокняжеском дворе, которые сильно испортились. Поэтому, по его мнению, московская знать ненавидела византийскую принцессу и всячески ей вредила. Но Софье с сыном Василием удалось найти опору в лице иосифлян, мелкопоместного дворянства и дьяков.

Мнение о Софье Палеолог Н.М. Карамзина и С.М. Соловьева в той или иной форме повторили потом многие историки, создававшие труды по истории Русского государства рубежа XV–XVI вв. В их числе: М. Щербатов, Н.И. Костомаров, И.Е. Забелин,

В.О. Ключевский, С.Ф. Платонов и др. При этом никто из них не обнаружил каких-либо кардинально новых данных, касающихся личности византийской царевны. Все они единодушно утверждали, что жена Ивана III оказала большое влияние на его внешнюю и внутреннюю политику.

Уже известные данные о Софье Палеолог были обобщены в статье Ф.И. Успенского «Брак царя Ивана III Васильевича с Софьей Палеолог». В ней всячески подчеркнуто, что знатная супруга возвысила статус великого князя и даже позволила претендовать на царское достоинство{208}.

Определенное внимание деятельности Софьи Палеолог уделил и И.Е. Забелин. Он полагал, что она занималась церковным строительством в Кремле. К числу ее построек он относил церковь Николая Гостунского на старом татарском дворе. При ней жили вдовы, до 20 человек{209}.

С именем Софьи Фоминичны исследователь связывал также постройку церкви Косьмы и Дамиана и перестройку Спасского собора, который стал Верхнеспасским из-за строительства каменного теремного дворца. Сам Спасский монастырь был перенесен из Кремля на берег Москвы-реки в 1490 г. и стал называться Новоспасским{210}.

В конце XIX в. П. Пирлинг в фундаментальном исследовании «Россия и Восток» привел довольно много сведений, касающихся происхождения Софьи, ее семьи и пребывания в Риме до замужества{211}. Их он обнаружил в документах папского архива, хранившихся в Ватикане. Все эти данные потом использовались историками в работах о внешней политике Русского государства второй половины XV в.{212}

В советской историографии возникла тенденция преуменьшать влияние Софьи Палеолог не только на процесс образования Русского централизованного государства, но даже на развитие русской культуры на рубеже XV–XVI вв. Одним из первых эту точку зрения высказал К.В. Базилевич{213}. Потом она была повторена и в других работах. Например, в главе «Образование единого Российского государства» в многотомной «Истории СССР», написанной А.Л. Хорошкевич, византийская принцесса вообще не упоминается{214}.

В книге С.М. Каштанова «Социально-политическая история России конца XV — первой половины XVI века» деятельность Софьи Палеолог также не выделена. Исследователь уделяет главное внимание положению при дворе ее старшего сына Василия и утверждает, что княжич уже в 1485 г. в возрасте всего шести лет стал самостоятельной политической фигурой и носил титул великого князя{215}.

По мнению Каштанова, Софья со своими родственниками Ралевыми была повинна в ранней смерти Ивана Молодого. Кроме того, она постоянно требовала от мужа, чтобы тот наделял Василия все новыми и новыми земельными владениями{216}.

Этот вывод историка представляется сомнительным, поскольку неженатые княжичи наделялись собственными земельными владениями только после смерти отца.

Выясняя, какое положение занимала Софьи Палеолог при великокняжеском дворе, исследователь активно использовал Посольские книги. Это представляется правомерным, поскольку в текстах дипломатических документов по перечню членов великокняжеской семьи наглядно видно, какое место было у Софья и ее сыновья в ней. Проанализировав данные за несколько лет, Каштанов сделал вывод о том, что возвышению великой княгини способствовала женитьба великого князя Литовского Александра на ее дочери Елене в 1495 г.{217}

При изучении династического кризиса 1497–1500 гг. С.М. Каштанов сделал вывод, что его причина была в том, что Василий стремился к восстановлению удельных порядков, которые отменял Судебник 1497 г. Дмитрий же был согласен на роль соправителя Ивана III без каких-либо собственных прав. Самостоятельное участие Софьи в этом кризисе историк не выделяет{218}. Правда, в источниках никаких данных, подтверждающих этот вывод, нет.

В книге А.А. Зимина «Россия на рубеже XV–XVI столетий» Софье Палеолог уделено существенно больше внимания, чем в труде С.М. Каштанова. Исследователь полагал, что положение византийской царевны при московском дворе было достаточно низким и бесправным. Это наглядно проявилось в эпизоде с драгоценностями первой супруги Ивана III Марии Тверянки. По мнению Зимина, Софья якобы искала защиту у удельного князя Михаила Верейского и во время Стояния на Угре бежала к нему на Белоозеро. К тому же после бегства Василия Верейского в Литву в 1483 г. ее положение стало якобы еще хуже{219}.

Правда, эпизод с драгоценностями показывает лишь то, что Софья не была знакома с семейными традициями великих князей. Поэтому сама она не понесла никакого наказания за то, что отдала драгоценности из казны великих княгинь брату и племяннице. К тому же вряд ли Михаил Верейский мог стать ее защитником в 1480 г., поскольку никакой самостоятельной роли этот князь никогда не играл и в это время еще не являлся родственником царевны. На Белоозеро великая княгиня поехала, видимо, потому, что это было достаточно безопасное для нее и маленьких детей место.

А.А. Зимин, вслед за другими историками, обвинил Софью в смерти Ивана Молодого в 1490 г. После этого она якобы стала вести активную борьбу с Еленой Волошанкой и Дмитрием-внуком. Обе, по его мнению, были властными женщинами и опирались на свои придворные круги{220}.

Историк полагал, что Софья была близка к тем церковным деятелям, которые вели борьбу с еретиками, т.е. к архиепископу Геннадию, Нифонту Суздальскому и др. Ее сына Василия окружали лица, ранее входившие в двор Михаила Верейского{221}. Однако в источниках точных данных на этот счет нет.

В отличие от некоторых исследователей, А.А. Зимин выделил положительную роль Софьи Палеолог в развитии русско-итальянских отношений в конце XV в. Он указал на то, что входившие в ее свиту лица, в частности Траханиоты, стали видными русскими дипломатами и деятелями культуры. Благодаря личным контактам византийской царевны с итальянскими политическими деятелями в Россию приехали самые разнообразные специалисты: зодчие, литейщики, ювелиры, музыканты, лекари и т.д.{222}

Новые данные о матери византийской царевны Екатерине обнаружила Е.Ч. Скржинская. Ей удалось решить спорный вопрос об ее происхождении. Оказывается, Екатерина была дочерью последнего ахайского князя Захария II. Его владения также находились в Пелопоннесе, но в 1429 г. Фома Палеолог заставил его отречься от княжения и отдать ему свои земли вместе с дочерью{223}.

Вопросу о браке Ивана III с Софьей Палеолог уделил внимание и Ю.Г. Алексеев в монографии, посвященной Ивану III. Он отметил, что инициаторами женитьбы великого князя на византийской царевне были представители папской курии, которые стремились «к расширению сферы своего идеологического влияния и подчинению себе русской церкви»{224}.

Исследователь отметил, что именно в период обсуждения условий брака начались интенсивные дипломатические отношения между Россией и Италией, которые до этого носили эпизодический характер{225}.

Алексеев почему-то не заметил личных заслуг Софьи в приглашении на Русь итальянских специалистов, архитекторов, строителей, оружейников и т.д. По его утверждению, их уговаривали поступить на службу к Ивану III русские дипломаты{226}.

Отношение к Софье Фоминичне в исследовании Алексеева довольно уничижительное. Византийскую царевну он называл

«нищей папской пенсионеркой бесприданницей, нашедшей приют в Риме» и полагал, что «в источниках нет и намека на ее политическую роль»[227].

Однако данный вывод явно не объективен. Ю.Г. Алексеев не учел, что у Софьи Палеолог и политический кругозор, и образовательный уровень были существенно выше, чем у Ивана III и его окружения. Делясь с мужем своими познаниями, она дала ему возможность самому, как правителю, стать на более высокий европейский уровень и заняться формированием из великого княжества централизованного государства с гербом, органами власти, Судебником и постоянно расширяющимися границами.

В последнее время несколько статей и книг о Софье Палеолог написала Т.Д. Панова. Она постаралась собрать достаточно много биографических сведений, касающихся всего жизненного пути византийской принцессы, а не только периода ее пребывания в Русском государстве. Исследовательница предположила, что царевна родилась в период между 1443 и 1449 гг. В семье морейского деспота Фомы она была вторым ребенком. Старшей считалась сестра Елена — сербская королева, которая, овдовев, с 1459 г. жила в Риме. Кроме того, у царевны было два младших брата, Андрей и Мануил[228].

Т.Д. Панова высказала мнение о том, что первоначально Софья была католического вероисповедания, поэтому московский митрополит Филипп долго не давал Ивану III разрешение на этот брак[229].

Однако этот вывод исследовательницы сомнителен. Ведь отец принцессы был братом византийского императора, являвшегося главой православной церкви. Вероятнее всего, Фома и члены его семьи оставались православными, но под давлением обстоятельств примкнули к Флорентийской унии с католиками, заключенной в 1439 г.

Панова высказала мнение о том, что Софья в России с трудом постигала законы чужой для нее страны, поэтому совершала всевозможные промахи. За это современники не слишком любили ее[230]. С этим мнением следует согласиться.

Изучая состав семьи Софьи и Ивана III, Т.Д. Панова собрала все сведения из нескольких летописей. В итоге у нее получилось, что всего великая княгиня родила двенадцать детей: пять дочерей и семь сыновей. По непонятной причине исследовательница решила, что женой великого князя Литовского Александра стала третья княжна Елена[231].

Однако женой правителя соседней страны могла стать только старшая княжна. Ведь ее сестры Феодосия и Евдокия были выданы замуж за подданных Ивана III, занимавших значительно

более низкое место на иерархической лестнице, чем Александр. Брак с младшей княжной умалил бы честь великого князя Литовского. Поэтому вопрос о дочерях великой княгини требует дальнейшего исследования.

Т.Д. Панова уверена, что Софья занимала при великокняжеском дворе высокое положение, имела собственное окружение и даже принимала иностранных послов. Но вопрос об ее участии в политической борьбе исследовательница рассматривает схематично{232}.

Наибольшее внимание в статье уделено результатам изучения гробницы великой княгини, которая находится ныне в подвалах Архангельского собора Кремля, а также реконструкции ее облика с помощью современных методов. Оказалось, что на момент смерти в 1503 г. Софье было 50–60 лет. Ее рост составлял 160 сантиметров, и она страдала заболеванием костей, которое проявлялось в ожирении и огрублении черт лица. Облик великой княгини, по мнению Пановой, свидетельствовал о том, что она обладала глубоким умом и решительным и сильным характером{233}.

Таким образом, исследование, проведенное Т.Д. Пановой вместе с антропологом А.С. Никитиным, вносит много нового в изучение облика и черт характера Софьи Палеолог.

В дальнейшем Т.Д. Панова продолжила исследование жизни и деятельности византийской царевны Софьи и его результаты отразила в небольшой книге «Великая княгиня Софья Палеолог». В ней отмечено, что родство византийских императоров с русскими князьями имело давнюю традицию. Например, первой женой императора Иоанна VIII Палеолога была русская княжна Анна Васильевна, дочь Василия I. Правда, она рано умерла, во время эпидемии чумы, и не оставила потомства{234}.

В книге Панова более подробно изложила все сюжеты, затронутые ранее в статье. Кроме того, она поместила в ней много интересных иллюстраций{235}.

В 2004 г. в музеях Московского Кремля была организована выставка «Италия и Московский двор». Для нее был издан каталог с научными статьями о русско-итальянских отношениях XV–XVII столетий, относящихся и к периоду брака Ивана III с Софьей Палеолог. В данных работах отмечено, что именно с конца XV в. отношения России с итальянскими городами-государствами становятся наиболее интенсивными. Этому, несомненно, способствовала женитьба великого князя на византийской принцессе. После ее смерти поток итальянских мастеров в Москву постепенно иссяк{236}.

В статьях каталога отмечено, что династический союз

великого князя и царевны укрепил международное положение Русского государства и позволил ему взять на себя роль крупнейшего оплота православия{237}.

В каталоге помещено много иллюстраций, связанных с жизнью и деятельностью Софьи Фоминичны, в том числе уникальные вышивки, изготовленные в ее мастерской.

Исследователи, работающие в музеях Кремля, связывают с именем Софьи икону «Спас Нерукотворный» XV в., которой ее якобы благословил отец. Если данная версия верна, то она полностью опровергает предположение некоторых исследователей о том, что византийская царевна была католичкой.

Католическая религия отвергает святость икон и запрещает поклоняться им.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что личность и жизненный путь Софьи Палеолог не раз привлекали внимание различных исследователей. В этом плане ей повезло существенно больше, чем большинству русских знатных женщин. В то же время в ее биографии остаются спорные и неясные моменты. Например, была ли она православной, когда приехала в Москву, сколько было у нее дочерей, какие лица окружали византийскую царевну и ее старшего сына? Не совсем ясно, почему многие современники недолюбливали Софью? Спорным остается вопрос о том, насколько сильным было ее влияние на мужа и на московскую придворную жизнь. Занимала ли она при дворе высокое положение или, напротив, при решении многих вопросов должна была получать согласие мужа и в итоге оказывалась бесправной? Был ли значительным ее личный вклад в историю русской архитектуры и искусства и культуры в целом?

Оставила ли она свой след на процесс формирования Русского централизованного государства?

В настоящем исследовании будут рассмотрены все эти вопросы и по возможности даны развернутые ответы на них.

В большинстве исследований о великой княгине Софье Палеолог мало сведений о ее детских годах. Попробуем восполнить этот пробел, используя исследования по истории Византии{238}.

Зоя, так звали Софью на родине, была младшей дочерью морейского деспота Фомы (1409–1465) — одного из сыновей византийского императора Мануила II (1391–1425) из династии Палеологов. Год рождения царевны неизвестен, но исследователи предполагают, что она появилась на свет во второй половине 40-х гг. XV в.{239}

Династия Палеологов стала править Византийской империей

с середины XI в., победив в ходе междоусобных сражений представителей рода Ласкарисов. За два века правления Палеологи лишь один раз уступили трон Иоанну Кантакузину (1347–1354) — правителю Морей (Пелопоннеса). Окончательно победив, они даже начали привлекать на службу потомков своих прежних соперников. Это делалось для укрепления постоянно слабеющей императорской власти.

С XIV в. положение византийских императоров было очень сложным. Им приходилось постоянно лавировать между Западом и Востоком, т.е. между латинскими странами, подчинявшимися римскому папе, и усиливающейся Османской империей. Желая сохранить относительную самостоятельность, они были вынуждены то признавать свою вассальную зависимость от турецких султанов, то заключать унии с католическим духовенством. Дед Зои император Мануил II из-за натиска турок даже хотел бежать в европейские страны. Но его спас восточный завоеватель Тамерлан, который разгромил воинственного турецкого султана Баязета. После этого в Турции пришел к власти султан Магомед (1402–1421). С ним императору Мануилу даже удалось подружиться.

У Мануила было шесть сыновей: Иоанн, Федор, Андроник, Константин, Фома и Дмитрий. Трон сначала унаследовал Иоанн VIII (1425–1448). Его правление уже не было таким безоблачным, как в последние годы отца. Ему даже пришлось признать себя данником султана Мурада II (1421–1451) и выплачивать Турции ежегодную достаточно внушительную сумму денег. Хотя для страны это было тяжелым бременем, но благодаря этому население было ограждено от грабительских набегов турецких завоевателей.

Следует отметить, что первой супругой Иоанна VIII была русская княжна Анна — дочь великого князя Московского и Владимирского Василия I и литовской княжны Софьи Витовтовны. Но она скончалась в юном возрасте во время эпидемии и не успела родить ребенка. Второй супругой императора стала Софья из побочной ветви рода Палеологов. Она также скончалась рано. Поэтому император женился в третий раз на Марии Трапезундской, дочери правителя Трапезундской империи, существовавшей на северо-востоке Малой Азии в 1204–1461 гг.

Однако ни одна из жен не родила императору наследника. Поэтому после смерти Иоанна в 1448 г. трон перешел к его брату Константину, ставшему последним правителем Византии.

Отец Зои, Фома, был одним из младших сыновей императора Мануила. После достижения совершеннолетия он получил в

управление западную часть Пелопоннесского полуострова, который в то время назывался Мореей. Чтобы закрепить свое положение на этих территориях, он женился на дочери местного князя Кентуриона Цаккариа — Екатерине[240].

После свадьбы с Екатериной, состоявшейся, видимо, в 1429 г., Фома потребовал, чтобы ее отец отдал ему свои владения. Они, по его мнению, являлись приданым невесты[241].

Из-за этого между новыми родственниками сложились не самые простые отношения. О них со временем, несомненно, узнала и Зоя-Софья.

До 1428 г. всем полуостровом управлял старший из сыновей императора Мануила, Федор. Потом ему пришлось поделиться с братьями Константином и Фомой. С 1443 по 1449 г. Морея была поделена только между Константином и Фомой, поскольку Федор, как и Андроник, постригся в монахи. Константин, став императором в 1449 г., начал вести активную борьбу за возвращение империи ряда утраченных земель. Поэтому вторым правителем Морей, ее восточной части, стал самый младший брат Дмитрий. С ним у Фомы нередко возникали различные конфликты, поскольку Дмитрий проводил откровенно протурецкую политику и был противником унии с католиками[242].

Можно предположить, что с детских лет Зоя была свидетельницей распрей между родственниками по самым различным вопросам. Она наглядно видела, что за свою власть необходимо постоянно бороться даже с близкими людьми.

Исследователи отмечали, что в первой половине XV в. только население Морей могло себя прокормить. Ситуация на этой территории была сравнительно благополучной. Намного хуже было положение в Константинополе. После нападения крестоносцев в 1204 г. город так и не смог восстановиться. Его окрестности представляли собой пустыню, поэтому голодовки длились годами. Торговля находилась в упадке, грязь, нищета и эпидемии наносили урон населению. В 1430 г. в Константинополе жило всего 30–40 тысяч человек, а в 1453 г. набралось не больше 5 тысяч человек, способных взять в руки оружие для защиты города от турок. Иностранцы, посещавшие столицу империи, вспоминали, что в огромном городе жизнь теплилась лишь в некоторых полуразрушенных домах. Большой императорский дворец представлял собой развалины, разрушен был даже знаменитый ипподром. Кирпичи с его стен растаскивались местными жителями для своих нужд[243].

Современники отмечали, что в это время не ремонтировались даже церкви. Так, храм Апостолов был почти руиной, а у Святой

Софии развалилась колоннада. Нормальный вид имели только храм Великого Дмитрия у Акрополя и усыпальница Палеологов — Пантеон. Даже знать жила отнюдь не во дворцах, а в наполовину деревянных постройках с низкими потолками и маленькими тусклыми оконцами, которые отапливались в зимние холода только медными жаровнями. Существовавшие ранее бронзовые украшения зданий были перелиты на монету, мраморные фризы и наличники сбиты и сожжены для получения извести{244}.

Поэтому Зоя, родившаяся в середине 40-х гг. XV в., вероятно, редко посещала царственных родственников в Константинополе. Там она могла видеть лишь остатки былого величия Византийской империи. Самому императору и членам его семьи приходилось на всем экономить и вести очень умеренный образ жизни. Основное же население некогда огромного и богатого города прозябало в нищете.

Император Иоанн VIII полагал, что помощь в борьбе с Турцией может прийти только с Запада. Поэтому он согласился на унию с католиками и даже сам отправился в 1437 г. в Италию на Ферраро-Флорентийский церковный собор. Там он подписал унию, поскольку константинопольский патриарх скончался к этому времени, а новый иерарх долгое время не был избран. Высшее православное духовенство было категорически против объединения с католиками. Оно даже было готово подчиниться туркам, а не римскому папе.

Большинство православного населения Византии также относилось крайне отрицательно к объединению с католиками. Некоторые церковные деятели даже стали призывать народ к восстанию против императора-униата. Родной брат Иоанна VIII Дмитрий бежал к султану и организовал в 1442 г. поход турок на Константинополь в знак протеста против унии с католиками{245}.

Отец Зои Фома поддержал старшего брата Иоанна и заключенную по его инициативе унию с католиками. Поэтому напрашивается предположение, что родившаяся в середине 40-х гг. Зоя уже была крещена как униатка. Но полностью католичкой она не считалась, поскольку по сути была православной верующей. Ведь согласно унии православные верующие сохраняли свои основные обряды.

Старшая сестра Зои Елена, появившаяся на свет в 1432 г., вероятно, вообще была чисто православной. Ее рано выдали замуж за сына сербского короля Георгия Бранковича — Лазаря — полностью православного. После кончины отца в 1456 г. Лазарь сел на королевский трон вместе с супругой. Но его правление длилось всего два года — до 1458 г., поскольку Сербия была завоевана турками. В ходе боев король Лазарь погиб. Поэтому

молодой вдове пришлось переехать в Рим под покровительство католического духовенства[246].

Можно предположить, что в течение всего детства Зоя испытывала страх перед турками. Ведь те нередко нападали на различные территории Византийской империи, грабили и убивали взрослое население. Детей и молодых девушек уводили в плен, чтобы сделать рабами. Некоторые византийские правители, желая задобрить завоевателей, отдавали своих дочерей в султанский гарем. Такая участь наверняка пугала юную царевну.

Хотя в 1449 г. на византийский престол сел энергичный царевич Константин, всем было ясно, что судьба империи зависит от настроения турецкого султана. В 1450 г. скончался достаточно миролюбивый Мурад II. Его преемником стал воинственный Магомет II (1451–1481), который даже получил прозвище Завоеватель. Он был сыном наложницы-армянки, поэтому только путем упорной борьбы с многочисленными братьями смог получить верховную власть. В глазах народа он стремился все время доказывать, что достоин престола. Поэтому завоевание Константинополя стало для него главной целью[247].

Таким образом, честолюбивые планы нового султана окончательно решили судьбу византийской столицы и императора Константина. Осада города турками весной 1453 г. в течение 57 дней закончилась его захватом и разграблением 29 мая. В ходе последних ожесточенных боев император Константин погиб вместе с большинством его защитников[248].

Отец Зои деспот Фома не помог старшему брату императору, несмотря на его многочисленные просьбы. Он собирался оборонять только свои владения, не понимая, что с огромной турецкой армией ему не справиться.

В Морее достаточно быстро узнали о случившейся в Константинополе катастрофе. Ведь на Пелопоннес хлынула толпа беженцев. Среди них был ближайших помощник и советник нескольких императоров опытный политик Франзи. Он вошел в окружение деспота Фомы и занялся сочинением важного труда — истории династии Палеологов.

Можно предположить, что любознательная Зоя не раз беседовала с седовласым старцем и узнавала от него много интересного о своих предках. Поэтому, став женой Ивана III, византийская царевна никогда не забывала о том, что стоит на более высокой ступени иерархической лестницы, чем великий князь Московский.

Опытный Франзи несколько лет занимался обучением юной принцессы, поскольку первый сын Фомы, Андрей, родился лишь в 1453 г. Наверняка учитель познакомил Зою с очень популярным в

то время учением Плифона, которое касалось основ устройства государства. Этот философ полагал, что любая страна будет процветающей лишь в том случае, если общество в ней разделится на три группы. В первую должны входить крестьяне — главная рабочая сила государства. Вторую должны составлять торговцы и ремесленники. В третью следует входить тем, кто занимается обороной границ и управлением, а также духовенство. При этом члены групп не должны смешиваться друг с другом и выполнять несвойственные им функции. Например, крестьянам не следует заниматься обороной, а воинам — ремеслом или торговлей.

Во главе всех групп полагалось стоять императору — главному собственнику земли в стране. Он должен был наделять ею крестьян. Взамен тем надлежало отдавать две трети собранного урожая на нужды страны. Кроме того, им следовало содержать воинов, если те получали землю в качестве оплаты за службу{249}.

Можно предположить, что Зоя с успехом освоила учение Плифона и потом, приехав в Россию, видимо, ознакомила с ним своего супруга Ивана III. Для него оно было особенно важным, поскольку с самого начала своего длительного правления государь занимался формированием Русского централизованного государства. Он не только стремился объединить под своей рукой все земли, когда-то входившие в Древнерусское государство, но и подавлял сепаратистские устремления удельных князей, своих родственников. Следуя учению Плифона, себя великий князь провозгласил главным собственником земли в стране и стал раздавать ее дворянам в качестве платы за воинскую службу. Часть земель на севере оказалась и у черносошных крестьян, которым следовало платить налоги в казну Другие сословия — ремесленники и торговые люди, к воинскому делу не привлекались, они приписывались к городам и должны были платить в казну налоги — тягло. Для правильного сбора налогов в правление Ивана III стали создаваться первые писцовые книги. При нем увеличился и штат дьяков, занимавшихся государственной документацией и некоторыми управленческими делами. При его отце, Василии II, всего этого не было.

Конечно, точных данных о том, что именно Софья Палеолог внушила Ивану III, как следует устроить государство, нет. Но хорошо известно, что именно при этом великом князе были заложены основы Русского государства, просуществовавшего два века до реформ Петра I.

В целом византийская царевна наверняка получила очень неплохое для своего времени образование. В ее распоряжении

были и опытные учителя, и богатая библиотека, собранная греческими императорами за несколько веков, которую беженцы вывезли из обреченной на разграбление византийской столицы.

Исследователи отметили, что даже после взятия Константинополя турками политическая жизнь в Византии замерла не сразу. Еще существовали два государства Палеологов в Мо-рее, Фомы и Дмитрия, и Трапезундская империя Комнинов. Но их гибель была лишь отсрочена на несколько лет.

Поначалу Фома и Дмитрий признали себя вассалами султана и обязались платить ему дань в виде 12 тысяч золотых монет. Но потом оказалось, что собрать такую сумму сложно, поскольку население Морей было бедно и не желало подчиняться деспотам. К тому же в свите султана находился соперник Палеологов Мануил Кантакузин, чьи предки правили в Морее 50 лет назад. Он стал настраивать Магомета против Фомы и Дмитрия и убедил напасть на Морею, чтобы навести там порядок.

Дмитрий, имевший связи при султанском дворе, предложил в гарем Магомета свою дочь и согласился вместо земель в Морее довольствоваться островом Этнос. Фома же решил бороться с турками. К этому времени у него родился сын Андрей (1453), и по старшинству он сам имел права на императорский престол. В ответ на вооруженное выступление Фомы султан послал в Морею в 1460 г. отряд Хаган-паши. Тот начал один за другим захватывать греческие города. Фоме с семьей удалось бежать в крепость Монемвасия, жители которой присягнули венецианцам{250}.

Так юной Зое впервые пришлось испытать ужас перед возможностью оказаться в плену у безжалостных восточных завоевателей. Ей наверняка захотелось бежать как можно дальше от ставших опасными родных мест. В это время царевне было 15 лет.

Деспот Фома понял состояние членов своей семьи и вскоре переехал на остров Корфу, где было значительно безопаснее.

С собой он смог захватить только немногочисленные семейные ценности и одну из главных христианских святынь — голову апостола Андрея. Ее он вскоре отвез в Рим и подарил римскому папе. Ведь Фома всегда придерживался прозападной политики, поддерживал унию с католиками и считал, что только европейские державы могут спасти его родину. Но, как известно, он жестоко просчитался.

С переездом на остров Корфу детство и отрочество Зои окончательно закончились. Начался один из наиболее печальных периодов в ее жизни — юность.

Из документов папского архива, изученных и введенных в

научный оборот П. Пирлингом, известно, что семья Фомы покинула родину 28 июля 1460 г. Не имея собственных средств к существованию, уже 16 ноября этого же года Фома отправился в Рим, чтобы попросить покровительство у римского папы Павла II. Тот принял изгнанника не сразу, а только 7 марта 1461 г. К этому времени Фома уже передал в дар католической церкви вывезенную им из Мистры величайшую христианскую святыню — голову апостола Андрея. Поэтому коллегия кардиналов выделила на содержание семьи Фомы ежемесячный пансион в размере 300 дукатов.

Во время официального приема Павел II вручил бывшему морейскому деспоту золотую розу в знак благодарности за оказанные услуги католической церкви и милостиво объявил ему о решении кардиналов выделить деньги на содержание его семьи. Кроме того, Фоме было позволено поселиться на территории Рима в Санто-Спирито, где была церковь, школа и госпиталь{251}.

Бегство из родных мест и тревога за судьбу детей, очевидно, подорвали здоровье жены Фомы Екатерины. К этому времени в семье, кроме Зои и Андрея, был еще самый младший сын Мануил 1455 г. рождения. Мать семейства скончалась 16 августа 1462 г. еще до возвращения мужа на Корфу{252}.

Опекуншей братьев пришлось на время стать Зое. Ей к этому времени, видимо, было 16–17 лет. Пережитые несчастья самым печальным образом сказались и на ее здоровье. У нее началось гормональное заболевание, выразившееся в ожирении. Это обнаружили потом антропологи, занимавшиеся изучением ее останков{253}.

Необычную полноту молодой девушки отмечали и современники. Некоторые язвительные итальянцы даже сочиняли про нее памфлеты. Но при этом они были вынуждены отмечать, что принцесса ни на кого не сердилась и ко всем визитерам относилась с добротой и приветливостью.

Смерть супруги заставила Фому поскорее вернуться на Корфу и перевезти детей в Рим. Но и его здоровье оказалось подорванным. Он скончался 12 мая 1465 г. в госпитале при храме Санто-Спирито{254}.

Так юная Зоя с младшими братьями остались одни в незнакомой стране на попечении католического духовенства. Главным наставником Палеологов стал кардинал Виссарион, который считался в Риме формальным главой византийской униатской церкви. В самом же Константинополе был избран православный патриарх, который не желал признавать унию с католиками. Это делало положение Зои и ее братьев достаточно сложным, поскольку именно они являлись главными

наследниками трона византийских императоров и должны были бы возглавить борьбу за освобождение родины от османского плена. Правда, никто из них не был способен взять на себя эту роль.

Желая воспитать последних отпрысков византийского императорского дома в католическом духе, Виссарион уже в августе 1465 г. составил для них письменное наставление. В нем он напоминал сиротам о том, что, по сути, они являются нищими изгнанниками, поэтому должны быть скромными и уважать своих покровителей. «Знатность не имеет цены без добродетелей», — постоянно говорил кардинал. Но при этом он утверждал: «У вас будет все, если станете подражать латинянам. В противном случае вы лишитесь всего»[255].

Виссарион даже составил план обучения и воспитания Зои и ее братьев. В нем было предусмотрено все: размер ежемесячного денежного содержания (оно было таким же, как у их отца Фомы), количество слуг у каждого (6–7 человек), питание, одежда, образ жизни, занятия, предметы, которые следовало изучать, и т.д.

Кроме того, к Палеологам были приставлены личный врач, учитель греческого языка и латыни, переводчик и католический священник. Последний был обязан ознакомить Зою и ее братьев с обрядами католической церкви[256].

Присутствие этого человека в окружении сирот говорит о том, что в детстве они не были ознакомлены с католическими обрядами. Значит, их крестили представители православного духовенства, и на родине они посещали православные храмы.

Из записок кардинала Виссариона можно сделать вывод о том, что Зоя, напуганная безвыходностью своего положения, была готова во всем слушаться наставников. Она никогда ни в чем не перечила представителям католического духовенства и мечтала лишь о том, чтобы удачно выйти замуж и навсегда избавиться от назойливого покровительства.

К моменту смерти родителей царевна уже находилась в возрасте невесты, но была бесприданницей. Потенциальных женихов могла привлечь только ее красота и знатность рода. Но была ли Зоя красива в молодом возрасте, нам неизвестно. На этот счет можно лишь строить предположения.

Из воспоминаний современников известно, что ее отец отличался красивой внешностью. Поэтому Павел II даже приказал скульпторам при изготовлении статуи святого Павла для своего дворца взять за образец внешность Фомы. Потом это изваяние было установлено на главной лестнице Ватикана[257].

Мать Зои также, видимо, отличалась красотой, поскольку отпрыски императорского дома обычно выбирали в супруги

только красавиц. Поэтому напрашивается предположение, что и царевна была очень красива. Портить ее могла только излишняя полнота. Современники-итальянцы, встречавшиеся с Зоей в Риме, отмечали, что она была невысокого роста, полновата, но с удивительно красивыми большими карими глазами и кожей несравненной белизны. Кроме того, она была очень благонравна, умела с почтением и лаской встречать любых гостей, обладала тонким умом и отличалась склонностью к рукоделию{258}.

Можно предположить, что в юности, находясь в Риме, византийская принцесса постаралась существенно расширить свой кругозор. Известно, что в это время в Италии расцветало искусство Возрождения. Исследователи отмечали, «что никогда столько не строили, не ваяли, не расписывали, как в Италии XV в… Архитектура, скульптура и живопись перешли из рук многоликого ремесленника в руки художника-профессионала, художника-артиста, утверждающего свою индивидуальность в искусстве… Римские папы, герцоги, иностранные короли оспаривали друг у друга честь приглашать итальянских художников к своему двору». Их искусство «щедрой волной разливалось по жизни» городов-государств{259}.

Можно предположить, что Зоя была знакома с творениями знаменитых в то время живописцев Мазаччо, Филиппо Липпи, Пьеро дела Франческо, скульптора Донателло и архитектора Брунеллески. Ведь их имена были у всех на устах. Она наверняка видела картины, на которых изображались доблестные и энергичные мужчины, мудрые старики, кроткие и прекрасные женщины с изысканными прическами в богато расшитых платьях. Все они часто были изображены на фоне живописных пейзажей с дворцами, башнями, площадями и холмами в голубой дымке. Жизнь сверкала на всех этих полотнах многоцветными красками. Рассматривая их, принцесса училась ценить творения великих живописцев.

Все качества, воспитанные в молодой принцессе римскими учителями, должны были понравиться любым женихам, но кардиналу Виссариону достаточно долго не удавалось выдать ее замуж. Причина была, видимо, в том, что у невесты не было ни приличного приданого, ни влиятельных родственников. Даже ее старшая сестра Елена, которая сравнительно недавно была сербской королевой, проживала в Риме на пособие в 100 дукатов. Помочь сестре она ничем не могла. В 1473 г., уже после отъезда Зои в Москву, она скончалась в одном из итальянских монастырей{260}.

Из документов папского архива известно, что Зою трижды пытались выдать замуж за представителей итальянской знати и

каждый раз неудачно. Сначала ей выбрали в женихи Фредерико — старшего сына маркиза Людовика Гонзаго, управлявшего Мантуей. Однако, когда Людовик узнал об отсутствии приданого у невесты, он прекратил переговоры о браке. Вторым женихом царевны стал богатый итальянский князь Ка-раччиоло. С ним Зоя даже обручилась, но дальше этого дело не дошло. Третьим претендентом оказался незаконнорожденный сын кипрского короля Иоанна II Иаков Лузиньян. Возможно, он полагал, что брак с византийской царевной упрочит его собственное положение и поможет в борьбе за отцову корону. Но свергнув сестру-королеву и заняв отцов престол, он прекратил переговоры о браке с Зоей{261}.

Несомненно, что неудачи с замужеством наносили удар по самолюбию Зои. Она наверняка знала, что в прошлом европейские монархи считали для себя очень престижным жениться на византийских царевнах. Ведь это позволяло им самим претендовать на императорский титул. Примером являлись два германских короля Оттон II и Оттон III, которые после женитьбы на византийских царевнах приняли титул императоров Священной Римской империи и включили в свой герб эмблему двуглавого орла, заимствовав ее из Византии.

Энергичному Виссариону пришлось продолжить поиски подходящего жениха для своей воспитанницы, которую он всюду называл «верной дочерью римского престола». Можно предположить, что под влиянием бывшего московского митрополита Исидора, поддержавшего унию с католиками на Флорентийском соборе в 1437 г. и из-за этого бежавшего из России в Рим, в поле внимания кардинала попал великий князь Московский Иван III. Виссариону стало известно, что 1467 г. тот внезапно овдовел и, очевидно, был не прочь вновь жениться.

Несомненно, кардинал прекрасно знал, что Иван III являлся ревностным сторонником православной веры и к унии его было привлечь трудно. Но великий князь, по данным католических соглядатаев, отличался воинственностью, вел борьбу с ордынскими ханами, поэтому мог заинтересоваться участием в антитурецкой коалиции, создаваемой в Европе во второй половине XV в. при идейном руководстве римских пап.

Некоторые исследователи спорят по поводу того, кто являлся инициатором брака Ивана III и византийской царевны{262}. На наш взгляд, инициатива могла исходить только из Рима, поскольку в Москве вряд ли вообще знали о существовании потенциальной невесты.

В русских летописях о начале переговоров о браке сообщалось следующее: «В лето 1469, февраля 11, прииде из Рима

от гардинала Висариона Грек, Юрий именем, к великому князю с листом, в нем писано, что есть в Риму деспота Аморейского Фомы Ветхословца от царьства Константиняграда дщерь его, София именем, православная христианъка… Аще хощеши понятии еа, то аз учиню в твоем государстве, а посылали лист к ней король Фрянчюжский и князь велики Меделенский, но она не хочет в латынство»[263].

К.В. Базилевич решил, что данная запись была сделана русским книжником и не имеет ничего общего с реальным письмом, которое мог прислать Виссарион Ивану III. Дело в том, что в нем множество фактических ошибок. Во-первых, кардинал не мог назвать Зою Софьей, поскольку это имя она получила в России. Во-вторых, к ней никогда не сватались ни французский король, вторично женившийся в 1452 г., ни миланский герцог. В-третьих, Виссарион не мог утверждать, что его воспитанница была православной, поскольку он воспитывал ее в католическом духе[264].

Однако рассматриваемая летописная запись, вероятнее всего, была не цитированием, а пересказом письма из Италии. Поэтому Зоя была названа Софьей во избежание путаницы. Французский король и миланский герцог могли быть упомянуты в качестве женихов для престижа невесты, а о ее православном вероисповедании было сообщено для того, чтобы никто в нем не сомневался. Ведь формально Зоя была православной верующей, хотя и сторонницей унии с католиками, т.е. униаткой. Но эти детали в письме великому князю, помещенному в летопись, конечно, не были указаны.

Для придания своему письму большей весомости в глазах великого князя Виссарион отправил вместе с ним родственников уже служившего в Москве итальянского мастера-денежника Джана Батиста дела Вольпа, прозванного на Руси Иваном Фрязином. Это были старший брат мастера Карл Вольпе и племянник Антонио Джисларди[265].

Согласно данным летописи, письмо Виссариона заинтересовало Ивана III. Но он не стал сам решать вопрос о сватовстве к заморской невесте, а собрал совет, на который пригласил митрополита Филиппа, мать — великую княгиню Марию Ярославну и бояр. Те после обсуждения данного вопроса, очевидно, решили, что для великого князя будет очень престижным жениться на византийской царевне. Ведь подобные браки уже были в истории династии Рюриковичей. Поэтому 20 марта в Рим было отправлено ответное посольство во главе с Иваном Фрязином[266].

Некоторые исследователи полагали, что путем женитьбы на

византийской царевне Иван III хотел получить от римского папы королевский титул[267]. Но это маловероятно. Скорее всего, он просто решил, что брак с племянницей византийского императора достаточно престижен для него, в отличие от женитьбы на какой-нибудь подданной или дочери удельного князя, состоящей с ним в родстве. Сватовство же к иностранкам было очень сложным. С Литвой и Польшей в это время великий князь находился во враждебных отношениях. Европейские же принцессы были преимущественно католичками и в православие переходить отказывались.

Следует отметить, что если бы в письме кардинала Виссариона прямо не сообщалось о том, что невеста православной веры, то митрополит Филипп не высказался бы положительно за этот брак.

Ивану Фрязину удалось достаточно быстро добраться до Рима и получить согласие папы на встречу с Зоей. Она, судя по всему, произвела на посла самое благоприятное впечатление. Его даже не смутили пышные формы невесты, поскольку он знал, что на Руси полные женщины особо ценятся. К тому же царевна без колебаний согласилась стать женой великого князя Московского. Униженное пребывание в Риме, видимо, так ее угнетало, что она была готова уехать хоть на край земли. К тому же Иван Фрязин, несомненно, рассказал ей о том, что Иван III был достаточно могущественным государем, управлял большой державой и являлся ревностным приверженцем православной веры, которой придерживались все ее предки.

Поэтому переговоры о сватовстве были продолжены. Павел II и Виссарион устроили в честь Ивана Фрязина официальный прием, во время которого заявили, что жених должен прислать за невестой своих бояр с почетным сопровождением. Для их беспрепятственного передвижения по европейским странам папа выдал особую грамоту действующую два года. Кроме того, послу дали портрет Зои, написанный одним из итальянских художников. На нем она выглядела настоящей красавицей[268]. К сожалению, до нас это изображение не дошло.

Таким образом, с лета 1469 г. Зоя стала ждать счастливых перемен в своей достаточно унылой и однообразной жизни. Ее нисколько не пугал переезд в далекую Московию, поскольку там она должна была превратиться из полунищей сироты в супругу государя большой страны и разделить с ним трон.

Но ждать московских послов пришлось довольно долго. У Ивана III оказалось много неотложных дел. Сначала он отправил судовую рать под бунтующую Казань для ее покорения, потом вплотную занялся присоединением свободолюбивого Новгорода.

Это заняло у него несколько лет[269].

В Риме были обеспокоены молчанием великого князя. Поэтому летом 1471 г. в Москву был отправлен племянник Ивана Фрязина Антоний вместе с венецианским послом Тривизаном.

Посольство прибыло в Москву 10 сентября, и вскоре было приглашено на прием в Кремль. Во время его Антоний вручил Ивану III грамоту от Павла II, которая обеспечивала русским послам беспрепятственный проезд по территории католических стран в течение многих лет[270]. Этим жениху как бы напоминалось о том, что пора отправлять за невестой сватов.

Однако по непонятной причине великий князь не стал торопиться с отправкой в Рим своих бояр. Он вновь собрал совет по поводу целесообразности брака с византийской царевной. На него он опять пригласил митрополита Филиппа, мать Марию Ярославну, братьев и бояр[271].

Можно предположить, что осторожность и нерешительность великого князя были связаны с тем, что Зою сватали представители католического духовенства. Вероятно, Иван III боялся подвоха с их стороны. Но члены совета одобрили возможность брака с царевной. Поэтому 16 января 1472 г. представительное посольство выехало из ворот Московского Кремля по направлению к Риму. Его вновь возглавил Иван Фрязин. Но на этот раз с ним поехали и видные московские бояре. Они везли грамоты к папе и кардиналу Виссариону. По дороге, правда, выяснилось, что Павел II скончался, поэтому пришлось менять имя папы в официальной грамоте Ивана III[272].

В русских летописях нет никаких подробностей о пребывании русских послов в Риме. Лишь отмечено, что они прибыли в город 23 мая, затем были с большим почетом приняты папой Сикстом и кардиналом Виссарионом. Честь послам оказали и братья невесты Андрей и Мануил. Через 30 дней с богатыми дарами послы собрались в обратный путь. Вместе с ними в далекую Москву отправилась царевна Софья в сопровождении папского легата Антония, посла Дмитрия и большого числа греков и итальянцев. Эта многолюдная процессия выехала из Рима 24 июля[273].

В итальянских источниках, введенных в научный оборот П. Пирлингом, содержится значительно больше подробностей о пребывании русских послов в Италии и церемонии обручения Зои и Ивана III, чем в летописях.

Прежде всего в них отмечено, что русские послы были встречены с необычайной пышностью, и сделано это было для того, чтобы показать населению Рима, насколько важен данный визит в период подготовки войны с Османской империей. Таким путем Сикст IV пытался представить московского государя своим

главным союзником в борьбе с турками. При этом вопрос о его несколько ином вероисповедании был обойден молчанием{274}.

Эта особенность встречи русских послов говорит о том, что, сватая византийскую принцессу за Ивана III, католическое духовенство не ставило перед собой цель с ее помощью ввести в Русском государстве католичество. Для них было главным заполучить Ивана III в качестве союзника для борьбы с Турцией.

Официальный прием русских послов состоялся уже 24 мая. На него были приглашены также посланники Венеции, Милана, Флоренции и Феррары. Иван Фрязин торжественно вручил римскому папе грамоту Ивана III довольно краткого содержания. В ней писалось лишь о том, что великий князь просит верить его послам. Затем послы вручили Сиксту шубу и 70 соболей в качестве подарка{275}.

Вскоре, уже 1 июня, в церкви Святых апостолов Петра и Павла состоялись помолвка и заочное обручение Зои и Ивана III. Жениха представлял Иван Фрязин. Церемонию проводил католический епископ в присутствии не только представителей всех кардиналов и римского духовенства, но и знатных итальянских женщин из различных городов. В их числе были королева Боснии Катарина и Кларисса Орсини из рода Медичи{276}.

На следующий день русские послы вновь были приняты в папской резиденции. На этот раз переговоры зашли о возможности военного союза против Турции. Иван Фрязин вряд ли был уполномочен для бесед на эту сложную тему. Поэтому он ограничился обсуждением проекта приглашения в союз ордынского хана Ахмата. По его версии, у хана было огромное войско, но для вовлечения его в антитурецкую коалицию требовались дорогие подарки ценою в 10 тысяч дукатов. Эта сумма показалась Сиксту чрезмерно большой. Поэтому переговоры были прекращены{277}.

Папа, видимо, решил, что более надежным будет действовать через Зою. Она могла убедить будущего мужа в том, что ему следует освободить от власти турок ее родную Морею и тем самым вернуть ей наследственные земли. Поэтому везде в итальянских городах стали официально утверждать, что по воле Сикста приданым царевны является вся Морея. В данном случае ее братья даже не упоминались, хотя у них было больше прав на отцовы владения. Папа надеялся, что об этом станет известно и русским послам, хотя сам сообщить им об этом он не решился. Ведь для Ивана III борьба с турками за Морею без общих границ с этой территорией была просто невозможна.

Чтобы Зоя не была абсолютной бесприданницей, при

последнем приеме 21 июня Сикст вручил ей некоторую сумму денег наличными на дорогу. Эта сцена в схематичном виде была потом запечатлена на одной из фресок храма Санто-Спирито. Но значительно больше царевна получила по ассигнации, адресованной банкирам Лоренцо и Юлиано Медичи. Именно у них хранились средства католиков для борьбы с Турцией. В ассигнации писалось, что банкиры должны выделить ее подателю 6400 дукатов. Из них 4000 предназначались Зое, 600 дукатов — сопровождавшему ее епископу, 1800 следовало оставить в кассе. Правда, в итоге Зоя получила 5400 дукатов{278}.

Поскольку приданым Зои стали деньги из средств, предназначенных для борьбы с Турцией, то это дает право сделать вывод о том, что с ее помощью католическое духовенство намеревалось вовлечь великого князя Ивана III в антитурецкую коалицию. В то время для Сикста IV данная задача была наиболее важной, поэтому вопрос о различии вероисповедания жениха и невесты всячески затушевывался, а необходимость заключения унии православных с католиками даже не обсуждалась.

Можно даже предположить, что папский легат Бонумбре был включен в состав свиты царевны не для ведения в Москве каких-либо богословских диспутов и переговоров, а для того, чтобы в европейских странах все видели, что Зоя — воспитанница папского престола, но, несмотря на это, православный московский государь назвал ее своей невестой. При этом формально без конкретизации его собственных действий нунцию дали наставление о том, что главная цель римского папы — объединить все народы в единую вселенскую церковь{279}.

Получалось, что на всем пути от Рима к Москве византийская царевна и ее спутники должны были наглядно демонстрировать европейцам успехи папской внешней политики.

Папа Сикст и кардинал Виссарион стремились к тому, чтобы поездка Зои в Россию выглядела как можно пышнее и помпезнее в глазах жителей европейских городов. Поэтому они включили в число свиты царевны максимально большое количество разных людей. Среди них были знатные греки, такие как родственник Палеологов Дмитрий Ралев — в качестве посла братьев Зои, Юрий Траханиот — бывший мажордом Фомы Палеолога, князь Константин из Крыма, и видные итальянцы, и просто искатели лучшей доли из числа греческих беженцев. Шестьдесят всадников представляли собой охрану, всего же в обозе было около сотни всадников{280}.

Судьба большинства спутников Зои сложилась вполне удачно. Дмитрий Ралев и Юрий Траханиот стали ведущими дипломатами при дворе Ивана III и не раз отправлялись великим

князем в Италию и Римскую империю с различными поручениями[281]. Князь Константин принял постриг в Ферапонтовом монастыре под именем Касьян и потом основал под Угличем скит. За монашеские подвиги православная церковь до сих пор чтит его святым[282]. Некоторые греки и итальянцы поступили на службу к Ивану III в разных должностях.

Кардинал Виссарион, желая, чтобы в итальянских городах по пути следования Зои оказывали ей почести, отправил туда соответствующие письма. В Витербо, Сиену, Флоренцию, Болонью и Виченцу он написал следующее: «Устраивайте царевне блестящие встречи, дабы ее спутники могли засвидетельствовать любовь к ней итальянцев. Это придаст ей особую значимость в глазах супруга»[283].

В немецкие города Нюрнберг и Любек письма послал сам папа. Он написал следующее: «Наша возлюбленная о Христе Иисусе дщерь, знатная матрона Зоя, дочь законного наследника константинопольской династии Фомы Палеолога, нашла убежище у апостольского престола. Мы приняли ее с чувством любви и осыпали ее почестями в качестве дщери. Она отправляется к своему супругу, с которым она обручена нашим попечением, дорогому сыну, знатному государю Ивану, великому князю Московскому, Новгородскому, Псковскому, Пермскому и других. Носим ту Зою, славного рода, в лоне нашего милосердия, желаем, чтобы ее повсюду принимали и чтобы с нею повсюду обращались доброжелательно… Это будет достойно похвалы, и нам доставит удовлетворение». Кроме того, папа повелел правителям городов бесплатно обеспечивать путешественников продуктами, лошадьми и проводниками[284].

Таким образом, 24 июня 1472 г. Зоя навсегда покинула Рим, чтобы стать супругой великого князя Московского Ивана III. Можно предположить, что Вечный город она покидала с легким сердцем, поскольку жизнь нищей сироты, которую верхи католической церкви постоянно пытались сбыть с рук, умаляла ее царское происхождение. Блестящие приемы, устраиваемые в ее честь на всем пути следования, как бы компенсировали все унижения, испытанные царевной около папского престола.

Первым на пути Зои и ее спутников оказался небольшой городок Витербо. В нем путешественников ждал очень теплый прием. Затем 29 июня кортеж прибыл в Сиену Здесь царевну встретили особенно радушно, поскольку когда-то ее отец Фома передал в городской собор священную реликвию — руку Иоанна Крестителя. В благодарность за этот дар царевна получила от городских властей 50 гульденов. Кроме того, в честь ее был устроен необычайно пышный прием в кафедральном соборе

города.

Далее на пути лежала Флоренция, за ней Болонья. В этом городе 10 июля в соборе Святого Доменика в честь знатной путешественницы была проведена месса. Еще более роскошные праздники с приемами и банкетами ждали Зою в Виченце, родине Ивана Фрязина. Там ее поместили во дворце Леонардо Нагаролы, украшенном аллегорическими фигурами с византийским двуглавым орлом. После этого 21 июля царевна окончательно простилась с Италией. Далее ее путь лежал через Альпы в Германию{285}.

Первая длительная остановка была сделана в Нюрнберге. В этом городе когда-то несколько недель жил сам кардинал Виссарион. Поэтому он обратился с личной просьбой к городскому совету — встретить Зою и ее спутников как можно более пышно и радушно. Письмо Виссариона сохранилось, поэтому многие исследователи цитируют его. В нем он подробно сообщал о происхождении Зои (из знатнейшего рода греков), об ее воспитании с его помощью, о выборе для нее достойного супруга. При этом саму царевну кардинал называл «прелестной девушкой», а ее будущего супруга «благороднейшим князем сарматов или Великой России». Он подчеркнул, что оказанные Зое почести в Нюрнберге будут иметь большое значение и потом, когда она приедет в Москву. Узнав о них, будущий супруг должен будет принять ее с еще большей честью{286}.

Жители Нюрнберга с готовностью откликнулись на просьбу Виссариона. Зою приветствовали как «императрицу Константинополя и герцогиню России. Уже у стен города 10 августа 1472 г. старейшины приветствовали ее. Когда гостья въезжала через Женские ворота, раздался звон колоколов. Горожане, запрудившие все улицы, криками приветствовали путников. Многие с любопытством разглядывали византийскую царевну Она была одета в пурпурное широкое платье с бархатной накидкой, отделанной мехом горностая. На голове у нее был красивый головной убор, отделанный золотыми пластинами и жемчугом. Руку Зои украшал массивный золотой браслет с очень красивым драгоценным камнем»{287}.

Зоя пробыла в Нюрнберге четыре дня. В честь ее был устроен торжественный прием в зале ратуши. Во время его даже были организованы танцы, но принцесса не приняла в них участия под предлогом нездоровья. Но, возможно, ей было известно, что в России знатным женщинам не полагалось танцевать, поэтому она не захотела выглядеть недостойно в глазах русских посланцев, входивших в ее свиту.

После приема на площади был устроен рыцарский турнир.

Одному из победителей Зоя сама надела на палец золотое кольцо, второму послала аналогичный дар, поскольку покинула состязание из-за плохого самочувствия. Возможно, это было сделано также из-за того, что в России подобных развлечений не было и знатным женщинам не полагалось дарить кольца незнакомым мужчинам.

Горожане вручили своей почетной гостье ценные дары: позолоченный серебряный кубок с росписью и сорок кувшинов вина, лично от женщин — бочонок вина и двадцать коробок со сладостями{288}.

Утром 15 августа 1472 г. путешествие продолжилось. Путь вел сначала в Эрфурт, затем в Любек. В этом крупном торговом порту была сделана длительная остановка, поскольку было необходимо подготовиться к морскому путешествию по Балтийскому морю к Колывани (Таллину). В русских летописях об этом писалось следующее: «В лето 1472, месяца сентября 1, фрязы и греци из Рима пришли с царевною Софьею в немецкы город Любик, и рядилися туто 8 дней, а в 9 того месяца пошли оттоля суды к кораблю, а в 10 на корабль взошли»{289}.

Плавание по морю оказалось тяжелым. Осенью Балтийское море часто штормило. В летописи писалось следующее: «Того же месяца в 21 пришла царевна кораблем в Колывань. А носило их море 11 день, ис Колывани пошли октября 1, а в Юрьев пришли того же месяца 6, а во Псков пришли октября 11»{290}.

В Пскове византийская царевна впервые познакомилась с русскими людьми. Можно предположить, что к этому времени она уже умела изъясняться на русском языке, поэтому смогла обратиться к псковичам с приветственной речью. На местных жителей ее визит произвел большое впечатление. Поэтому он даже был описан в псковских летописях.

Согласно этому описанию, первая официальная встреча произошла на ливонском берегу реки Омовжи. Знатные псковичи приплыли на шести больших лодках и, высадившись, с почетом поднесли Зое и ее спутникам большие золоченые чарки с вином и медом. В ответ принцесса поблагодарила их и сказала, что расценивает дары как знак любви и почтения к ней — невесте великого князя Ивана Васильевича, к которому стремится всей душой. После этого гостей разместили на лодках псковичей и повезли по реке Великой к Пскову.

Недалеко от города Зоя облачилась в «царские одежды», чтобы русские люди увидели ее в полном великолепии. У стен города состоялась встреча с духовенством и городской верхушкой. «А священноиноки и священники, и дьяконы вышли со кресты, а псковичи чтиша и дариша ю много и даша ей дару 50

рублей». По православному обычаю Зоя приняла благословение от настоятеля местного собора, поцеловала крест и взяла челобитную грамоту горожан. В ней они просили стать их защитницей. После этого Зоя отправилась в Троицкий собор, где почтила местные святыни и отслужила литургию. При этом она приказала то же самое сделать представителям католического духовенства из числа ее спутников. Она хотела, чтобы будущие подданные не сомневались в ее принадлежности к православию. Хотя папскому легату не хотелось этого делать, он был вынужден подчиниться{291}.

Необходимо отметить, что внешний вид епископа Бонумбре показался русским людям очень необычным: «Не по чину нашему оболчен бе весь червленым платьем, имея на собе куколь червлен же, на главе обвит глухо якоже каптур литовской, только лицо его знати, а перстатицы на руках его имея непрестанно, яко рук его никому же видети»{292}.

П. Пирлинг, анализируя поведение Софьи в псковских храмах, сделал вывод о том, что уже в первом русском городе она сразу же порвала с католическим прошлым и стала показывать всем, что является истинной православной верующей{293}.

Поведение принцессы резко изменилось, видимо, из-за того, что ей надоело навязчивое покровительство католического духовенства, представители которого постоянно внушали ей, что она нищая сирота. В Москву она ехала, чтобы разделить трон с правителем большого православного государства, и с радостью вспомнила веру своих предков — византийских императоров.

Псковичи оказались исключительно радушными людьми. Каждый день они устраивали пиры в честь знатной гостьи. На последнем приеме Зоя сказала следующее: «Теперь хочу ехать к моему и вашему государю в Москву, а за ваш хлеб, вино и мед кланяюсь. Когда, Бог даст, буду в Москве и когда вам будет какая нужда, то буду усердно вам помогать».

Утром 18 октября царевна «поехала изо Пскову за князя великого Ивана Васильевича на Москву, и проводиша ю до новгородского рубежа. И быша у ней люди черны, а иные сини, а боярин был ея великого князя Юрьи Малой Грек, а владыка тверской Нил был того же роду»{294}.

Из воспоминаний псковичей о свите царевны можно сделать вывод о том, что в нее входили африканцы с темным цветом кожи. Вероятно, они были включены в окружение Зои для того, чтобы в глазах русских людей невеста выглядела особенно пышно и необычно.

В Новгород путешественники прибыли 25 октября и были встречены не менее почетно, чем в Пскове. Сам архиепископ

Феофил приветствовал Зою в Софийском соборе и дал ей свое благословение. От горожан она получила много ценных даров. Но задерживаться в этом городе было уже нельзя — скоро должна была наступить зима. Поэтому 30 октября принцесса продолжила путь к Москве[295].

По дороге Зоя стала получать различные подарки от жениха: бархатные и парчовые шубы, подбитые мехом горностаев и соболей, удобные и теплые кареты и даже шубы для женщин ее свиты из меха лисиц и белок.

В столице в это время усиленно готовились к приему важных гостей. От псковских и новгородских властей Иван III узнал, что впереди процессии везут крыж — католическое распятие. Это должно было означать, что Зоя и ее спутники находятся под покровительством католической церкви. Но для великого князя подобный символ мог означать лишь то, что его невеста — иноверка. Поэтому он обратился за советом к митрополиту Филиппу. Тот, узнав о католическом распятии, очень возмутился и заявил, что почитание чужой веры может означать лишь поругание своей. Поэтому если крыж внесут в Москву, то он покинет город навсегда[296].

Разрешить назревающий конфликт было поручено боярину Федору Давыдовичу Хромому. Неподалеку от столицы он подъехал к кортежу Зои и заявил папскому легату, что в православную столицу нельзя вносить католическое распятие. Бонумбре попытался было ему возразить, но боярин вырвал крыж из его рук и повелел своим слугам подальше его спрятать. Тогда в конфликт вмешался Иван Фрязин, но Федор Давыдович приказал слугам побить его и отобрать все имущество.

Так этот инцидент описан в поздней Львовской летописи. В реалии все могло быть более мирным — по требованию боярина католическое распятие просто убрали.

Несомненно, что разговор боярина с Бонумбре происходил на глазах Зои, но она постаралась ничего не заметить и ничем не выразила своего отношения к нему. Ей лишь стало ясно, что православные люди очень ревностно защищают свою веру и к католикам относятся крайне отрицательно. Понял это и Бонумбре, поэтому, находясь в Москве, отказался участвовать в диспуте о вере с православным книжником Никитой Поповичем под предлогом отсутствия необходимых книг[297].

Следует отметить, что католическое распятие, привезенное Бонумбре в Москву, не пропало. Через какое-то время, когда его происхождение забылось, оно стало одной из реликвий Успенского собора в Кремле. По возникшей легенде считалось, что именно этим хрустальным крестом был знаменован в

Херсонесе великий князь Владимир I Святой. Ведь в то время еще не было разделения церквей на православную и католическую.

После заключения брачного союза между Иваном III и Софьей Палеолог вопрос об унии православной церкви с католической никогда больше не поднимался. Римские папы, заинтересованные в вовлечении русского государя в антитурецкий союз, в переговорах с его дипломатами старались развивать только этот вопрос.

Для византийской царевны путешествие в Московию, вероятно, стало самым счастливым временем в ее жизни. После униженного существования в Риме под покровительством католиков она оказалась на свободе. Ее окружали услужливые и почтительные спутники. На ней были великолепные наряды. Ее везли в богато украшенной карете с почетным сопровождением. Всюду во время путешествия по европейским странам жители радостно ее приветствовали, окружали заботой и щедро одаривали. Для них она была очень важной персоной — ближайшей родственницей византийских императоров и невестой великого князя Московского, который должен был, по утверждению папы, помочь европейцам победить турок.

В России такого почитания у Зои никогда не было, поскольку там она стала супругой властолюбивого и своенравного великого князя, не терпящего соперничества ни с чьей стороны.

Знатная путешественница прибыла в Москву 12 ноября 1472 г. В летописях нигде не отмечалось, какой была ее встреча: пышной и радостной или тихой и незаметной. Сообщалось лишь, что митрополит Филипп ждал великокняжескую невесту в парадном одеянии в Успенском соборе, в то время деревянном, поскольку незаконченная каменная постройка, которую он начал по своей инициативе, внезапно рухнула. Можно предположить, что временный храм был достаточно неказистым сооружением, но выбирать не приходилось. Остальные кремлевские соборы в то время были очень малы.

В летописях указано, что Филипп только ознаменовал Зою и ее спутников крестом и затем повел к матери жениха великой княгине Марии Ярославне. Однако на Руси, как известно, принцессу стали звать Софьей. Значит, Филипп, судя по всему, осуществил над ней обряд крещения с переменой имени.

Новое имя должно было убедить всех, что византийская принцесса действительно православной веры и может стать женой великого князя.

В покоях у Марии Ярославны Софью, видимо, ждал Иван III для того, чтобы, по существовавшему на Руси обычаю, уже в реалии обручиться с принцессой. Этот обряд состоял в обмене

кольцами и платками между женихом и невестой.

Далее Софье полагалось на несколько дней поселиться в покоях великой княгини Марии Ярославны, чтобы та ознакомила будущую невестку с ее обязанностями в новой семье. Однако этого не произошло. Вопреки всем существовавшим правилам и обрядам, византийскую невесту вновь повели в Успенский собор и тут же венчали с Иваном III.

В официальной записи об этом событии летописец подчеркнул, что невеста была и православной веры, и знатного происхождения — приходилась дочерью морейскому деспоту Фоме, который в свою очередь был сыном византийского императора Мануила и братом императоров Иоанна Калоана VIII и Константина XI. Он указал уже новое имя невесты — Софья{298}.

В русских летописях нигде не писалось о том, как и когда Зоя стала Софьей. В них византийская царевна всегда упомянута под именем Софья. Это имя она могла получить, как уже отмечалось, лишь после того, как недоверчивый митрополит Филипп все же крестил ее в православную веру. Но придавать этому акту публичный характер не стали. Ведь на Руси Византия считалась православной державой, а православные униаты все же не были настоящими католиками. К тому же окружение великого князя, видимо, скрывало, что тот посватался к девушке не совсем православной веры.

Из летописного описания прибытия Зои-Софьи в Москву и ее венчания с Иваном III возникает вопрос: почему между прибытием царевны в столицу, ее обручением с женихом и свадьбой был столь короткий срок? Вместо традиционных нескольких дней или даже недель — только несколько часов?

В источниках ответа на него нет. Но можно предположить, что у жениха возникала проблема в общении с невестой, которая на социальной лестнице занимала положение существенно выше, чем он сам. Ведь в 1472 г. Иван III все еще значился данником Золотой Орды, т.е. вассалом ордынских ханов, и наверняка знал, что при дворе византийских императоров его предки, великие князья Киевские, когда-то числились только стольниками. Софья же была царского рода, и ее отец после смерти братьев считался наследником трона византийских императоров. Поэтому великому князю следовало оказывать ей особые почести. Но он, судя по всему, делать это не хотел.

В итоге, чтобы избежать церемониальных сложностей, Иван III тут же венчался с Софьей. После этого царевна автоматически превратилась в великую княгиню и оказалась с мужем на одной ступени социальной лестницы.

Однако сама Софья никогда не забывала о своем царском

происхождении, подчеркивала его в официальных документах и даже специально нашивала на одежду золотой таблоид, указывающий на это. Об этом известно из изображения Софьи на пелене Елены Волошанки{299}.

В источниках нет данных о том, как прореагировала Софья на то, что слишком стремительно стала женой Ивана III.

Возможно, она была удивлена, но виду не показала, поскольку была прекрасно воспитана. К тому же она была плохо знакома с русскими обычаями. Узнавать о них ей пришлось уже в качестве великой княгини.

Но можно предположить, что принцессе объяснили, что свадьба должна состояться именно 12 ноября — в день поминания Иоанна Милостивого, святого, тезоименитого ее жениху. Позднее в память об этом важном событии она приказала прибывшим с ней итальянским ювелирам изготовить наперсный крест-мощевик, имевший четырехлепестковую форму с резной по кости иконой Спаса в центре. На лепестках были вырезаны фигуры Иоанна Милостивого и Евстратия, мощи которого хранились в римской церкви Святого Аполлинария. Иоанн Милостивый был тезоименит великому князю. Этот крест Софья Фоминична, видимо, носила с собой в память о своей свадьбе и прежней жизни в Риме{300}.

На Западе подобные предметы считались оберегами. Их либо носили на груди, либо подвешивали у изголовья кровати.

В Московском своде довольно кратко сообщалось о свадебном торжестве. Указывались лишь имена присутствовавших лиц: мать Ивана III великая княгиня Мария Ярославна, его сын от первого брака Иван Молодой, братья Андрей Большой, Борис и Андрей Меньшой с прочими князьями и боярами, посол римского папы Антоний, посол братьев царевны Дмитрий Грек и лица, сопровождавшие Софью{301}.

Ивана Фрязина, который уже достаточно давно жил в Москве и был знаком с нравами при великокняжеском дворе, от Софьи сразу же удалили. Предлогом для этого стало его излишне рьяная защита нунция Антония, а потом и дело итальянского посла Тревизана.

Из данных дипломатических источников известно, что на следующий день после свадьбы посол римского папы и Дмитрий Грек были официально приняты Иваном III. Они вручили ему подарки от римского духовенства и братьев Софьи Андрея и Мануила. После этого им было позволено встретиться с соотечественниками, жившими в Москве. Среди них был и венецианский посол Тревизан{302}.

Спутники царевны были очень удивлены, узнав, что тот живет

в Москве и до сих пор не съездил в Золотую Орду, куда был отправлен главой Венецианской республики. Об этом они сообщили Ивану III, чтобы тот провел расследование. В ходе его выяснилось, что по указанию Ивана Фрязина состоявший на службе у великого князя уже несколько лет Тревизан назвался его родственником, а свой визит в Москву назвал частным делом. Сделал он это для того, чтобы не отдавать великому князю подарки, присланные великому князю венецианцами. Их забрал себе Иван Фрязин.

Узнав все это, Иван III так рассердился, что повелел заковать Ивана Фрязина в кандалы, выслать с семьей в Коломну, а дом его приказал разграбить. Тревизана он даже собирался казнить. Но спутники Софьи уговорили великого князя лишь арестовать посла и сообщить о его поведении главе Венецианской республики.

Можно предположить, что после данного инцидента Иван III проникся симпатиями к Антонию и Дмитрию Греку и предложил им погостить у себя одиннадцать недель. Все это время в их честь устраивались пиры и различные увеселительные мероприятия. Затем 26 января 1473 г. гости были отпущены домой. С собой они везли ценные подарки римскому папе и братьям царевны не только от самого великого князя, но и от его сына Ивана, и от Софьи{303}.

Радушие по отношению к спутникам царевны могло быть вызвано не только тем, что они помогли Ивану III разобраться с делом Тревизана, но и тем, что он был благодарен им за хорошую супругу. Софья наверняка смогла сразу же понравиться великому князю. Ведь она приобрела большой жизненный опыт, живя на подачки католического духовенства. К тому же за время поездки она могла убедиться в том, что муж владеет большим государством с красивыми городами. В то время Псков и Новгород ни в чем не уступали многим европейским столицам. К тому же ей наверняка мог понравиться и сам великий князь. По описанию современников, он был высоким и стройным мужчиной с красивой внешностью.

Венецианский посол Амброджо Контарини, побывавший в Москве в 1476 г., так описывал Ивана III: «Упомянутому государю от роду лет 35. Он высок, но худощав; вообще он очень красивый человек»{304}.

Софье могло понравиться и то, что большая часть лиц, сопровождавших ее в пути, была включена потом в ее двор. Контарини прямо указывал, что в Москве поселилось много греков из Константинополя, которые приехали вместе с Софьей{305}.

Для их содержания, видимо, были выделены земельные

угодья и денежные оклады. Но получила ли сама Софья земли на свое содержание, как другие великие княгини, неизвестно. Никаких актов, связанных с ее хозяйственной деятельностью, нет. Отсутствует и ее завещание. Очевидно, что никакой земельной собственности у нее не было.

В источниках есть данные о том, что у Софьи была личная казна, которая хранилась в подвалах церкви Иоанна Предтечи у Боровицких ворот, но в 1494 г. она сгорела{306}. Что входило в состав этой казны, неизвестно. Возможно, это были подарки католического духовенства, дары европейских горожан, полученные во время путешествия в Москву, какие-то вещи самой принцессы, доставшиеся ей от родителей. В их числе могли быть и греческие книги, которые во время пожара, скорее всего, были утрачены. Но, возможно, часть их осталась и была потом включена в легендарную библиотеку Ивана Грозного.

На основе записок венецианского посла Контарини, посетившего Москву через несколько лет после прибытия Софьи, можно получить представление о том, какое впечатление произвела русская столица на византийскую царевну.

Контарини заметил, что «город Москва расположен на небольшом холме и весь деревянный: как замок, так и остальной город. Через него протекает река, называемая Моско… На реке много мостов, по которым переходят с одного берега на другой….Вокруг города большие леса, их вообще очень много в стране. Край чрезвычайно богат всякими хлебными злаками…

Русские продают огромное количество коровьего и свиного мяса… Сотню кур отдают за дукат, за ту же цену — 40 уток, а гуси стоят по три маркета за каждого. Продают очень много зайцев, но другой дичи очень мало… Торгуют также разного вида дикой птицей. Вина в этих местах не делают, нет также никаких плодов, бывают лишь огурцы, лесные орехи, дикие яблоки.

Страна эта отличается невероятными морозами, так что люди по девять месяцев в году сидят в домах; однако зимой приходится запасать продовольствие на лето; ввиду больших снегов люди делают сани, которые тащит одна лошадь, перевозя любые грузы. Летом же ужасная грязь из-за таяния снегов, и к тому же трудно ездить по громадным лесам, где нет дорог. Поэтому большинство ездит зимой по льду рек.

В конце октября река замерзает, протекающая через город, на ней строят лавки для различных товаров, в городе почти ничего не продается… Ежедневно на льду реки находится громадное количество зерна, говядины, свинины, дров, сена и других необходимых товаров. За зиму они не иссякают. На льду реки устраивают конские бега и другие увеселения. В город в течение

всей зимы собираются купцы, как из Германии, так и из Польши. Они покупают исключительно меха: соболей, лисиц, горностаев, белок и рысей»{307}.

Поскольку Софья прибыла в Москву в ноябре, то ей сразу же пришлось узнать, что такое русская зима со снегами и морозами. Для выросшей в Средиземноморье девушки это, конечно, стало тяжким испытанием. С трудом она, видимо, привыкала и к тяжелой русской пище с кашами, пирогами и жирными мясными блюдами. Фруктов здесь вообще не было, а овощи — только самые простые.

Утешать от невзгод принцессу могло осознание того, что она теперь не нищая сирота на попечении римского папы, а московская государыня, супруга правителя большой державы.

Известно, что специально для Софьи была отстроена приемная палата, в которой она могла встречаться с иностранными гостями, представителями духовенства и боярынями. Первоначально это помещение было деревянным, затем началось строительство каменного великокняжеского дворца. Во время пожара 1493 г. новая постройка уже существовала{308}. Но окончательно этот дворец был завершен только при сыне великой княгини Василии III.

Можно предположить, что после Рима, европейских городов и даже Пскова и Новгорода деревянные постройки Москвы показалась принцессе очень неказистыми сооружениями. К этому времени обветшали и белокаменные стены Кремля, и небольшие соборы Ивана Калиты. Митрополит Филипп пытался построить новый каменный Успенский собор, но незадолго до приезда Софьи он рухнул. Потом выяснилось, что раствор, связывающий кирпичи, был плохого качества.

Новая великая княгиня, несомненно, знала, что в Италии много опытных архитекторов, которые могли бы великолепно отстроить столицу Русского государства, но сразу высказывать свои предложения по этому поводу она, видимо, не стала. Для нее было главным родить здорового ребенка и этим доказать свою способность к чадородию. Ведь от мужа и придворных она наверняка знала о том, что ее предшественница великая княгиня Мария Борисовна безвременно скончалась из-за неудачных попыток вновь стать матерью. Несмотря на ранее замужество, Мария, как известно, родила только одного сына Ивана, прозванного Молодым. По утверждению Контарини, княжич сразу же невзлюбил византийскую царевну{309}.

Софье приходилось беречь свое не самое крепкое здоровье, поэтому она, вероятно, отказывалась принимать участие в публичных мероприятиях. Например, она не стала навещать

заболевшего митрополита Филиппа, хотя это неоднократно делали и Иван III, и его мать, и братья. Не пошла она и на похороны святителя, состоявшиеся 7 апреля 1473 г., хотя на них присутствовал «весть народ града Москвы»[310].

Осталась царевна в стороне и от выборов нового митрополита. Летом 1473 г. им был провозглашен коломенский епископ Геронтий. Но можно предположить, что приезд псковских послов заставил ее заинтересоваться делами мужа. Ведь она обещала гостеприимным псковичам свою защиту и помощь.

Делегаты из Пскова прибыли в Москву в конце лета и попросили Ивана III защитить их земли от ливонцев. Вполне вероятно, псковичи попросили и великую княгиню похлопотать за них. В итоге на помощь Пскову был отправлен опытный полководец князь Д.Д. Холмский с сильным войском. Ему удалось так напугать магистра Ливонского ордена, что тот подписал с псковичами перемирие на 20 лет[311].

Удаль князя Холмского, возможно, запомнилась Софье, поэтому через много лет, в 1500 г., за сына князя была выдана замуж княжна Феодосия, вторая дочь византийской царевны[312].

Можно предположить, что первую зиму на новом месте Софья Палеолог пережила с трудом. Она прихварывала еще в дороге, а когда начались сильные морозы, то, видимо, вообще не выходила из своего терема. Но весной ей стало лучше, а жарким летом великая княгиня окончательно ожила. В итоге она забеременела и 18 апреля 1474 г., в 7 часов ночи, родила первенца — дочь, названную Еленой[313].

Несомненно, что данное событие было отмечено в великокняжеской семье со всей пышностью, поэтому в летописях была зафиксирована не только дата появления на свет княжны, но имя и происхождение ее матери: «от царевны Софьи Фоминичны, дщери Аморейского деспота», что обычно делалось редко[314].

В апреле этого же года к Ивану III прибыл венецианский посол Антон Фрязин. Он стал просить великого князя освободить от оков Ивана Тревизана и отпустить его к хану Золотой орды Ахмату с посольством от правительства Венеции. Исследователи заметили, что в письме венецианцев к великому князю прямо писалось о том, что «наследственные права на Восточную империю, которую завоевали турки, могут перейти к нему в силу брака, если не будет прямых наследников мужского пола»[315].

Так хитрые итальянцы хотели задобрить Ивана III и сделать его более уступчивым в «деле Тревизана». Их тактический ход оказался удачным. Иван Васильевич находился в радостном состоянии от того, что через много лет вновь стал отцом, поэтому в тот же день освободил Тревизана и пригласил к себе. Во время

приема он пообещал итальянцу, что вскоре отправит его в Орду со своим послом. Это обещание уже в августе было выполнено{316}.

Вникая в свои обязанности великой княгини, в первое время Софья вряд ли вмешивалась в дела мужа. Но, когда ночью 20 мая 1474 г. вновь рухнул главный московский собор в честь Успения Богоматери, она не смогла остаться в стороне. Ведь ей было хорошо известно мастерство итальянских архитекторов. Видела она и прекрасные каменные постройки в Пскове. Поэтому именно она, вероятнее всего, посоветовала великому князю пригласить опытных зодчих и из Италии, и из Пскова.

В итоге 24 июля того же 1474 г. из Москвы в Венецию отправился посол Семен Толбузин. Он не только должен был сообщить об отъезде Тревизана в Орду, но и нанять опытного архитектора. Можно предположить, что благодаря советам и рекомендациям Софьи Фоминичны русскому послу удалось уговорить известного мастера Аристотеля Фиораванти отправиться с ним в Россию. Успешно выполнив свою дипломатическую миссию, 26 марта 1475 г. С. Толбузин вернулся в Москву с итальянским архитектором{317}.

Иван III был очень рад приезду итальянского мастера, который не только слыл искусным строителем, но и умел отливать колокола и пушки. Для столь ценного специалиста тут же построили просторный дом рядом с великокняжеским дворцом{318}.

О рождении Софьей дочери стало известно и в Италии. Братья принцессы Андрей и Мануил отправили в Москву посла Дмитрия Грека с подарками. Он прибыл 14 июля того же 1474 г. Встреча с соотечественником, несомненно, очень порадовала молодую мать{319}.

За лето Софья, вероятно, вновь окрепла, поэтому 28 мая 1475 г. родила еще одну дочь, названную Феодосией{320}. Всем стало ясно, что у византийской царевны не будет проблем с рождением детей, как у первой супруги Ивана III. Правда, между рождением первой и второй дочери промежуток оказался меньше года. Это могло сказаться на здоровье и младенца, и матери.

А. Контарини, приехавший в Москву в конце сентября 1476 г. и сначала поселившийся у Аристотеля Фиораванти, узнал, что сын великого князя от первого брака Иван Молодой нехорошо вел себя по отношению к принцессе и из-за этого был у отца в немилости. В чем выражалось это неуважительное отношение к Софье, неизвестно{321}.

Вполне вероятно, что княжич испытывал ревность к новой супруге отца и ее детям. Сам он к этому времени был уже вполне взрослым молодым человеком 18 лет. Но отец почему-то еще не думал о его женитьбе. Причина недовольства Ивана Молодого могла быть и в этом.

Следует вновь отметить, что Контарини, находившемуся в Москве с 25 сентября 1476 по 21 января 1477 г., было известно, что в семье великого князя только две дочери. Правда, до него доходили слухи, что Софья вновь беременна{322}.

Двумя дочерями могли быть только Елена и Феодосия, родившиеся в 1474 и 1475 гг. Данные летописей о том, что Софья родила 19 апреля 1476 г. еще одну дочь, названную Еленой, очевидно, ошибочны, поскольку Контарини об этой третьей княжне ничего не знал{323}.

Правда, вторая княжна Елена могла умереть вскоре после рождения, поскольку была, очевидно, слабеньким ребенком. Ведь между ее возможным появлением на свет и рождением Феодосии также было меньше года. Но точных данных на этот счет нет, как и нет сведений о дальнейшей судьбе этой девочки. Стать женой великого князя Литовского Александра вторая Елена никак не могла, поскольку тому полагалось жениться на старшей княжне: либо первой Елене, либо Феодосии, в случае смерти старшей сестры.

Согласно данным Контарини, в конце 1476 г. Софья вновь была беременна, но до отъезда дипломата из Москвы в конце января 1477 г. она еще не родила{324}.

Однако в летописях нет данных о том, что в 1477 г. принцесса родила какого-нибудь ребенка. Получается, что либо Контарини сообщил неверные сведения о беременности, либо Софья родила в 1477 г. мертвого младенца. Более вероятно второе предположение, поскольку итальянский дипломат встречался с принцессой и беседовал с ней. В это время он и мог заметить, что она беременна.

Получается, что в 1477 г. у великой княгини была неудачная беременность. После этого в процессе рождении ею детей обозначился перерыв. Известно, что после дочерей следующий ребенок — сын Василий — появился только 25 марта 1479 г.

Напрашивается предположение, что этот перерыв был сделан по совету иностранных врачей, служивших при дворе Ивана III. Они наверняка понимали, что частые роды истощают женский организм и приводят к появлению на свет очень слабых детей.

Перерыв в рождении детей мог быть и по причине отсутствия Ивана III в Москве. Его длительная поездка началась в октябре 1475 г., когда он отправился «с миром» в Новгород, и продолжалась до 26 января 1476 г. В Москву великий князь вернулся 8 февраля, но, как отметил летописец, сразу пошел не к жене, а к матери на пир{325}.

Вероятно, Софья, в отличие от Марии Ярославны, не знала, как устроить празднество по случаю возвращения супруга из

длительной поездки. К тому же все ее свободное время могли занимать забота о маленьких детях и собственное слабое здоровье.

Весной следующего 1477 г. выяснилось, что ситуация в Новгороде продолжает накаляться и, чтобы разрядить ее, надо отправляться туда уже с войском. Перед новым Новгородским походом великий князь обратился за советом к митрополиту Геронтию, членам Освященного собора, к матери, братьям и боярам{326}. Супруга в числе этих лиц не упомянута. Это говорит о том, что Иван III не считал, что Софья может дать ему дельный совет относительно разрешения внутренних проблем в государстве.

Новый поход на Новгород начался 9 октября 1477 г. и продлился до марта 1478 г. Незадолго до возвращения домой великий князь отправил митрополиту, матери и сыну Ивану Молодому, «оставленному на государстве», грамоты с сообщением о том, что «учинился государем в Новгороде, как в Москве». Софье же он ничего не написал{327}.

Это еще раз свидетельствует о том, что византийская царевна в это время не была посвящена во внутренние дела Русского государства. Возможно, она даже не понимала, для чего мужу нужно было силой присоединять Новгород к Москве, раз этот город и так был его владением.

Боярыни, окружавшие Софью, наверняка внушали ей, что главной обязанностью жены является рождение детей, особенно мальчиков. Только этим она может заслужить любовь и уважение супруга и упрочить свое положение в чужой стране.

Поэтому великая княгиня, очевидно, не раз предпринимала богомольные поездки по ближайшим монастырям и горячо молилась у чудотворных икон, чтобы Бог даровал ей сына. В их числе наверняка был Троице-Сергиев монастырь, где у великой княгини произошло чудесное видение самого святого Сергия Радонежского, предсказавшего ей рождение мальчика. Оно, как уже отмечалось, было запечатлено на одной из вышивок великой княгини Марии Ярославны (умерла в 1485 г.).

Наконец, 25 марта 1479 г. мечта Софьи исполнилась. В 8 часов ночи она родила крепкого мальчика, названного Василием в честь святого Василия Парийского. Вывод о том, что ребенок родился крепким и здоровым, напрашивается из того факта, что через 10 дней его повезли крестить в отдаленный Троице-Сергиев монастырь, а не осуществили этот обряд в одном из кремлевских храмов{328}.

Иван III с радостью отметил появление в семье еще одного отпрыска мужского пола. В Троице-Сергиевом монастыре 4

апреля были организованы празднества по случаю крещения младенца. В обряде приняли участие ростовский архиепископ Вассиан и троицкий игумен Паисий{329}.

Великий князь, судя по всему, даже решил отблагодарить своего святого покровителя Иоанна Златоуста за столь радостное событие. Поэтому в июле этого же года приказал разобрать старую деревянную церковь в Кремле в честь этого святого и заложил на ее месте каменную{330}.

Через короткое время в Кремле был устроен новый грандиозный праздник — по случаю завершения строительства Успенского собора. Летописец написал об этом так: «Бысть же та церковь чюдна вельми величеством и высотою, светлостью и звонкостью и пространством, такова же преже того не бывала на Руси, опроче Владимерскыа церкви»{331}.

Софья наверняка приходила с мужем полюбоваться новым величественным собором. Ведь он был построен итальянским архитектором Аристотелем Фиораванти, приглашенным в Москву не без ее участия. С этим мастером и членами его семьи она наверняка не раз встречалась для бесед, поскольку они жили рядом с ее теремом.

В Московском летописном своде содержится много подробностей о том, как был завершен Успенский собор, как в него торжественно, день за днем были перенесены мощи святых митрополитов и московских князей, как было устроено празднество по поводу его освящения. В этом описании были указаны имена многих лиц, присутствовавших на торжествах, но Софьи среди них не было{332}.

Вероятно, Иван III считал, что его жене не стоит присутствовать на публичных мероприятиях. Ей полагалось, по его мнению, заниматься маленькими детьми и надзирать за многочисленными мамками, кормилицами и другой прислугой.

Поэтому для летописца, подробно описывавшего не только события в Москве, но и всевозможные природные явления, византийская царевна как бы вообще не существовала. При этом о другой великой княгине — матери Ивана III Марии Ярославне — он писал достаточно часто.

Имя Софьи появлялось на страницах летописи только в связи с рождением ею очередного ребенка. Так, под 23 марта 1480 г. в Московском своде зафиксировано появление на свет сына Георгия. Хотя он родился в день памяти преподобного Никона, но назвали его в честь митрополита Митиленского, память которого отмечалась 7 апреля. Возможно, это было сделано для соблюдения традиции, сложившейся в великокняжеской семье, — называть второго сына Георгием, или Юрием. Следует отметить,

что запись о рождении этого ребенка достаточно подробная: указано, что данный день недели был четвергом, в шестую неделю поста, младенец появился в 4 часа дня{333}.

Все эти сведения точные. Они говорят о том, что второго сына Софья родила практически через год после первого (Василий родился 25 марта 1479 г.). Но вряд ли Юрий был таким же крепким, как его старший брат. Этот вывод напрашивается из того факта, что его не повезли крестить в Троице-Сергиев монастырь, как Василия. Обряд крещения, видимо, был осуществлен 7 апреля в Москве. Правда, в Львовской летописи сообщалось, что его проводил троицкий игумен Паисий{334}.

Но это игумен мог сделать не в своем монастыре, а на Троицком подворье в Кремле, поскольку данных о выезде великокняжеской семьи из столицы нет. К тому же Паисий считался духовником великого князя и был очень близок к нему. С ним Иван III даже обсуждал вопрос о кандидатуре нового митрополита{335}.

По случаю нового радостного события в великокняжеской семье в Москву был приглашен брат Софьи Андрей. Другой ее брат Мануил с 1476 г. находился на службе у турецкого султана, где принял ислам. Поэтому его в Россию никогда не приглашали.

Андрей прибыл из Рима в Москву в мае 1480 г.{336} Софья, несомненно, была очень рада встрече с братом и, зная об его тяжелом материальном положении, постаралась всячески одарить. В числе драгоценностей, которые он получил, оказались украшения первой супруги Ивана III. Их Софье дал муж по существовавшей в великокняжеских семьях традиции. Согласно ей имущество умершей великой княгини переходило либо к ее дочери, либо к ее преемнице. Поскольку у Марии Борисовны не было дочери, то все перешло к Софье. Но при этом та не имела права распоряжаться ценностями Марии Борисовны по своему усмотрению — они должны были оставаться в великокняжеской семье. Но византийская принцесса, конечно, об этом не знала.

Щедро одаренный Андрей Фомич пробыл в Москве недолго. Уже в июне стали ходить слухи о том, что на Москву собирается напасть ордынский хан Ахмат. Он узнал о конфликте Ивана III с двумя братьями, Андреем Большим и Борисом Волоцким, и решил пойти войной на великого князя в союзе с польским королем и великим князем Литовским Казимиром{337}.

Летом 1480 г. ситуация в столице была очень тревожная. С южных границ пришла весть о том, что хан Ахмат движется к русским землям вместе со своими родственниками и всей ордой. Он намеревается объединиться с войском Казимира и вместе напасть на Москву.

Желая создать заслон на Оке, Иван III отправил младшего брата Андрея в Тарусу, а сына Ивана в Серпухов. Сам же с основным войском 23 июня выступил к Коломне и остался там до праздника Покрова, т.е. до 1 октября по старому стилю{338}.

Защищать Москву было поручено митрополиту Геронтию, удельному князю Михаилу Андреевичу Верейскому и великой княгине Марии Ярославне, ставшей инокиней Марфой. Не надеясь на их воинское искусство, Софья, не без совета с супругом, решила уехать с маленькими детьми на Белоозеро. В эту местность на севере татары никогда не доходили, поэтому там можно было отсидеться в опасное для страны время.

В сочинениях некоторых иностранцев, в частности в «Записках о Московии» С. Герберштейна, писалось, что именно Софья подтолкнула мужа к войне с ханом Ахматом для освобождения от ордынской зависимости{339}.

Но это предположение абсурдно, поскольку византийская принцесса долгие годы вообще не вмешивалась в дела мужа и была постоянно занята рождением детей и их воспитанием. Перед татарами она, судя по всему, испытывала панический страх, поэтому при угрозе их нападения на Москву предпочла уехать как можно дальше.

Поскольку у великой княгини было уже четверо маленьких детей, то сопровождать ее отправились многочисленные боярыни, мамки, няньки и кормилицы с собственной прислугой. Охранять их должен был целый отряд опытных воинов. В итоге обоз великой княгини оказался состоящим из многочисленных повозок и всадников. Его отъезд из столицы наверняка вызвал большое удивление у москвичей. Ведь непосредственной угрозы для города еще не было.

Многие горожане, вероятно, помнили, что великие княгини Софья Витовтовна и Мария Ярославна иногда покидали Москву во время реальной опасности, но такого многочисленного сопровождения у них никогда не было. Софья же Палеолог, видимо, испытывала панический страх и от возможности попасть в плен к ордынцам, и от зимних холодов, и от недостатка пропитания в северных районах. Поэтому заранее хотела обезопасить себя и маленьких детей от возможных невзгод.

К счастью, во время этого единственного путешествия Софьи по северным районам Русского государства никаких неприятных инцидентов не произошло. Сопровождавшие ее лица тщательно охраняли ее саму, детей и боярынь и на всякий случай забирали все продовольствие у жителей тех мест, через которые проходил обоз. Об их разорении даже стало потом известно в Москве{340}.

Поездка Софьи Фоминичны на Белоозеро оставила самые

неприятные воспоминания у ряда ее современников. Их негативное отношение к этому событию отразилось потом на страницах летописных произведений{341}.

Правда, в поздней Львовской летописи сообщалось о том, что Иван III сам отправил супругу на Белоозеро вместе с казной. Сопровождать ее он поручил боярам Василию Борисовичу, очевидно, Морозову и Андрею Михайловичу Плещееву вместе с видным дьяком Василием Долматовым{342}.

Согласно этой информации получалось, что у Софьи Фоминичны была важная государственная миссия — вывезти в безопасное место великокняжескую казну. Ее она выполняла по указанию супруга. Но это осталось неизвестным для многих ее современникам, поэтому они и осудили царевну за бегство на север. Создатель Московского свода даже грозно написал о спутниках великой княгини: «Воздай им, господи, по делом их, и по лукавству начинания их, по дело рук их даждь им, господи»{343}.

В летописях нет сведений о том, когда Софья вернулась в Москву. Но по дате рождения ею третьего сына Дмитрия — 6 октября 1481 г. — можно определить, что это произошло приблизительно в середине января. Чтобы дать княжичу подходящее имя, его крестили только 26 октября на память Дмитрия Солунского{344}.

Хотя Софья родила уже троих сыновей, она знала, что ни один из них не станет правителем Русского государства. На престол после отца должен был взойти его старший сын Иван Молодой, родившийся от первой супруги еще в 1458 г. По непонятной причине отец не спешил женить его, хотя традиционным возрастом для брака считалось 16–17 лет.

В дипломатических документах сохранились сведения о том, что в 1475 г. обсуждался проект брака Ивана Молодого с дочерью одного из крымских ханов. Но он не был реализован{345}.

Окончательно вопрос о браке своего наследника Иван III поднял только в 1482 г., когда в Москву прибыл посол венгерского короля Матиаса. Тот, видимо, рассказал об успехах в борьбе с турками молдавского воеводы Стефана, прозванного Великим. Его супругой была русская княжна, дочь киевского князя Олелька Владимировича и тетки Ивана III Анастасии Васильевны. Поэтому их дети были православного вероисповедания.

Отправленный в Венгрию с ответным посольством дьяк Федор Курицын узнал, что у Стефана есть на выданье дочь Елена. Ее-то и выбрали в невесты Ивану Молодому.

Переговоры о браке прошли достаточно быстро, поскольку

обе стороны были в нем заинтересованы. В итоге в начале января 1483 г. Елена Стефановна прибыла в Москву, и 12 января уже была сыграна свадьба[346].

Жениху к этому времени было уже почти 25 лет, что по тем временам считалось довольно солидным возрастом. Можно предположить, что Иван III видел в сыне соперника и не хотел, чтобы тот рано повзрослел и получил на содержание собственные земельные владения.

Софья же продолжала исправно рожать детей и в феврале 1483 г. произвела на свет дочь Евдокию. На фоне свадьбы Ивана Ивановича это событие прошло незаметно, поэтому летописец не указал его число[347].

В этом же 1483 г. Софье удалось выдать замуж свою племянницу Марию, дочь брата Андрея, за сына верейского князя Михаила Андреевича Василия. Для греческой девушки, не имевшей никакого приданого, это был очень выгодный брак. Ведь ее супруг должен был унаследовать отцовы владения: Верею, Ярославец и Белоозеро. Желая представить племянницу более выгодной невестой, чем она была на самом деле, Софья подарила ей украшения первой супруги Ивана III Марии Борисовны, имевшие значительную ценность.

Этот опрометчивый поступок великой княгини вызвал через некоторое время настоящий скандалу в великокняжеской семье. Сведения о нем, правда, содержатся не во всех летописях. В Московском своде о нем нет данных, но они есть в Уваровской летописи. Об отсутствии у Софьи Фоминичны украшений Марии Тверянки стало известно тогда, когда жена Ивана Молодого Елена Волошанка родила 10 октября этого же 1483 г. сына Дмитрия. Великий князь Иван III захотел одарить сноху украшениями ее давно скончавшейся свекрови. Такой, видимо, была традиция в княжеских семьях. Но в казне великой княгини их не оказалось, «понеже бо много ис-теряла казны великого князя: давала бо брату, иное же давала за своею племянницею в приданое князю Василию Михайловичу Верейскому».

Узнав о пропаже, Иван III потребовал, чтобы Василий Михайлович вернул приданое жены. При этом он даже захотел арестовать верейского князя вместе с супругой, но те были предупреждены об угрозе и бежали к польскому королю. От досады великий князь приказал арестовать всех греческих ювелиров, которые, видимо, по указанию Софьи переделали украшения тверской княгини[348].

Вполне вероятно, что Софье также пришлось выслушать немало резких слов в свой адрес от мужа. Но наказать ее он не посмел. Ведь его супруга вынуждена была раздаривать

украшения, поскольку своих средств для подарков родственникам не имела.

В итоге гнев Ивана III обрушился на ни в чем не повинного престарелого князя Михаила Андреевича Верейского. В декабре 1483 г. тот был вынужден подписать договор с великим князем об отказе от своих владений на Белоозере. Верея и Ярославец оставались за ним только до кончины. С бежавшим сыном Василием ему вообще было запрещено поддерживать какие-либо отношения[349].

Для Софьи Палеолог данный инцидент стал хорошим уроком. Она поняла, что, даже став великой княгиней, для мужа она осталась бесправной сиротой. Единственной защитой ее могли быть только ум, хитрость и изворотливость.

Можно предположить, что, через некоторое время Иван III извинился перед супругой и убедил ее в том, что репрессии в адрес верейского князя выгодны ее сыновьям. Ведь в будущем они получали шанс стать владельцами и Белоозера, и Вереи с Ярославцем. В докончании (договоре) великого князя с Михаилом Андреевичем прямо писалось: «А вотчину твою после своего живота которому своему сыну дам, и тому моему сыну тое вотчины всее под тобою»[350].

Изучение духовных грамот сыновей Софьи Фоминичны показывает, что у них не было никаких подарков от матери. В то же время у сыновей великой княгини Марии Ярославны были и подаренные ею земли, и всевозможные ценные вещи. Это наглядно видно при сравнении духовных грамот Андрея Васильевича Вологодского — сына Марии Ярославны, и Дмитрия Ивановича Углицкого — сына Софьи[351].

Некоторые братья Ивана III, например Андрей Васильевич Вологодский, понимали, что великая княгиня Софья Фоминична очень ограничена в средствах, поэтому в своих завещаниях оставляли ее сыновьям более ценные дары, чем Ивану Молодому. Например, от Андрея Вологодского старший княжич Василий получил в 1481 г. большой золотой крест на золотой цепи, украшенный золотом пояс и село Тайнинское около Москвы. Младший Юрий получил в дорогом окладе икону Богоматери, золотые пояс и ковш. Ивану Молодому от дяди достались только небольшой золотой крест на цепочке[352].

Чтобы понять, насколько сложным было материальное положение Софьи Фоминичны, следует сравнить его с положением других знатных женщин. Например, по духовной грамоте ограбленного Иваном III верейского князя Михаила Андреевича его дочь княгиня Анастасия получила в Ярославском уезде два села с деревнями. Они должны были постоянно

приносить ей ежегодный доход. В дополнение к ним она получила еще 300 рублей{353}.

В отдельном списке князь Михаил перечислил завещанную дочери дорогую одежду: три шубы из цветного бархата, шубу шелковую, шубу зеленую, две шубы желтых, две шубы багряных, две белых шубы, четыре накидки из шелка с дорогой отделкой, несколько кортелей (парадная женская одежда) из соболей, горностаев, куниц, белок с отделками из парчи разного цвета, лисья шуба, одеяло на меху куниц, пять летников из шелка, парчи и атласа, опашень с золотыми пуговицами, пять сорочек с дорогой отделкой жемчугом. В завещании также значились: три занавески из парчи, три покрывала из шелка с вышивкой, две шелковые наволочки из цветного шелка, подушка с украшением из жемчуга, подушка, вышитая золотыми нитями, белое постельное белье.

Очень дорогими были ювелирные украшения, оставленные князем дочери: царский венец с рубинами, изумрудами и крупными жемчужинами, венок из жемчуга, очелье, вышитое жемчугом, ожерелье из крупных рубинов, рясы с рубинами и изумрудами, колты из золота с рубинами, ожерелье из жемчуга с пряжкой, браслеты из крупных жемчужин.

В довершение княжна получила семь ларцов с золотом и драгоценными камнями, кружевом, жемчугом, парчовой каймой, мощами святых и другими ценностями{354}.

Еще богаче, видимо, была вдова удельного князя Бориса Волоцкого Ульяна. Она оставила различные ценности двум сыновьям, их женам, дочери Анне и даже внучке Авдотье. В числе ценностей были золотые и серебряные кресты, цепочки, обручи, серьги, 17 перстней, иконы в драгоценных окладах, многочисленные шапки, шубы из соболей, горностаев, куниц и белок. Они были покрыты парчой, шелком и бархатом самых различных расцветок (белые, желтые, зеленые, красные) и украшены вышивкой из жемчуга и драгоценных камней{355}.

У Софьи такого богатого наследства никогда не было, а то, что подарил муж, как оказалось, ей не принадлежало. Поэтому в конце жизни она не стала писать завещание, как бы указывая мужу на то, что ничего не приобрела за время брака с ним.

Можно предположить, что скандал с драгоценностями очень обидел великую княгиню. Поэтому на какое-то время она перестала общаться с мужем. Этот вывод напрашивается из того факта, что после дочери Евдокии, родившейся в феврале 1483 г., сын Семен появился на свет только 21 марта 1487 г.{356} До этого, как можно заметить, дети в великокняжеской семье рождались почти каждый год.

Правда, в Уваровской летописи есть сообщение о том, что 18 февраля 1485 г. Софья родила сына Ивана{357}. В Воскресенской летописи число рожденных ею детей в это время еще больше: 10 октября 1483 г. — сын Дмитрий, 8 апреля 1484 г. — дочь Елена, 12 апреля 1485 г. — дочь Феодосия, 13 февраля 1486 г. — сын Иван{358}.

Но все эти сведения вызывают сомнение и потому, что не согласуются с данными других летописей, и потому, что родить такое количество детей за столь короткий срок просто невозможно. Например, между появлением на свет Дмитрия и Елены только 6 месяцев.

Данные о количестве детей в семье Ивана III есть в сообщение грека Георга Перкамота, состоявшего на московской службе. Он продиктовал его в канцелярии миланского герцога в 1486 г.: «Герцог России имеет двух братье, одного по имени Андрей, другого по имени Борис, и четырех сыновей, старший из которых зовется Иоанн, как отец. Они имеют самостоятельные владения, держат отдельные дворцы и имеют свои доходы, отведенные им Великим Герцогом, у которого есть еще трое детей мужского пола»{359}.

По версии Перкамота получалось, что в 1486 г. у Софьи было уже 6 сыновей, трое из которых жили самостоятельно. Но, по данным летописей, к этому времени у нее было только три малолетних сына. Старшему Василию было 7 лет, Юрию — 6 лет и Дмитрию — около 5 лет. Вряд ли они уже имели собственные владения и жили самостоятельно. Хотя, по древнерусскому обычаю, после обряда «посажения на коня», осуществляемому в четыре года, княжичи уже считались взрослыми людьми, но земельными владениями еще не наделялись. К тому же неизвестно, существовал ли этот обряд во времена Ивана III.

Старшими детьми в великокняжеской семье были две дочери, приближающиеся к возрасту невест. Елене было 12 лет, Феодосии — 11 лет. Только младшей Евдокии было 3 года. Поэтому напрашивается предположение о том, что или у Перкамота не было точных данных о составе семьи Ивана III, или он просто хотел приукрасить реальное положение в великокняжеской семье. Ведь в то время считалось очень почетным иметь большое количество сыновей.

Из летописей известно, что в 1486 г. из всех сыновей Ивана III самостоятельное владение — бывшее Тверское княжество — было только у взрослого и женатого Ивана Молодого. Его он получил в октябре 1485 г.{360} Остальные княжичи жили вместе с родителями.

После отъезда из Москвы семьи Ивана Молодого в Тверь

Софья Фоминична, видимо, окончательно помирилась с супругом. Поэтому 21 марта 1487 г. она родила сына Семена. Вслед за ним 5 августа 1490 г. появился сын Андрей[361].

Можно предположить, что по случаю рождения последних детей великая княгиня повелела ювелирам изготовить еще несколько круглых золотых икон-мощевиков для их оберега. Две из них сохранились до наших дней. На одной из них был изображен Симеон Богоприимец с младенцем на руках, на другой — Богоматерь Знамение и Спас Вседержитель с апостолами[362].

В 1490 г. великой княгине было уже за 40 лет, поэтому новые дети у нее вряд ли могли появиться. За 18 лет брака она родила не менее 8 сыновей и дочерей, а может быть, и больше, поэтому ее женский организм был изношен.

Свидетельством восстановления мира в великокняжеской семье стал приезд в Москву брата Софьи Андрея. Он прибыл вместе с послами Ивана III Дмитрием и Мануилом Ралевыми, состоявшими в родстве с Палеологами. На службу к Ивану III братья поступили еще в 1485 г.[363] В 1489 г. великий князь отправил их в Италию за различными мастерами. Там им удалось нанять архитектора Петра Антония с учеником, строителей зданий, литейщика пушек Якова с женой, ювелира Христофора с учениками из Рима, немца Альберт из Любека, Карла с учеником из Милана, грека Петра Ранка из Венеции, двух католических капелланов, органиста и лекаря Леона из Венеции[364].

Брат Софьи, видимо, снова приехал за подачками сестры. Современники считали его пустым человеком, существовавшим на пожертвования знатных особ. При этом он беззастенчиво торговал своим эфемерным правом на византийский престол. В 1483 г. за хорошую сумму денег он продал некоему Петру Манрику графу Осорио право носить инсигнии византийских императоров. Потом в 1494 г. он уступил французскому королю Карлу VIII свои права на Византийскую империю, а в 1502 г. завещал эти же права испанскому королю Фердинанду[365].

Софья вряд ли одобряла поведение брата, но помочь ему в материальном отношении не могла. По непонятной причине муж не выделил ей на содержание никаких земель, хотя у всех других великих княгинь они всегда были. Возможно, так Иван III пытался держать под контролем все траты византийской царевны. К тому же он, видимо, полагал, что хозяйственной деятельностью той не полагалось заниматься.

При этом великий князь использовал авторитет своей жены для того, чтобы зазывать к себе иностранных специалистов и с их помощью заняться преобразованием Москвы. Исследователи полагают, что общий замысел перестройки Кремля принадлежал

известному болонскому архитектору Аристотелю Фиораванти. Он строил крепостные сооружения не только в Италии, но и Венгрии, где на престоле вместе с мужем-королем правила сестра Софьи Елена.

Историки архитектуры полагают, что форма и декор кремлевских башен были заимствованы из архитектуры средневековой Италии и имели полные аналогии с замками Милана, Мантуи, Турина и Вероны{366}.

Многолетнее строительство башен Кремля производило на современников большое впечатление, поэтому книжники отмечали в летописях даты завершения тех или иных построек. Так, в июле 1485 г. Пьетро Антонио Солари (Петр Фрязин) построил у Москвы-реки башню с тайником, получившую потом название Тайнинской. В мае 1488 г. он построил Свиблову башню с еще одним тайником. В 1491 г. этот же мастер построил две башни у Флоровских и Никольских ворот и довел крепостную стену до Неглинки{367}.

В 1491 г. в память о постройке башен северной стены Кремля на Спасской башне латинскими буквами была выбита плита с полным перечнем всех титулов Ивана III. Ранее на Руси подобные надписи никогда не делали, но позднее аналогичные тексты стали помещаться на различных памятниках архитектуры: на фризе Грановитой палаты, на фризе Золотой палаты, на колокольне Ивана Великого и т.д.{368}

Наиболее величественным зданием, возведенным Аристотелем Фиораванти, был Успенский собор в Кремле. Его строительство заняло несколько лет — с 1475 по 1479 г. Образцом для него был взят Успенский собор во Владимире, но его изысканным формам итальянский архитектор придал монументальность и величавый лаконизм. С постройкой этого собора Москва окончательно приобрела столичный вид{369}.

При жизни Софьи Фоминичны итальянские зодчие построили в Кремле еще один храм — Чуда архангела Михаила в одноименном монастыре. Историки архитектуры считали, что в этой постройке отразились чисто ренессансные черты, характерные для построек Северной Италии{370}. До нас этот собор не дошел.

С 1485 г. началась перестройка великокняжеского дворца. До этого он представлял собой несколько небольших деревянных построек, соединенных крытыми переходами. Их фасады выходили во внутренний двор, в итоге снаружи все сооружение было похоже на деревянную крепость.

Итальянцы оставили прежнюю планировку дворца, состоявшего из отдельных зданий, но сориентировали его фасад

на Соборную площадь. На нее стала выходить красивая парадная лестница. Кроме того, отдельные здания стали походить на итальянские палаццо с типичным ренессансным декором. В итоге вся постройка стала напоминать настоящий сказочный городок{371}.

Софья Фоминична, правда, не дожила до завершения постройки всего дворца. В апреле 1492 г. ее семья вместе со снохой Еленой и ее сыном Дмитрием временно переселилась из старого деревянного дворца в новый дом Ивана Юрьевича Патрикеева в Кремле. Там им пришлось ждать завершения перестройки своих великокняжеских покоев.

Окончательно справить новоселье в новом каменном дворца смог в 1508 г. только Василий III. К этому времени ни Софьи, ни Ивана III не было в живых.

Но полюбоваться великолепной Грановитой палатой — главным тронным залом будущего дворца — великая княгиня успела. Итальянские архитекторы Марко Фрязин и Пьетро Антонио Солари завершили ее в 1491 г. В этом помещении стали принимать иностранные посольства, устраивать крупные государственные и семейные торжества и отмечать всевозможные праздники{372}. Рядом с ней, по предположению некоторых исследователей, была построена и небольшая приемная палата Софьи, прозванная потом Золотой. Обе постройки дошли до наших дней.

Но еще до каменной палаты у Софьи было свое приемное помещение для гостей, называемое повалушей. В нем она встречалась и с итальянцем А. Контарини и с послом императоров Священной Римской империи Делатором{373}.

В дипломатических документах сохранились сведения о встрече Софьи с Делатором летом 1490 г. Сам посол написал об этом так: «После приема был у великой княгини Софьи в повалуше в средней, правил великой княгине от Максимилиана короля поклон, поминки подавал — птицу попугай и сукно серо. После этого хотел видеть дочерей и о приданом говорить с Юрием Греком»{374}.

Кроме чисто дипломатической миссии, Делатор должен был узнать о дочерях Ивана III и их приданом, поскольку король Максимилиан подыскивал для себя невесту. Но великий князь отказался показывать княжон и обсуждать вопрос о приданом до официально сватовства короля.

Во время проводов имперского посла 19 августа Дмитрий Грек, находясь в сенях, передал ему поклон от Софьи и благодарность за подарки с извинением за то, что она не смогла с ним встретиться сама по причине болезни (5 августа великая

княгиня родила сына Андрея). Ответными подарками Софьи стали 40 соболей и шелковая ткань{375}.

В ноябре 1492 г. Делатор вновь приезжал в Москву с дипломатической миссией и заходил к Софье Фоминичне с подарками. Вместе с ним было отправлено ответное посольство к Максимилиану во главе с Юрием и Траханиотом и Михаилом Кляпиным. Михаилу было поручено говорить от лица Софьи и вручить Максимилиану ее подарки — 40 соболей и два отреза шелковой ткани. Подарками Ивана III были две шубы, из горностаев и соболей, и красный кречет. Были дары и от старшего княжича Василия — 40 соболей и шелковая ткань{376}.

В это время Софья со старшим сыном официально выступали как самостоятельные субъекты дипломатических отношений России и Римской империи. Значит, после смерти Ивана Молодого в 1490 г. Василий считался отцовым наследником.

Величественный Кремль с монументальными соборами и новым каменным дворцом, новый титул великого князя «государь всея Руси», новый герб в виде двуглавого орла, как в Византии и Священной Римской империи, свидетельствовали о росте могущества Ивана III и его державы в период брака с Софьей Палеолог.

В этого время, по мнению некоторых исследователей, зарождается само понятие «двор» великого князя и придворная культура{377}. Чтобы сделать его таким же блестящим, как в европейских странах, из Италии и немецких городов постоянно приглашались различные мастера: ювелиры, серебряники и даже музыканты. Они изготавливали для государя и его придворных украшения и дорогую одежду, в приемных покоях играла органная музыка.

По совету Софьи или лиц из ее окружения Иван III стал приглашать к себе на службу рудознатцев. Им было поручено искать на территории Русского государства руду драгоценных металлов, поскольку серебро и золото приходилось покупать за границей{378}. Через некоторое время иностранные специалисты обнаружили серебро в районе Усть-Цыльмы.

Можно предположить, что именно Софья подсказывала мужу, каких специалистов и откуда следует приглашать и как устраивать свой двор. Ведь ей был хорошо известен придворный быт итальянской знати, а через знакомых и родственников она могла узнать о хороших мастерах-ремесленниках в итальянских городах. Позднее, до эпохи Петра I, никогда не было такого массового выезда на Русь иностранных специалистов, как при Иване III. Поэтому заслуга Софьи Фоминичны в этом несомненна.

Дореволюционные исследователи полагали, что под

влиянием византийской принцессы и великокняжеский двор, и придворные порядки существенно изменились. Основанием для этого мнения стало высказывание русского государственного деятеля эпохи Василия III Берсеня Беклемишева. В беседе с писателем и публицистом Максимом Греком об изменении нравов при московском дворе он сказал следующее: «Как пришли сюды мати великого князя великая княгини Софья с вашими греки, так наша земля замешкалася и пришли нестроения великие, как и у вас в Царегороде при ваших царех»[379].

Однако советские исследователи считали, что высказывание Берсеня относилось только к новым отношениям между великим князем Василием III и боярами — они стали более сложными[380].

Конечно, сейчас трудно судить о том, про какие нестроения говорил Беклемишев, но он прямо указывал на роль Софьи в их появлении. К числу этих новшеств можно отнести то, что при Иване III увеличивается число придворных должностей и их деятельность стала более дифференцированной. Например, к конюшему, который, видимо, всегда был при княжеском дворе, добавляется должность ясельничего, занимавшегося кормами. Если раньше в руках ключника были все хозяйственные вопросы, то к концу XV в. выделяются должности казначея, ведающего только казной, и печатника — хранителя государственной печати. Новой стала и должность постельничего, охранявшего и организовывавшего сон государя. Он же ведал одеждой и постельным бельем[381].

Об изменениях при великокняжеском дворе можно судить по подписям под духовными грамотами великих князей. Грамоту Василия II из светских лиц подписали только два боярина и дьяк[382].

Духовную грамоту Ивана III подписали три боярина, казначей и дьяк. Кроме того, в тексте грамоты упомянуты следующие официальные лица: большой московский наместник, наместник на бывшем дворе Владимира Андреевича, князья служебные, бояре, дети боярские, дворяне, дворцовые люди, конюший, дворецкий, ясельничий, казначей постельный, печатник, дворцовые дьяки, дьяк ямской, тверской дворецкий, тверские дьяки, приказчики, дворецкий, казначей и дьяки в Новгороде, тиуны, посельские[383].

Подобного перечня придворных и государственных чинов и должностей нет ни в одной духовной грамоте XIV–XV вв. Это говорит о том, что число лиц, окружавших Ивана III, существенно возросло. Возможно, в этом была заслуга и Софьи Палеолог, знакомой с двором отца в Морее. Хорошо известно, что у самих византийских императоров количество придворных было очень

велико, и субординация между ними четко соблюдалась. Эти же черты появляются и при дворе великого князя Ивана Васильевича к началу XVI в.

До этого число придворных у московских великих князей было невелико, и в их число входили не самые знатные люди. Тот же Берсень Беклемишев не принадлежал к высшей титулованной знати, которая со времени Ивана III стала теснить невысокородных придворных. Свидетельством новшеств являются подробные разрядные записи о военных походах. В середине XV в. такие записи делались редко и без перечня всех воевод, участвовавших в них{384}.

Но с 80-х гг. эти записи становятся все подробнее. В них указываются не только все полки, участвовавшие в походах, но и перечисляются имена всех воевод, которые их возглавляли. Примерами являются рейды на Казань в 1484 г., на Тверь в 1486 г., на Вятку в 1489 г. С 1493 г. указываются воеводы, исполняющие пограничную службу на Берегу, т.е. на берегу Оки{385}. Ранее такой службы, возможно, вообще не было.

Во время поездки Ивана III с внуком Дмитрием в Новгород в 1495 г. их сопровождали бояре, окольничие, дворецкий, ясельничий, постельничий и дьяки, а также князья и дети боярские{386}. У Василия II никогда такого пышного сопровождения не было.

Кроме того, при Иване III была организована ямская гоньба и установлены пункты смены лошадей во время езды по дорогам{387}. Это значительно облегчило передвижение путешественников по русским дорогам.

Все эти новшества появились в период брака Ивана III с византийской царевной, поэтому напрашивается предположение, что они были введены не без ее участия. Ведь воспитанная в Италии Софья наверняка знала, какими были дворы европейских монархов, как охранялись границы их стран, как осуществлялось передвижение по европейским дорогам и многое другое. Своими знаниями она могла поделиться с супругом. Поэтому существенные изменения в Русском государстве начали происходить именно при Иване III, а не при его предшественниках. Много сведений об европейских странах могли сообщить великому князю и лица из окружения византийской царевны.

Оценив образованность греков и итальянцев, Иван III стал использовать их в качестве своих послов не только в Италии, но и в Дании (в 1493 г. туда ездил родственник Софьи Дмитрий Ралев{388}), и в Священной Римской империи. Например, туда неоднократно ездил грек Юрий Траханиот. Другой грек —

Мануил Ангелов — посетил в 1493 г. Милан и Венецию и привез оттуда новых мастеров. По этому поводу А.А. Зимин заметил, что активные контакты России с Италией в конце XV в. принесли стране обильные плоды в области культуры{389}.

Имея пять сыновей, Софья Фоминична наверняка задумывалась об их судьбе. Она видела, что у великого князя складывались напряженные отношения не только с различными родственниками, но и с братьями. Если те по каким-либо причинам вызывали у него неудовольствие, то он жестоко расправлялся с ними. Например, в 1482/83 г. в Вологде умер в заточении дядя Ивана III боровско-серпуховской князь Василий Ярославич. На него по непонятной причине разгневался еще Василий II, но Иван III не захотел простить родственника и на свободу не выпустил. Его обширные земельные владения он присоединил к своим{390}.

Великая княгиня прекрасно помнила, как после инцидента с украшениями Марии Тверянки вынужден был отказаться от родовых земель двоюродный дядя Ивана III Михаил Андреевич Верейский, а сын его с ее племянницей бежали в Литву{391}.

В 1491 г. за отказ выполнять приказ Ивана III был схвачен его родной брат Андрей Васильевич Углицкий вместе с сыновьями. В 1493 г. Андрей скончался в тюрьме, сыновьям же его пришлось провести в заточении долгие годы{392}.

Софья понимала, что участь ее сыновей будет не менее печальной, поскольку на престол после отца взойдет его старший сын Иван Молодой, уже имевший наследника сына Дмитрия. Но в начале 1490 г. произошло невероятное событие. Иван Иванович тяжело заболел. Его ноги покрыла красная сыпь, называемая камчугой. Эта болезнь считается разновидностью проказы и была распространена раньше в Крыму, поэтому ее иногда называли крымкой{393}.

Некоторые современные исследователи (Л.В. Столярова и П.В. Белоусов) почему-то решили, что Иван страдал от подагры, но его лечили неправильно.

В летописях сообщалось, что великий князь приказал лекарю Леону осмотреть сына и определить степень опасности его заболевания. Иностранец, видимо, не был знаком с его болезнью, поэтому смело заявил, что излечит княжича. В случае неудачи он даже готов был умереть.

Летописец подробно написал о том, как проходило лечение: «Зелие даст питии ему и жещи скляницами по телу его, вливати я горючюю воду». Но от такого лечения Ивану Молодому стало хуже, и 7 марта 1490 г. он умер. Разгневанный Иван III приказал схватить горе-лекаря, и на сороковой день после кончины сына

казнил его[394].

В трудах современных историков высказывается предположение о том, что именно Софья Фоминична организовала заговор против Ивана Молодого для его устранения, поскольку Леон прибыл в Москву вместе с ее братом Андреем. Но, вероятнее всего, обвинения в ее адрес беспочвенны. Ведь великая княгиня в это время в очередной раз была беременна и старалась держаться как можно дальше от больного княжича.

К тому же в то время не умели лечить камчугу, поэтому заболевшие ею люди часто умирали. Например, от нее скончались сосланные в 1601 г. на Белоозеро князь Б.К. Черкасский и его супруга из рода Романовых[395].

Можно предположить, что безвременная кончина Ивана Молодого в очередной раз рассорила Софью Фоминичну с супругом. После рождения 5 августа 1490 г. сына Андрея у нее больше не было детей. Правда, к этому времени великой княгине было уже за 40 лет, а Ивану III и того больше — 50 лет. По меркам того времени он уже считался стариком.

Можно предположить, что, перестав рожать детей, Софья Фоминична начала больше внимания уделять благоустройству великокняжеского дворца, занялась рукоделием и благотворительностью.

К 1493 г. отдельные постройки каменного дворца были уже возведены. Поэтому Софья и Иван III смогли переехать в свои новые покои. Когда весной 1493 г. огромный пожар уничтожил почти все здания в Кремле, их двор за Архангельским собором уцелел. Однако казна великой княгини, находившаяся в подвалах одного из соборов, выгорела[396].

Для Софьи это стало большой потерей, поскольку каких-либо других собственных средств у нее не было.

Летом этого же года новый пожар нанес еще более ощутимый удар по великокняжескому имуществу. Сгорели оба дворца: и Ивана III, и Софьи. Вместе с детьми им пришлось спасаться за Яузой и жить в простых крестьянских избах[397].

Вернуться в заново отстроенные палаты они смогли только в ноябре 1493 г.[398]

Большую часть свободного времени у великой княгини стало занимать изготовление церковных пелен и покрывал, украшенных лицевым шитьем, для подарков церквям и монастырям. Для этого под ее руководством была создана мастерская, где трудились девушки-вышивальщицы. Сама Софья занималась их обучением и разрабатывала сюжеты для вышивок. Некоторые из них дошли до наших дней. Например, пелена «Избранные святые и праздники»,

подаренная Троице-Сергиевому монастырю. На ней была вышита вкладная надпись с именем великой княгини и дата — 1499 г.[399]

Еще одним вкладом Софьи Фоминичны в Троице-Сергиев монастырь был покров «Распятие». Он символизировал плат, которым был покрыт лик Христа во время положения во гроб. Парным к нему был покров «Агнец Божий». Обе вышивки были сделаны на цветном атласе золотыми и шелковыми нитями с жемчужной отделкой.

Исследователи сделали вывод, что иконография этих вышивок чисто византийская. Кроме того, в них использовался прием, характерный для итальянских вышивок XV в. — поверх изображения были рассыпаны звездочки-крапинки, выполненные золотыми и серебряными нитями. Они символизировали драгоценные камни[400].

Еще одним вкладом Софьи в Троице-Сергиев монастырь был поруч с композициями «Благовещение» и «Святые Флор и Лавр». Исследователи предполагают, что Флор и Лавр были изображены в память о благословении Сергием Радонежским князя Дмитрия Донского перед Куликовской битвой, которое состоялось в день их памяти[401].

Выбор данного сюжета для вышивки свидетельствует о том, что Софья Фоминична была знакома с некоторыми важными событиями в истории Русского государства.

Занимаясь рукоделием и благотворительностью, великая княгиня, несомненно, постоянно думала и о судьбе трех дочерей, которые уже достигли возраста невест. Об этом она наверняка напоминала и супругу. Однако поиски достойных женихов были сложны, поскольку отпрыски европейских королевских домов имели другое вероисповедание.

Шанс выгодно выдать замуж дочерей появился у Ивана III только тогда, когда в конце января 1489 г. в Москву прибыл посол императора Фридриха III Поппель. Тот предложил в качестве женихов маркграфа Баденского Альбрехта, курфюрста Саксонского Иоганна и маркграфа Бранденбургского Сигизмунда, все они состояли в родстве по линии сестер с императором. Но предварительно посол хотел увидеть великокняжеских дочерей, чтобы убедиться в их красоте[402].

Иван III в глубине души, возможно, и счел предложение Поппеля лестным, но на него ответил довольно уклончиво. Он заявил, что при его дворе не принято показывать дочерей без официального сватовства. Маркграфы, по его мнению, были для его дочерей недостаточно знатными, поскольку его прародители состояли «в братстве, в любви и приятельстве» с самими

византийскими императорами (Иоанн Палеолог был женат на дочери Василия II). Единственным достойным женихом для княжон, по мнению великого князя, мог быть сын императора Фридриха Максимилиан, к этому времени овдовевший[403].

В итоге переговоры продолжились, поскольку оба государства были заинтересованы в сближении для борьбы с общими врагами: польским королем Казимиром и его родственниками Ягеллонами, боровшимися за Венгрию и Чехию. Правда, после двухлетнего обмена посольствами вопрос о сватовстве Максимилиана к одной из дочерей Ивана III отпал, поскольку обе стороны убедились в отсутствии общих интересов. К этому времени король Казимир умер, и у Русского государства постепенно наметились тенденции к улучшению отношений с Великим княжеством Литовским и Польшей[404].

В январе 1494 г. в Москву прибыли литовские послы с предложением не только подписать с Русским государством мирный договор, но и скрепить его браком правителя Литвы великого князя Александра со старшей дочерью Ивана III Еленой[405].

Некоторые исследователи считают, что за Александра была выдана замуж не старшая княжна Елена, родившаяся в 1474 г., а ее младшая сестра, тоже Елена, появившаяся на свет в 1476 г.[406] О судьбе этой Елены вообще нет никаких данных, поэтому напрашивается предположение о возможной ошибке в летописных записях относительно ее рождения.

Предположение о том, что женой Александра стала вторая Елена, очень сомнительно, поскольку, как уже отмечалось, по существовавшим тогда традициям первой должна была выходить замуж старшая дочь и ее жениху полагалось быть самым знатным. Исключение могло быть сделано только при каком-нибудь физическом недостатке старшей княжны. Если бы у Елены он был, то за Александра выдали бы следующую по возрасту сестру — Феодосию. Но она, как известно, вышла замуж за князя Василия Даниловича Холмского, из рода тверских князей, в феврале 1500 г.[407]

Великой княгиней Литовской, несомненно, стала старшая Елена, которой было в 1494 г. 20 лет. По меркам того времени она считалась уже засидевшейся в девках невестой. Но жених, получивший великокняжеский престол только в 1492 г., также не отличался молодостью. Ему было уже 33 года.

Княжна Елена наверняка была настоящей красавицей, поэтому литовские послы, увидев ее, тут же заговорили о скором браке. Заочное обручение состоялось уже 6 февраля. Жениха представлял староста жмудский Станислав Янович. Он передал

Елене перстень и крест на цепочке Александра и в свою очередь получил от нее те же знаки обручения. На церемонии присутствовали Иван III с Софьей, бояре и литовские послы{408}.

Иван III был заинтересован в установлении родственных связей с литовскими князьями, своими ближайшими соседями, но выдвигал одно условие — Елена останется в православной вере, и муж не должен принуждать ее к переходу в католичество. Для подписания мирного договора и выяснения всех условий брака с московской княжной в Литву были отправлены князья Василий Иванович Патрикеев и Семен Иванович Ряполовский с дьяком Федором Курицыным{409}.

Московские послы должны были не только получить от Александра Казимировича Утвержденную грамоту, касающуюся мирного договора с Иваном III, но и грамоту с обязательством не принуждать будущую жену принять католичество.

Вскоре Александр дал необходимую грамоту, но к московскому варианту была приписана строка: «А коли похочет своею волею приступити к нашему римскому закону, то ей в том воля». Это добавление возмутило московских послов, но было решено, что вопрос останется на усмотрение Ивана III.

Великий князь, узнав о приписке, заявил, что если ее не вычеркнут, то вообще не отдаст свою дочь в Литву. В итоге лишнюю фразу исключили из грамоты{410}.

Все это говорит о том, что Иван III придавал очень большое значение вопросу о сохранении дочерью православной веры. Он хотел, чтобы в Литве она стала покровительницей всех православных людей и постепенно убедила их стать подданными русского государя.

Пока великий князь Иван Васильевич уделял внимание дипломатическими делами, Софья Фоминична с дочерью занялись подготовкой поездки в Литву и предстоящей свадьбы. Им необходимо было составить списки лиц, которые должны сопровождать Елену, и переписать ее имущество. В чужой стране московская невеста должна была выглядеть достойно. В этом отношении у великой княгини был собственный богатый опыт.

Поскольку литовские послы не ставили вопрос о приданом в виде земель, то Иван III решил, что достаточно дать дочери большое имущество. Помимо одежды, в него включили отрезы дорогих тканей, особенно ценившиеся в то время, меха, посуду и ювелирные украшения. Но все же для великокняжеской дочери его размер, видимо, был не велик.

После долгого обсуждения было решено, что Елену будут сопровождать 80 человек. Главными среди них были князь Семен Иванович Ряполовский, Михаил Яковлевич Русалка и дьяк

Василий Кушанин. Они считались послами великого князя.

Кроме того, в свиту вошли представители знати, которые должны были войти в двор Елены. Их отправили в Литву вместе с женами. Среди них были следующие лица: дворецкий, казначей, окольничие, стольники, конюшие, ясельничие, дьяки, дети боярские{411}.

Иван III постарался дать самое подробное наставление дочери. Она ни при каких обстоятельствах не должна была уронить достоинство московской княжны. Поэтому ей не следовало общаться с жившими в Литве русскими беглецами, посещать католические костелы, в пути пересаживаться в карету жениха и снимать русское платье до обряда венчания.

Елена старалась во всем следовать указаниям отца, но через некоторое время в Москве узнали, что Александр Казимирович поставил перед собой цель заставить ее принять католичество. Он отказался построить для супруги православный храм на своем дворе. Окружавших ее бояр отправил на родину. Велел носить одежду местного покроя и приставил к ней своих людей католического вероисповедания.

Все это страшно возмутило Ивана III, который хотел через дочь влиять на зятя и на православных литовских князей. К тому же с ее помощью он надеялся быть в курсе всех важных событий в Литве.

Поэтому отношения между двумя странами начали портиться, и это самым печальным образом отразилось на положении Елены и в семье, и при литовском дворе. Вскоре она превратилась в заложницу честолюбивых устремлений своего отца и так и не смогла найти полное взаимопонимание с супругом. В их браке даже не появились дети, хотя в 1497 г. ходили слухи о беременности Елены{412}.

Софья Фоминична из писем дочери знала о ее тяжелом положении в чужой стране, понимала, что в этом повинен и ее супруг, но ничего не могла изменить.

Некоторые исследователи полагали, что великий князь принес свою старшую дочь в жертву государственным интересам и был лично повинен в ее несчастной судьбе{413}.

Печальные думы об неудачном замужестве дочери, несомненно, вызывали у Софьи Фоминичны тяжелые переживания. Но некоторые исследователи полагали, что брак княжны с правителем соседней страны возвысил и ее мать и даже упрочил ее положение при московском дворе.

В августе 1495 г. Софье удалось уговорить мужа простить князя Василия Михайловича Верейского, женатого на ее племяннице Марии. Беглый князь должен был только вернуть все

украшения Марии Тверянки, которые Софья по незнанию подарила молодым на свадьбу. Для переговоров по данному вопросу в Литву был послан Петр Грек{414}.

В 1501 г. муж Елены Ивановны Александр Казимирович получил польскую корону, и соответственно дочь Софьи Фоминичны стала еще и польской королевой, а сама великая княгиня превратилась в тещу короля и мать королевы.

После смерти Ивана Молодого Софья, видимо, надеялась, что наследником мужа станет ее старший сын Василий, но Иван III решил устроить соревнования между сыном и внуком Дмитрием и после него выбрать наиболее достойного наследника. Ведь разница в возрасте между ними была невелика — всего четыре года.

В октябре 1495 г. великий князь заявил, что поедет в Новгород с инспекцией и возьмет с собой внука Дмитрия и сына Юрия. «На государстве» в Москве были оставлены Софья Фоминична и старший княжич Василий. Это назначение должно было показать всем, что государь доверяет супруге и старшему сыну ответственное задание.

В Новгороде по случаю приезда высоких гостей были устроены всевозможные празднества. Софье же пришлось пережить в Москве очень холодную зиму с сильными морозами и обильными снегопадами. Потом наступила дружная весна с большим половодьем. Во время его 20 марта 1496 г. великий князь вернулся из поездки. О ее результатах в летописях нет сведений{415}.

Но из летописей можно сделать вывод о том, что летом 1496 г. началось сближение Ивана III с молдавским воеводой Стефаном, отцом его невестки Елены Волошанки. В Молдавию были отправлены послы, правда, по дороге их ограбили крымские татары. Стефан вступился за них и потребовал от крымского хана наказать виновных в грабеже. Те вскоре были найдены и даже вернули часть разграбленного имущества{416}.

Этот инцидент, видимо, произвел на Ивана III большое впечатление. Он решил, что для того, чтобы влиять на крымского хана, ему выгодно дружить со Стефаном. К тому же выяснилось, что зять Ивана III, великий князь Литовский Александр, нарушил договор с тестем и оказал помощь своему брату Альбрехту Казимировичу в нападении на Стефана. Правда, отважному воеводе удалось разбить своих противников{417}.

Все это еще раз убедило великого князя в том, что ему выгодно быть в самых теплых и дружеских отношениях с молдавским правителем, а значит, и с его дочерью Еленой, и с их общим внуком Дмитрием. Брак же дочери Софьи с великим

князем Литовским Александром приносил одни неприятности. Поэтому Иван III, видимо, решил публично продемонстрировать свою любовь к невестке и внуку. Вскоре для этого подвернулся подходящий случай.

В августе 1497 г., когда в Москву приехала сестра великого князя великая княгиня Рязанская Анна, вся великокняжеская семья вышла ее встречать за город. При этом Иван III демонстративно приблизил к себе внука Дмитрия, а сыновьям приказал встать сзади. Софье Фоминичне с Еленой Волошанкой пришлось расположиться еще дальше — за боярами{418}.

Эта встреча наглядно показала всем присутствующим, какое место отвел Иван III каждому члену своей большой семьи. Приоритет Дмитрия-внука по сравнению со старшим сыном Василием стал всем очевиден.

Поняла это и Софья Фоминична и, видимо, предупредила Василия, чтобы тот с большим вниманием стал относиться к действиям отца. К этому времени у княжича уже было свое окружение, состоящее из дворян и дьяков.

С.М. Каштанов считал, что сразу после смерти Ивана Молодого Василий получил в управление тверские земли, поэтому у него были и свой двор, и штат приказных людей{419}.

В исследовательской литературе довольно долго обсуждался вопрос о том, кем были по происхождению люди, окружавшие старшего княжича. Одни относили их к аристократическим слоям, другие — к удельному дворянству, третьи не обнаруживали что-то общее в их статусе{420}.

Итог дискуссии подвел А.А. Зимин, выяснивший происхождение лиц, входивших в окружение княжича Василия. Оказалось, что хотя они и были представителями знатных фамилий, но к Ивану III не были близки. Выдвинуться в первые ряды знати они могли только при условии, что наследником престола станет Василий{421}.

Имена лиц, служивших старшему княжичу, известны из летописных сведений об их казни 27 декабря 1497 г. В летописи об этом сообщалось следующее:

«В лето 1497 декабря восполелся князь великий Иван Васильевич всея Руси на сына своего, на князя Василья, и посади его за приставы на его же дворе того ради, что он сведав от дьяка своего, от Федора Стромилова, то, что отец его, великий князь, хочет пожаловать великим княжением Володимерским и Московским внука своего, князя Дмитрия Ивановича, нача думати князю Василию вторый сатанин предотеча Афанасий Арапчонок. Бысть же в думе той дьяк Федор Стромилов, и Поярок, Рунов брат, и иные дети боярские, а иных тайно к целованию

приведоша». Заговорщики хотели, чтобы Василий уехал от отца в Вологду и на Белоозеро, там забрал казну и «над князем Дмитрием израда учинил». Одновременно Софья Палеолог якобы приглашала к себе «баб с зельем»[422].

Обо всем этом стало известно Ивану III. По версии Уваровской летописи, на сына и жену великий князь лишь опалился, а лиц из их окружения велел казнить на льду Москвы-реки: «…детей боярских Владимира Елизарова сына Гусева, да князя Ивана Палецкого Хруля, да Поярка Рунова брата, да Сщевиа Скрябина сына Травина, да Федора Стромилова, диака веденного, да Афанасия Яропкина». 27 декабря им отсекли головы[423].

В летописях, обнаруженных А.А. Зиминым, содержались иные подробности. На сына и жену Иван III все же наложил опалу. Они были взяты под стражу. Афанасия Яропкина четвертовали, Поярку сначала отсекли руки, потом — голову. Федору Стромилову, Владимиру Елизарову, князю Палецкому и Скрябину только отсекли головы, лихих баб ночью утопили в Москве-реке[424].

Из сведений о событии конца декабря 1497 г. можно сделать вывод о том, что ни сына, ни жену Иван III не счел серьезно провинившимися. Главными виновниками, по его мнению, были окружавшие их люди, и за это их сурово наказали.

Выяснив происхождение этих лиц, исследователи попытались сделать выводы о том, что Софью и ее сына Василия поддерживали только не самые знатные дворяне и дьяки.

Однако в перечень наказанных лиц, вероятнее всего, вошли лишь те, кто составлял малый двор княжича Василия, сформированный отцом. Никакого массового демонстративного перехода на его сторону дворян и дьяков не было. Поэтому вряд ли можно считать, что существовал какой-то особый заговор Владимира Гусева, направленный на то, чтобы свергнуть власть Ивана III, расправиться с Дмитрием-внуком и посадить на престол Василия.

Просто лица из окружения Софьи Палеолог и ее старшего сына предупредили их о том, что готовится церемония венчания на великое княжение Дмитрия. Возможно, кто-то из них посоветовал Василию бежать из Москвы, чтобы таким образом выразить отцу свое несогласие с его выбором.

У Ивана III, судя по всему, в окружении жены и сына были свои люди. Узнав о замыслах Софьи и Василия, он тут же очень жестоко расправился с излишне болтливыми дворянами и дьяками. После этого подготовка к обряду венчания Дмитрия-внука на великое княжение продолжилась.

Следует отметить, что ранее подобных обрядов никогда не

было. Он наверняка был специально разработан для данного события, чтобы придать ему официальный и публичный характер. Так великий князь, возможно, хотел наглядно продемонстрировать Софье Палеолог, что не считается с ее высоким происхождением и не чтит ее потомство. Для него дороже его первый сын Иван Молодой и его семья.

Можно даже предположить, что скоропалительное решение о публичном венчании внука на великое княжение Иван III принял после неудачной попытки Василия восстать против него. Ведь раньше это событие носило кулуарный характер. Например, Иван Молодой получил титул великого князя без какого-либо особого обряда.

Для Софьи Фоминичны 4 февраля 1498 г., несомненно, стало одним из наиболее печальных дней. Ведь в это время она должна была похоронить свои надежды на то, что ее старший сын унаследует московский великокняжеский престол.

Церемония венчания Дмитрия-внука на великое княжение состоялась в Успенском соборе Кремля. Ее осуществляли митрополит Симон с Иваном III в присутствии церковных иерархов, членов великокняжеской семьи, бояр и представителей двора. Для всех присутствующих это было невиданным зрелищем, поскольку никогда до этого великие князья не передавали престол своим наследникам в главном соборе, в присутствии большого количества представителей духовенства и знати с использованием особых регалий. Обычно это было узкосемейным делом, законный характер которому придавала духовная грамота уходящего с престола великого князя.

Следует отметить, что в 1498 г. Иван III не написал духовную грамоту. Он лишь приказал митрополиту публично надеть на внука бармы и шапку — символы великокняжеской власти — и объявить, что тот благословлен на великое княжение{425}.

Данный акт отнюдь не означал, что Иван Васильевич отдал Дмитрию свою власть. Он лишь объявил его своим наследником, как когда-то Ивана Молодого. Новшество было лишь в публичности этого действа с использованием великокняжеских регалий.

Софье Фоминичне с княжичем Василием, видимо, пришлось стать свидетелями триумфа Дмитрия-внука. Иван III, правда, не стал окончательно унижать старшего сына и повелел обсыпать Дмитрия золотыми и серебряными монетами второму княжичу Юрию{426}.

Возможно, великий князь вообще не желал окончательно ссориться с женой и Василием, поскольку обряд венчания Дмитрия-внука еще ничего не решал. Ведь у него не было

овеянного временем статуса закона или обычая. Можно даже предположить, что церемония в Успенском соборе была устроена Иваном III для того, чтобы проверить, способен ли Дмитрий стать официальным наследником престола. К тому же у него могло быть желание посмотреть на реакцию своей высокородной супруги и старшего сына на его решение.

В итоге несколько лет после объявления Дмитрия великим князем стали тяжелым испытанием и для Софьи, и для Василия, и для самого внука с матерью Еленой Волошанкой. Выдержали его только первые двое.

В январе 1499 г. Иван III разгневался на князей Ивана Юрьевича Патрикеева, его сына Василия и их родственника Семена Ивановича Ряполовского. Князья Патрикеевы, как родственники великого князя (матерью Ивана Юрьевича была тетка Ивана III Мария), избежали казни — их лишь постригли в монахи в Троице-Сергиев и Кириллов монастыри. Ряполовскому же отсекли голову на льду Москвы-реки. В летописях нет никаких пояснений, почему это произошло{427}.

Исследователи, анализируя различные известия об этом событии, обратили внимание на грамоту Ивана III русским послам от мая 1503 г., со следующими словами: «Вы бы во всем себя берегли, а не так бы есте чинили, как князь Семен Ряполовский высокоумничал с князем Василием, княжьим Ивановым сыном Юрьевича»{428}.

Можно предположить, что опальные князья вели себя неподобающим образом во время посольства в Литву в 1493 г., когда решался вопрос о браке великого князя Литовского Александра и княжны Елены Ивановны. Возможно, они неправильно обговорили все условия, в которых должна была жить в Вильно княжна Елена. Их промахом, видимо, воспользовалась литовская сторона, и это осложнило положение великокняжеской дочери в Литве. Могли быть недочеты и в тексте мирного договора между двумя странами. Все это обнаружилось со временем и вызвало гнев великого князя.

Исследователи связали опалу на князей Патрикеевых и Ряполовского с улучшением положения княжича Василия. Возможно, что на вину князей указала Софья Фоминична и тем самым оправдала неудачи в замужестве Елены. Поэтому у Ивана III не оказалось причин для гнева на супругу и старшего сына. По данным некоторых летописей, в марте 1499 г. Василий тоже был наречен великим князем, но без помпезной церемонии. После этого он получил в управление Новгород Великий и Псков{429}.

Свидетельством улучшения отношений великого князя с Софьей стало новое посольство в Италию за специалистами. Его

возглавили родственник Палеологов Дмитрий Ралев и М.Ф. Корочаров. Предварительно удалось договориться с польским королем Альбрехтом, братом Александра, и его родственником венгерским королем Владиславом о проезде московского посольства через их территории{430}.

Несомненно, что Софья Фоминична принимала большое участие в организации найма иностранных специалистов в Италии. Для этого она использовала свои родственные связи и собственный авторитет. Иностранцы видели в ней свою покровительницу в чужой стране и без особого страха отправлялись в далекую Россию.

Вскоре Иван III наглядно увидел, какую пользу для него приносят контакты с итальянцами, установленные супругой. Весной архитектор Алевиз Новый продолжил перестройку великокняжеского дворца и возвел несколько каменных палат с погребами и ледниками для хранения продуктов{431}.

По случаю снятия опалы с себя и сына в 1499 г. Софья сделала вклад в Троице-Сергиев монастырь — пелену «Голгофский крест с праздниками». Исследователи отметили не только оригинальность замысла создательницы этой вышивки, т.е. Софьи Палеолог, но пылкость ее религиозного чувства и склонность к богословию{432}.

Улучшением отношений с мужем позволили великой княгине поставить перед ним вопрос об устройстве семейной жизни уже подросших детей. В итоге 13 февраля 1500 г. состоялась свадьба второй дочери Феодосии. Ее мужем стал князь Василий Данилович Холмский из тверской династии{433}.

В Разрядных книгах сохранилось описание этой свадьбы. Тысяцким — главным распорядителем — был назначен князь Д.А. Пенка Ярославский, который входил в число ведущих бояр Ивана III. Несколько лет он был новгородским наместником, возглавлял Большой полк во время военных походов{434}.

Главным дружкой являлся князь боярин П.В. Нагой-Оболенский. Он также входил в число видных воевод великого князя{435}. Вторым дружкой был назначен окольничий И.В. Чеботов с помощниками братьями Осокиными. Конюшим стал Гридя Афанасьев, видимо, входивший в окружение самого князя Холмского. Во время церемонии венчания колпак должен был держать родственник Софьи Фоминичны Никита Ангелов, его помощником был тверской боярин И.И. Борисов{436}.

Анализируя состав участников свадебной церемонии дочери Софьи Фоминичны, можно сделать вывод, что среди них были и ведущие бояре Ивана III, и лица из окружения византийской царевны, и тверская знать со стороны жениха. Но в целом особой

пышности в этой свадьбе не было. Причина заключалась, видимо, в том, что невеста «слишком засиделась в девках» — ей было уже 25 лет, да и жених для великой княжны был недостаточно знатен.

Продолжились поиски невесты и для старшего сына Василия. Подходящей кандидатурой показалась дочь датского короля Иоганна Елизавета. По этому поводу между странами начался обмен посольствами{437}. Но довольно длительные переговоры не дали положительного результата из-за разницы исповедания жениха и невесты. В 1502 г. датская принцесса вышла замуж за бранденбургского курфюрста{438}.

Софье Фоминичне, видимо, удалось убедить мужа в том, что ее дочь Елена находится в Литве в тяжелом положении. Супруг княжны любым путем пытался заставить ее отказаться от православия и принять католичество. Для этого он даже начал гонение на православных верующих по всей своей стране, но добился обратного результата. Наиболее видные представители знати просто бежали в Россию и стали настраивать Ивана III против Александра Казимировича. К тому же в 1499 г. Елена заболела и перестала отвечать на письма родителей. Вспыльчивый государь в итоге решил объявить войну своему родственнику{439}.

Первые же походы русских воевод на литовские земли оказались удачными. В июле 1500 г. в битве при Ведроше основные силы Александра были разбиты. Многие его воеводы, в том числе гетман князь Константин Острожский, попали в плен. Это очень обеспокоило родственников Александра, правивших в Венгрии и Чехии, и они стали посылать в Москву свои посольства, чтобы убедить Ивана III прекратить военные действия в Литве. Среди них неожиданно оказался и посол молдавского воеводы Стефана Великого, который не был заинтересован в ослаблении Великого княжества Литовского, считая эту страну союзницей в борьбе с турками{440}.

Двуличное поведение свояка, видимо, насторожило Ивана III. К тому же вскоре выяснилось, что тот задержал у себя итальянских мастеров, которых нанял Дмитрий Ралев и которые ехали в Москву на работу{441}.

Все это окончательно решило судьбу Дмитрия-внука и его матери Елены Волошанки. «Тое же весны, апреля 11, в понедельник, князь великий Иван положил опалу на внука своего великого князя Дмитрия и на его мать Елену, и от того дни не велел их поминати в октени и литиах, ни нарицати великим князем, посади их за приставы. Пожаловал князь великий Иван сына своего Василиа великим княжеством». Уже 14 апреля Иван III в присутствии митрополита Симона окончательно благословил

Василия на великое княжение и посадил на великокняжеский престол. Правда, этот обряд был не столь пышным, как необычное венчание Дмитрия-внука, но он полностью соответствовал существовавшим ранее обычаям. Поэтому никто не мог усомниться в его законности{442}.

Некоторые исследователи полагали, что, провозгласив Василия наследником, Иван III нарушил существовавший порядок престолонаследия{443}. Однако это не так. Отец Дмитрия Иван Молодой не успел сесть на великокняжеский престол и этим лишил своего сына прав на него. Ведь еще Дмитрий Донской писал в своем завещании, что в случае кончины старшего сына, престол переходит к следующему по возрасту княжичу{444}.

Триумф старшего сына Василия означал полную победу Софьи Фоминичны. Но вряд ли она уже могла отметить это радостное событие. Здоровье великой княгини было сильно подорвано. Причиной были и частые роды, и борьба за престол для сына, и волнения за старшую дочь Елену, и безвременная кончина дочери Феодосии. Княжна скончалась 19 февраля 1501 г. в возрасте всего 26 лет, прожив в браке только год{445}.

Проблемы с престолонаследием и противоборство с супругой, видимо, сказались и на состоянии Ивана III. Поэтому 9 июня 1502 г. он покинул Москву и отправился в загородную резиденцию Воронцово. Там он пробыл полгода, до декабря. Раньше такой длительный отдых он себе никогда не позволял.

Водить полки в Литву впервые великий князь поручил третьему сыну Софьи — Дмитрию. Он уже был вполне взрослым 21-летним молодым человеком{446}.

Пока шла война с Литвой Софья Фоминична, несомненно, очень переживала за судьбу дочери Елены. Поэтому она наверняка вздохнула с облегчением, когда в марте 1503 г. между Россией и Великим княжеством Литовским было подписано перемирие на шесть лет. К этому времени, как уже отмечалось, Александр стал еще и польским королем, соответственно Елена — королевой.

Умерла Софья, по данным летописей, 7 апреля 1503 г., в пятницу, на девятом часу дня (дата точная). Ее похоронили в Вознесенском монастыре Кремля. Никаких других комментариев по поводу этого события в летописях нет{447}.

В Лицевом летописном своде на миниатюрах показано, как сначала с умершей, одетой в царское платье, прощались великий князь и боярыни. Потом для отпевания в храме ее переодели в монашеское одеяние, и один из представителей духовенства совершил обряд. Во время его в храме Вознесенского монастыря присутствовали только Иван III, сыновья и бояре. Ни одной

женщины рядом с гробом не было[448].

В 1929 г. при разборке Вознесенского монастыря погребение Софьи Фоминичны было вскрыто и описано. Ее костяк, завернутый в шелковую итальянскую ткань, хорошо сохранился. Не истлело даже очелье. Это позволило современным антропологам восстановить облик византийской принцессы[449].

Несомненно, что на похоронах великой княгини ее дети, особенно младшие Евдокия (11 лет) и Андрей (13 лет), горько плакали, ведь они всегда чувствовали ее любовь и заботу. Суровый Иван III вряд ли сначала показывал свою скорбь, но через некоторое время, как отметил летописец, «начал изнемогати». В сентябре вместе с детьми он отправился в многодневное путешествие по монастырям, куда он вообще никогда не ездил раньше, если судить по летописным записям[450].

Паломники посетили в первую очередь Троице-Сергиев монастырь, особенно любимый Софьей Фоминичной, потом Переславль, Ростов, Ярославль. В Москву все вернулись только в ноябре. После этого великий князь стал активно интересоваться церковными делами. По его указанию были сурово наказаны еретики, осужденные еще в 1503 г. на церковном соборе. Затем была перестроена церковь Косьмы и Дамиана, возведенная в память о его свадьбе с Софьей Палеолог. Началась перестройка и ветхого Архангельского собора, служившего усыпальницей для великих князей. За всеми этими делами незаметно умерла Елена Волошанка, содержащаяся под стражей. Она пережила свою соперницу меньше чем на два года, хотя была намного моложе[451].

Источники свидетельствуют, что в последние годы жизни после кончины Софьи великий князь стал очень слаб здоровьем и уже не мог заниматься управлением государства. На престол взошел Василий III, женившийся в сентябре 1505 г. на Соломонии Сабуровой. Ее он выбрал по воле отца, и после этого стал считаться полностью взрослым и самостоятельным человеком.

Иван III скончался 23 октября 1505 г. в час ночи с понедельника на вторник. Ему было 66 лет и 9 месяцев. На престоле он сидел необычно долго — 43 года и 7 месяцев. Так подсчитал летописец[452].

Быстрое дряхление Ивана III в последние годы жизни позволяет выдвинуть предположение о том, что он очень любил византийскую царевну и без нее потерял интерес к государственной деятельности и смысл в жизни. Все его действия против Софьи и ее старшего сына не были направлены на то, чтобы серьезно им навредить. Великий князь просто

демонстрировал им, что сам является главой государства и требует от всех уважения и подчинения своей воле. Софья Фоминична, видимо, сразу же это поняла и очень редко противоречила супругу. Демонстрируя покорность, она в итоге всегда добивалась своих целей. Для этого ей приходилось быть хитрой и изворотливой.

Эту особенность ее характера заметили еще иностранные дипломаты, посещавшие Русское государство в конце XV в.

Жизнь и деятельность византийской царевны Софьи Фоминичны Палеолог, ставшей великой княгиней Московской, несомненно, были трудными, но плодотворными, особенно в семье. Она родила не менее 8 детей и добилась того, что именно ее старший сын Василий унаследовал отцовский престол. Остальным сыновьям пришлось стать удельными князьями, положение которых было очень сложным в период формирования централизованного государства и единодержавия. Из них смог жениться и оставить потомство только младший Андрей Старицкий.

Достаточно печальной оказалась участь дочерей Софьи. Старшая Елена вроде бы удачно вышла замуж за правителя соседней страны и стала сначала великой княгиней Литовской, а потом и польской королевой. Но разница в вероисповедании с мужем очень осложнила ее жизнь. В итоге потомства она не оставила и умерла насильственной смертью. Две другие дочери вышли замуж довольно поздно и вскоре скончались. Потомство, дочь Анастасию, оставила только младшая княжна Евдокия.

К числу заслуг Софьи Фоминичны следует отнести существенное повышение международного статуса Русского государства после брака с ней Ивана III. О далекой Московии стало известно и во всех итальянских государствах, и в Римской империи, и в Дании, и в других европейских странах. Многие правители захотели не только установить добрососедские отношения с Иваном III, но даже с ним породниться. Осуществиться этим планам помешала лишь разница в вероисповедании.

Активные международные контакты привели к тому, что в Москву приехало много иностранных специалистов, которые не только изменили своими постройками облик города, но и способствовали расцвету в нем всевозможных искусств и ремесел. В столице в конце XV в. прочно обосновались искусные зодчие, строители, оружейники, литейщики, рудознатцы, ювелиры, врачи, музыканты, которых раньше в таком большом количестве никогда не было.

Изменился и двор Ивана III. Он стал более многолюдным и

блестящим. На службу к нему поступили опытные политики и дипломаты из числа родственников Софьи и членов двора ее отца. Это братья Ралевы (Ларевы), Траханиоты, Ангеловы, Мануйловы, Палеологи, Фрязины и др. Например, в 1495 г. во время поездки Ивана III в Новгород в его свите были Дмитрий и Мануйло Ларевы (Ралевы), Юшка Дмитриев сын Грек, Микула Ангелов{453}.

Некоторые из них надолго влились в число русской знати, сохраняя за своим родом определенные должности. Например, у Ивана III печатником был Ю.Д. Траханиотов, у Василия III эту должность занимал М.И. Ангелов{454}. В Разрядных книгах зафиксировано, что представители рода Траханиотов в течение XVI–XVII вв. очень часто назначались на должность казначеев.

В исследовательских трудах о Софье Палеолог для характеристики ее деятельности обычно рассматривалось высказывание о ней дипломата и политика из окружения Василия III Берсеня Беклемишева. В беседе с писателем и переводчиком Максимом Греком он заявил: «Как пришли сюда греки, так наша земля и замешкалась; а до тех пор земля наша Русская жила в тишине и в миру. Как пришла сюда мать великого князя, великая княгиня Софья, с вашими греками, так наша земля и замешкалась и пришла в нестроение великое, как и у вас в Царегороде при ваших царях… Лучше старых обычаев держаться и людей жаловать, и старых почитать; а теперь государь наш, запершись сам третий у постели всякие дела делает»{455}.

Берсень Беклемишев, хотя и относился к византийской царевне отрицательно, был вынужден признать, что она оказала большое влияние на изменение нравов при московском дворе. Если раньше они были достаточно демократичными, поскольку государи приближали к себе неродовитых людей и принимали свои решения путем совещания с ними, то под влиянием Софьи правители стали приближать к себе только представителей высшей знати. Из них они стали формировать Ближнюю думу. Неродовитому Беклемишеву пришлось отойти в сторону. Естественно, что после этого он не мог относиться положительно к Софье Палеолог.

Проведенное исследование позволяет дать ответы и на целый ряд спорных для историков вопросов, касающихся жизни и деятельности византийской царевны.

Во-первых, Софья вряд ли была католичкой, поскольку она была из рода византийских императоров, возглавлявших православную церковь в течение многих веков. Вероятнее всего, она была православной униаткой. Этот вывод напрашивается из того обстоятельства, что ее отец Фома, как брат византийского

императора, несомненно, был крещен по православному обряду. Но потом он поддержал унию с католиками и начал сотрудничать с Ватиканом.

Во-вторых, наиболее вероятно, что у Софьи было только три дочери, поскольку сведения о них сохранились в дипломатических документах. Женой великого князя Литовского Александра стала старшая княжна Елена. Сведения о еще трех одноименных дочерях либо являлись ошибками летописцев, либо были умышленно вставлены в летописный текст, чтобы скрыть истинный возраст княжон, которые по меркам того времени вышли замуж слишком поздно.

В-третьих, совершенно очевидно, что высокообразованная Софья имела сильное влияние на Ивана III, но тот старался это скрыть. Он ограничивал супругу в средствах, иногда незаслуженно унижал, всегда старался показать, что во всем выше ее и имеет право распоряжаться ее судьбой.

В-четвертых, несомненно, что влияние Софьи, окружавших ее лиц и приехавших при ее участии специалистов на русские внешнюю и внутреннюю политику, культуру, зодчество и ремесло было очень большим. К началу XVI в. Русское государство существенно расширило международные контакты, обрело герб, свод законов, увеличилась численность его правительственного аппарата, расширились его функции. Преобразилась и столица. Москву стали украшать мощная крепость, храмы, похожие на итальянские дворцы, здания в европейском духе. Началась перестройка дворца великого князя. Его двор стал пышным и многолюдным, в нем активно стал разрабатываться новый сложный церемониал.

В-пятых, напрашивается предположение, что Русское централизованное государство складывалось под влиянием тех знаний и идей, которыми обладала Софья и лица из ее окружения. Так, возникло разделение населения страны на четыре сословия: высшая придворная знать и духовенство, служилые воинские и чиновные люди, занимавшиеся только военным делом и государственной службой, тяглое население (купцы, ремесленники и черносошные крестьяне), платящее налоги в казну, и крестьяне, работающие на землевладельцев. Прослойку между ними составляли «охотчие люди», которые наниматься холопами к представителям знати.

Все это в целом дает основание сделать вывод о том, что византийская царевна Софья Палеолог всегда являлась верной помощницей Ивана III в деле строительства обновленного Русского централизованного государства. В достигнутых им успехах была и ее большая заслуга. Об этом не стоит забывать.

Глава 3.
ЕЛЕНА ВОЛОШАНКА

Вдова Ивана Молодого Елена Стефановна, прозванная Волошанкой за то, что являлась дочерью молдавского (волошского) господаря Стефана Великого, была одной из главных фигуранток в борьбе за великокняжеский престол в конце XV в. Поэтому без изучения ее жизни и деятельности трудно понять ход событий в формирующемся Русском централизованном государстве в этот период.

ИСТОЧНИКИ

Источники, относящиеся к биографии великой княгини Елены Стефановны, очень незначительны. Это отрывочные сведения о ней в летописях, краткие данные в актовом материале, дипломатические документы, касающиеся связей с Молдавией — родиной Елены, Чин венчания Дмитрия-внука на великое княжение, пелена, вышитая в мастерской княгини, и известие о ее еретических взглядах в сочинениях Иосифа Волоцкого.

Данные о Елене обнаруживаются в следующих летописях: Уваровской, Ермолинской, сокращенных сводах конца XV в., Симеоновской, Софийской I, Львовской, Никоновской, Воскресенской.

Наиболее подробные сведения о молдавской княжне помещены в Уваровской летописи. Так, в ней сообщено, что в январе 1483 г. «женился князь великий Иван Иванович и взял за себя княжну Елену, дочь волошского воеводы Стефана». В сокращенных сводах конца XV в. уточнено, что свадьба была 12 января{456}. Эта же дата повторена в Софийской I летописи{457}.

В Уваровской летописи также сообщено о рождении Еленой сына Дмитрия. Это событие произошло 10 октября 1483 г. Вскоре после него произошел конфликт между Иваном III и Софьей Палеолог из-за украшений первой супруги великого князя. Их по существовавшей традиции должна была получить супруга Ивана Ивановича, т.е. Елена Стефановна, но Софья, не зная об этом, отдала их своим родственникам{458}.

Следует отметить, что данные об этом конфликте отсутствуют в сокращенных сводах конца XV в., в Симеоновской, в Ермолинской, в Софийской I и Воскресенской летописях. Описан

он лишь в Львовской и Никоновской летописях, в таком же варианте, как в Уваровской летописи.

Далее в Уваровской летописи имя Елены Стефановны упомянуто в связи с переездом семьи великого князя в новый дворец в 1492 г., описанием пышной встречи великой княгини Анны Рязанской, опалой, обрушившейся на Елену и ее сына в 1502 г. Последние данные касаются ее смерти в 1505 г.{459}

В остальных летописях, кроме Львовской, сведения о Елене во многом сходные с Уваровской, но более краткие. Только в Львовской летописи содержится дополнительная информация о том, что за невестой Ивана Ивановича в Молдавию ездили Андрей и Петр Михайловичи Плещеевы и что по дороге в Москву через литовские земли Елена получила подарки от польского короля{460}.

Дополнительные данные об обстоятельствах заключения брака Елены Волошанки и Ивана Молодого содержатся в дипломатических документах, относящихся к Крыму. Они были обнаружены К.В. Базилевичем{461}.

Сведения о связях России с Молдавией в конце XV в. содержатся в Описи государственного архива XVI столетия, реконструированной А.А. Зиминым. Из этого документа можно узнать, что в апреле 1481 г. в Молдавию были отправлены послы Андрей и Петр Михайловичи Плещеевы, о возвращении этих послов в Москву в декабре 1482 г. с Еленой Стефановной, о посольстве в Молдавию П. Зиновьева в феврале 1490 г., о посольстве в Молдавию И.Д. Лихарева в августе 1490 г. и возвращении их в январе 1491 г. в Москву с молдавским послом Стецким. Есть в ней данные о посольствах 1492 и 1496 гг. И.А. Плещеева в Молдавию, о миссиях Ивана Ощерина и Ивана Питаря в 1497 г., о посланиях Стефана Великого Ивану III в 1499 г., о миссии Ивана Исаева в Москву в 1500 г.{462}

Кроме того, сведения о Елене есть в делах о московско-новгородских еретиках, подробно рассмотренных в трудах советских исследователей Н.А. Казаковой, Я.С. Лурье, А.А. Зимина, А.И. Алексеева и др.{463}

Биография великой княгини Елены Стефановны, прозванной на Руси Волошанкой, интересовала исследователей только в связи с ее браком с Иваном Молодым и династической борьбой, разгоревшейся в Русском государстве на рубеже XV–XVI вв. между княжичем Василием и Дмитрием-внуком. При этом внимание историков не привлекала личность самой княгини. Они лишь старались выяснить причины, по которым она стала женой сына Ивана III и какие силы поддерживали притязания ее сына Дмитрия на московский престол. Н.М. Карамзин считал, что

инициатором брака Елены и Ивана стал молдавский господарь Стефан, отец невесты, заинтересованный в поддержке Ивана III в его борьбе с Турцией и Литвой. Чтобы сохранить независимость, ему приходилось лавировать между соседними странами, поэтому союз с русским государем был ему выгоден{464}. Сторонниками Елены Карамзин считал князей Патрикеевых и Семена Ряполовского, якобы оклеветавших Софью Палеолог и ее сына Василия{465}.

С.М. Соловьев согласился с мнением Карамзина о том, что князья Патрикеевы и Ряполовский поддерживали Елену Волошанку и ее сына. По его мнению, опорой вдовы Ивана Молодого и Дмитрия-внука при московском дворе была высшая знать — князья и бояре. Софью же с Василием поддерживали только дети боярские и дьяки. К тому же Елена имела тесные связи с новгородско-московскими еретиками{466}.

В работах советских исследователей сделан иной вывод. С.Б. Веселовский и Я.С. Лурье считали, что Елену и Дмитрия поддерживали высшие бюрократические дельцы столицы, затронутые еретическим вольнодумием. Ее лидером был дьяк Федор Курицын. Поддерживали их и тверские круги{467}.

Наиболее обстоятельно вопрос о заключении брачного союза между Еленой и Иваном рассмотрел К.В. Базилевич. Среди дипломатических документов по связям России с Крымом он обнаружил данные о переговорах по поводу этого брака еще в 1480 г. Инициатором их была некая княгиня Феодосия Александровна, жена князя Семена Юрьевича. Возможно, Феодосия была теткой Елены{468}.

Определенное внимание вопросу о браке молдавской княжны с московским княжичем уделил С.М. Каштанов. Он даже считал, вслед за Я.С. Лурье, что одна из редакций официальной летописи, составленная в 1495 г., вышла из канцелярии митрополита Зосимы, близкого к Елене Стефановне. Поэтому события, связанные с династической борьбой княжича Василия с Дмитрием-внуком, были освещены с позиции молдавской княжны{469}. Правда, А.И. Алексеев сомневается в причастности митрополита Зосимы к летописанию{470}.

А.А. Зимин также достаточно подробно рассмотрел все события, в которых так или иначе была замешана Елена Волошанка, и сделал вывод, что она была достаточно опытным политиком и активно боролась за права своего сына на великокняжеский престол. К тому же она принимала участие в еретическом движении{471}.

В последнее время новый момент в изучение еретического движения конца XV — начала XVI в. внес А.И. Алексеев. Его

выводы позволяют уточнить некоторые данные и в биографии Елены Волошанки{472}.

В целом же в работах постсоветского времени вопрос о браке Елены Стефановны и Ивана Молодого с каких-либо иных позиций, чем прежде, не рассматривается, поскольку новые источники не обнаружены.

В настоящем исследовании предпринята попытка собрать все сведения о Елене Волошанке в самых разных источниках и сделать вывод о том, играла ли она какую-нибудь роль в процессе формирования внешней и внутренней политики Русского централизованного государства конца XV — начала XVI в. и развития общественной мысли в нем.

БИОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

В источниках не сохранилось никаких сведений о том, когда родилась Елена и каким было ее детство. Известно лишь, что ее отцом являлся молдавский господарь Стефан III, прозванный Великим, а матерью — княжна Евдокия Олельковна.

Год рождения Стефана неизвестен, но есть данные о том, что на молдавский престол он взошел в 1457 г., в 1467 г. уже выиграл войну с Венгрией, в 1475 г. разгромил турецкую армию и этим прославил себя на всю Европу.

Мать Елены — литовская княжна Евдокия была дочерью киевского князя Александра (Олелько) Владимировича и московской княжны Анастасии, дочери Василия I.

Через мать Елена состояла в родстве с московским великокняжеским домом. Будущему мужу она приходилась троюродной сестрой. Это родство считалось близким, и для брака между такими родственниками требовалось разрешение церкви. Кроме того, через двоюродную сестру Софью (дочь Семена Олельковича) она состояла в родстве с тверскими князьями, поскольку Софья являлась женой великого князя Тверского Михаила Борисовича. Правда, вскоре после замужества Елены она умерла (в апреле 1483 г.), не оставив потомства{473}.

Известно, что бабушка Елены, княгиня Анастасия Васильевна, поддерживала тесные связи с родителями и даже ездила в Москву их навещать{474}. Она постоянно интересовалась событиями в Москве и часто отправляла к брату своих посланцев, например в 1447 г.{475}

Несомненно, что княгиня Анастасия была православной верующей и старалась воспитать в этой вере детей — Семена и

Михаила, а также мать Елены Евдокию. Поэтому при обсуждении вопроса о браке молдавской княжны с московским княжичем проблемы вероисповедания не обсуждались.

Однако, как заметил А.И. Алексеев, православие в семьях литовских князей и в Молдавии имело некоторые отличия от веры в Московском государстве. Например, в свите дяди Елены князя Михаила Олельковича, прибывшего в Новгород в 1470–1471 гг., был «жидовин именем Схария». Он открыто проповедовал свое учение, которое характеризовало его как «чародея, чернокнижника и звездозаконника». Среди новгородских священнослужителей тут же нашлись желающие последовать учению этого иудея. Среди них были не только священники, но и их родственники, жены, дети, братья, зятья и просто знакомые. Вполне вероятно, что под влиянием взглядов Схарии находился и сам князь Михаил Олелькович{476}. Елене он приходился дядей.

Исследователи полагают, что Схарией в русских источниках называли известного киевского книжника Захария бен Арона Га Когена. В 1481 г. он занимался перепиской книг в Киеве{477}.

Вполне вероятно, что иудаизм Захария, основанный на Библии Ветхого Завета, находил отклик у киевской знати, поскольку отменял конец света, который по православной вере должен был наступить в 1492 г.

Отец Елены Волошанки господарь Стефан также почитал Ветхий Завет. После побед над врагами он воздавал хвалу не Христу, а «вышнему богу Саваофу». Иисуса он называл только «сыном живого Бога»{478}.

Поэтому напрашивается предположение, что и княжна Елена с детских лет испытывала особое почтение к Ветхому Завету, а значит, и к иудаизму, который потом стал распространяться в Новгороде и Москве на рубеже XV–XVI вв.

В целом же воспитание и образование Елены, видимо, мало отличалось от того, что получали девочки в семье великих князей Московских. Ведь ее бабушка воспитывалась при московском дворе. Свои навыки и знания она должна была передать дочери Евдокии, а та уже Елене.

В летописях нет информации о том, кто стал инициатором женитьбы Елены и Ивана Молодого. Но этот вопрос на основе различных дипломатических документов удалось прояснить К.В. Базилевичу. В крымских посольских делах он обнаружил сведения о том, что еще во второй половине 70-х гг. XV в. господарь Стефан просил родственников жены устроить брак его дочери Елены с наследником московского престола Иваном Ивановичем. Молдавскому правителю, чья страна была зажата между враждебными ему Турцией и Польшей, выгоден был союз с

постоянно усиливающимся Русским государством[479].

Помочь Стефану взялась княгиня Феодосия Олельковна, родная сестра его жены, т.е. тетка Елены. К этому делу она привлекла и племянника, сына другой сестры, князя Ивана Юрьевича Пронского. Елене он приходился двоюродным братом. На семейном совете было решено обратиться к матери Ивана III, великой княгине Марии Ярославне, и попросить ее стать посредницей в переговорах о браке. Но в конце 70-х гг. вопрос этот решить не удалось[480].

Переговоры о браке возобновились в 1480 г., уже при активном участии Ивана III. Он, видимо, осознал, что его старшему сыну-наследнику, достигшему 22 лет, давно пора обзавестись семьей. Родившиеся у Софьи Палеолог сыновья не должны были выглядеть его соперниками в получении престола и создавать повод для конфликтов в великокняжеской семье. Ведь в то время все знали, что по-настоящему взрослым считался только женатый человек.

К тому же на союз со Стефаном Великим Ивана III толкала и изменившаяся политическая ситуация. У великого князя резко обострились отношения с ордынским ханом Ахматом, который заключил договор о взаимопомощи с его недругом польским королем Казимиром. В борьбе с двумя сильными противниками Москва нуждалась в новых союзниках. Молдавский господарь в этом отношении был подходящей кандидатурой, поскольку Казимир был и его врагом.

Исследователи выяснили, что в апреле 1480 г. Стефан III направил в Москву своего посла. Он должен был вновь поставить вопрос о браке княжича Ивана и его дочери Елены и союзе Молдавии с Россией. В ответ Иван III направил к Стефану своего посланника, «человека молодого»[481].

Переговоры о браке закончились тем, что в апреле 1482 г. Иван III отправил к Стефану своих представителей — Андрея и Петра Михайловичей Плещеевых Им было поручено привезти в Москву невесту Ивана Молодого.

Король Казимир, не желая разрывать добрососедских отношений сразу и с Молдавией, и с Россией, разрешил Елене Стефановне проехать по своей территории и даже отправил ей подарки, когда та находилась в районе Новгорода-Северского. В итоге уже в декабре 1482 г. свадебный кортеж прибыл в Москву. Было ли у молдавской княжны какое-нибудь приданое, неизвестно. Возможно, этот вопрос был оговорен в статьях договора Ивана III со Стефаном, но его текст не сохранился[482].

Со свадьбой Ивана и Елены затягивать не стали. Ее сыграли 12 января 1483 г. Но торжества продолжались еще несколько

дней. Через некоторое время состоялась еще одна свадьба — племянницы Софьи Палеолог Марии и сына верейского князя Михаила Андреевича — Василия. Вскоре выяснилось, что оба этих события тесно связаны.

Поскольку союз Елены и Ивана Молодого, видимо, оказался удачным, то уже ночью 10 октября этого же 1483 г. молдавская княжна родила сына Дмитрия. На память Дмитрия Солунского, 26 октября, его крестили. После этого Иван III захотел одарить молодую невестку и отдать ей драгоценности матери Ивана Молодого Марии Тверянки, которые хранились у его второй супруги Софьи Палеолог. Однако оказалось, что их у нее нет. Не зная об обычаях московского двора, она сначала подарила часть украшений своей предшественницы брату Андрею, потом все остальное отдала племяннице Марии во время ее свадьбы с верейским князем{483}.

Узнав об этом, Иван III очень разгневался, но наказать жену не посмел. Он лишь потребовал от князя Василия Михайловича Верейского отдать подаренные Софьей драгоценности. Однако оскорбленный князь предпочел бежать вместе с супругой в Литву{484}.

Этот инцидент окончательно испортил отношения Ивана Молодого с Софьей Палеолог и настроил против свекрови и Елену Волошанку. О том, что конфликты в семье неминуемы, видимо, понял и Иван III. Для их предотвращения он решил выделить старшего сына на самостоятельное княжение.

Таким образом, уже в первый год замужества у Елены Стефановны сложились не самые добрые отношения с Софьей Палеолог. Молодая невестка наверняка сразу увидела в свекрови соперницу и не стала вступать с ней в доверительные отношения.

Иван III, ощущая себя человеком полным сил, видимо, не хотел делиться землями со старшим сыном. Поэтому он стал подыскивать ему какое-нибудь княжество, на которое можно было предъявить свои права. Таким подходящим владением оказалось соседнее Тверское княжество. В нем правил бездетный дядя Ивана Молодого князь Михаил Борисович, женатый на двоюродной сестре Елены Волошанки.

Великий князь Московский старался держать под контролем все действия тверского князя, перехватывая его гонцов в соседние страны. Так ему удалось узнать, что после смерти супруги княгини Софии Семеновны в апреле 1483 г. Михаил Борисович задумал породниться с польским королем Казимиром и решил посвататься к его внучке. Предполагаемый союз имел явную антимосковскую направленность. Но это еще не стало поводом для разрыва отношений с тверским князем.

Спровоцировал разрыв сам Михаил Борисович. Он не захотел принять у себя московского посла В. Гусева, прибывшего в Тверь с известием о рождении у Ивана Молодого сына Дмитрия. Но после этого направил гонца к Казимиру с предложением заключить союз о взаимопомощи. В ответ рассерженный Иван III разорвал мирные отношения с Тверским княжеством и отправил войско грабить и жечь порубежные земли. Михаил Борисович был вынужден признать свою вину и подписать с московским князем унизительный договор. Согласно ему он признавал себя меньшим братом великого князя{485}.

Естественно, что такое положение не могло устроить великого князя Тверского, чьи предки соперничали с московскими князьями за владимирский великокняжеский престол. Поэтому он отправил гонца к королю Казимиру за помощью. Однако и на этот раз тверской посланец был перехвачен людьми Ивана III. Содержание письма Михаила Борисовича так возмутило великого князя, что он решил окончательно расправиться с соседом. В августе 1485 г. он лично во главе войска выступил к Твери.

Поход москвичей напугал тверского князя, и он бежал в Литву. Его бояре в массовом порядке перешли на сторону Ивана III{486}.

Судьба Тверского княжества была решена. Въехав в Тверь 15 августа 1485 г., великий князь в Спасском соборе в торжественной обстановке передал власть сыну Ивану Ивановичу на правах нового тверского князя. Через три дня тот перевез в город свою семью и стал в нем полновластным правителем как внук великого князя Тверского Бориса Александровича. Сам Иван III вернулся в Москву{487}.

Таким образом, на время конфликт в великокняжеской семье был потушен. Софья осталась в Москве единоличной хозяйкой великокняжеского дворца, а Елена Волошанка стала обживаться в бывших владениях тверских князей.

Следует отметить, что в первое время брак Ивана Молодого и Елены Стефановны способствовал укреплению связей между Россией и Молдавией. К.В. Базилевич собрал сведения о том, что в 80-е и 90-е гг. XV в. контакты Ивана III со Стефаном были достаточно частыми. Например, в 1484 г. посол в Венгрию Федор Курицын должен был захватить с собой в Москву и посланца молдавского господаря. В 1488 г. Иван III посылал к Стефану Василия Карамышева. В феврале 1490 г. «в Волохи» поехал Прокофий Зиновьевич, в августе — Иван Лихорев. Он вернулся в январе 1491 г. с молдавским послом Стецко. В июле 1491 г. Прокофий Зиновьевич вновь ездил к Стефану{488}.

С помощью Ивана III молдавскому господарю удалось заключить дружеские отношения с крымским ханом Менгли-Гиреем. Вместе они совершали рейды против польского короля Казимира до самой его смерти в 1492 г.{489}

Получалось, что при жизни Ивана Молодого его брак с молдавской княжной приносил Русскому государству ощутимую пользу. Сам княжич получил возможность стать самостоятельным правителем в тверских землях.

По мнению А.А. Зимина, Иван III не планировал создание отдельного Тверского княжества. Иван Молодой должен был лишь управлять тверскими землями до вступления на московский престол{490}. В Твери наследник великого князя приобретал опыт и получал значительные средства для содержания своей семьи. К сожалению, детей у Елены больше не было. Причиной этого, возможно, являлось близкое родство с мужем. Можно вспомнить, что и у самого Ивана III с первой супругой, приходящейся ему троюродной сестрой, был только один ребенок.

С.М. Каштанов, анализируя тверские грамоты за 80-е гг., сделал вывод о том, что Иван Иванович не управлял тверскими землями постоянно. Приблизительно в июне 1488 г. он, очевидно, переехал в Москву, поскольку иностранные послы стали передавать ему поклоны{491}.

Это могло быть связано с тем, что Иван III начал активное наступление на Казанское ханство и был заинтересован в том, чтобы старший сын находился поблизости от него. К тому же в 1488 г. у великого князя ухудшились его отношения с братом Андреем Углицким и новгородцами{492}.

В Москве Ивану Молодому вновь пришлось достаточно часто встречаться с Софьей Палеолог, которую он, судя по воспоминаниям иностранцев (в первую очередь Контарини), очень не любил. Ему наверняка было неприятно узнавать, что мачеха продолжает исправно рожать детей, тогда как его молодая супруга смогла произвести на свет только одного сына. Еще более неприятное впечатление произвел на княжича, очевидно, приезд в Москву в конце 1489 г. брата Софьи Андрея с послами великого князя братьями Дмитрием и Мануилом Ралевыми, ездившими в Италию. Они привезли с собой множество итальянских мастеров, зодчих, строителей, литейщиков, ювелиров и даже лекаря Леона{493}.

В честь их были устроены официальные приемы и пиры. Окруженная детьми Софья, несомненно, чувствовала себя в это время на высоте славы и, видимо, демонстрировала это своему недругу пасынку.

Иван Иванович, несомненно, раздражался при виде

торжествующей Софьи Фоминичны. В итоге через некоторое время он заболел «камчугою в ногах»[494].

Некоторые исследователи, как уже отмечалось, решили, что у княжича была подагра. Но следует повторить, что в «Толковом словаре» В. Даля указано, что камчугой называли род проказы, выражавшийся в появлении на коже красной сыпи и струпьев[495]. Сейчас проказа считается нервным заболеванием, не поддающимся лечению.

Недуг сына очень обеспокоил Ивана III, и он приказал иностранному лекарю Леону осмотреть его. Тот, видимо, раньше не встречался с таким заболеванием и решил, что оно несерьезное. Поэтому он смело пообещал вылечить Ивана Молодого. В противном случае был готов сложить на плахе свою голову.

В летописях было отмечено, что Леон дал Ивану Ивановичу какое-то лекарство и стал ставить ему банки («жещи начал скляницами по телу, вливаа горячюю воду»). Но от этого лечения больному стало еще хуже, и 7 марта 1490 г. он скончался[496].

Смерть сына, несомненно, вызвала у Ивана III не только глубокую скорбь, но и гнев. Поэтому он приказал отрубить голову нерадивому лекарю. Его казнь состоялась 22 апреля «на Болвановье»[497].

Следует отметить, что далеко не во всех летописях помещены подробные сведения о смерти Ивана Молодого. Например, данные об этом событии отсутствуют в Московском своде конца XV в., очень кратко об этом повествуется в Ермолинской и Воскресенской летописях. Подробные известия помещены лишь в кратком своде 1497 г., в Симеоновской и Львовской летописях. Это говорит о том, что подробности смерти наследника престола заинтересовали не всех книжников.

Для Елены Стефановны смерть мужа стала большим горем. Ведь при московском дворе он был ее главной опорой. Теперь основной задачей вдовы стало воспитание малолетнего сына Дмитрия, у которого был шанс занять великокняжеский престол, поскольку его отец уже носил титул великого князя. Правда, самостоятельно Иван Иванович не правил всем государством, и из-за этого у его сына не было бесспорных прав на верховную власть. Получалось, что будущее внука зависело от воли деда Ивана III.

Советские исследователи полагали, что после смерти Ивана Молодого Елена Волошанка вступила в схватку с Софьей Палеолог, надеясь таким путем добиться престола для сына Дмитрия. По их мнению, обе женщины были властными особами и опирались на различные придворные группировки[498].

Правда, в источниках нет никаких данных о том, что Елена отличалась властностью и имела при московском дворе свое окружение, на которое могла опираться. Нет в них сведений и о том, что противоборство двух женщин началось сразу после смерти Ивана Молодого. Исходя из данных летописей и дипломатических документов, можно сделать вывод о том, что молодая вдова с сыном проживали в кремлевском великокняжеском дворце. В семейной иерархии Елена Стефановна официально занимала место ниже Софьи Фоминичны, а Дмитрий-внук был ниже старших сыновей Ивана III{499}.

Поэтому возникает сомнение в том, что Елена Волошанка была способна хоть чем-то помочь своему сыну. Исход его борьбы с Василием за верховную власть зависел только от решения самого Ивана III. Тот, судя по всему, думал в первую очередь о способности каждого из претендентов на престол продолжить его великие дела по расширению территории Русского государства и его укреплению.

К тому же в 1490 г. и Василий (1479 г.р.), и Дмитрий (1483 г.р.) были еще слишком малы, что править самостоятельно. Обоим необходимо было учиться. Поэтому у Ивана III было достаточно много времени для того, чтобы выбрать среди них наиболее достойного.

В 1491 г. Иван III отправил в Молдавию посольство с сообщением о смерти Ивана Ивановича. В письме Стефану он, видимо, обещал, что будет заботиться о его дочери и общем внуке{500}.

Елена с сыном, как уже отмечалось, поселились в великокняжеском дворце. Когда в 1492 г. началась его перестройка, они вместе с остальными членами великокняжеской семьи на время переехали на новый двор боярина князя Юрия Патри-кеевича{501}.

В 1496 г. Иван III решил проверить, насколько хорошо его старшие сыновья, Василий и Юрий, и внук Дмитрий овладели науками по управлению государством. Для этого в октябре вместе с Дмитрием и Юрием он отправился в длительную поездку в Новгород. В Москве же «на государстве» были оставлены Софья Палеолог с сыном Василием. Домой великий князь вернулся только в марте 1497 г.{502}

В летописях нет никаких сведений о каких-либо событиях в великокняжеской семье в это время. Видимо, все испытуемые княжичи выдержали проверку, и отдать кому-нибудь предпочтение великий князь не смог. Но он вскоре отправил посольство к Стефану Великому, с какой целью — неизвестно. На

обратном пути его посланники Иван Ощерин и Лука Волошенин были ограблены сыном крымского хана Епанчой. Поэтому им пришлось вернуться к Стефану. Господарь тут же отправил своих гонцов к хану Менгли-Гирею и попросил наказать грабителей. Хан быстро расследовал это дело, но полностью вернуть отобранное у русских послов добро не смог.

В августе они прибыли в Москву и рассказали Ивану III о происшествии. С ними был и молдавский посол Иван Питарь со старцами афонского Пантелеимонова монастыря{503}.

Сообщение послов о помощи им Стефана Великого, видимо, убедило великого князя в том, что ему выгодно дружить с молдавским господарем, пользующимся большим авторитетом в Крыму. Это, очевидно, стало склонять его к тому, чтобы из двух претендентов на престол выбрать Дмитрия.

К тому же в сентябре произошло другое событие международного характера, которое оттолкнуло Ивана III от Софьи Фоминичны и ее детей. От своих информаторов великий князь узнал, что его зять великий князь Литовский Александр вместе с братом польским королем Альбрехтом собрались напасть на Стефана Великого. Иван III тут же послал гонца к Александру с просьбой не воевать с его родственником. Тот притворно обещал не участвовать в походе брата, но послал в помощь ему своих воевод. Это выяснилось после того, как Стефан разбил польское войско, захватил пушки и заставил короля с позором бежать{504}.

Данное событие еще раз показало русскому государю, что со Стефаном следует дружить, а зятю Александру доверять нельзя. Получалось, что их общая с Софьей Фоминичной дочь Елена не имела на мужа влияния. Значит, ее брак не приносил Русскому государству никакой пользы. Так, видимо, считал Иван III, решая вопрос о том, кого официально назвать своим наследником: сына Василия или внука Дмитрия. В ноябре 1497 г. он, как известно, окончательно склонился в пользу внука.

А.А. Зимин полагал, что лица из окружения Елены Стефановны, главным из которых был ее дальний родственник князь И.Ю. Патрикеев, принимали участие в составлении Судебника 1497 г. Это способствовало росту авторитета вдовы Ивана Молодого и ее сына Дмитрия и убеждало Ивана III в том, что ему следует опираться именно на них{505}.

Однако в источниках данные на этот счет отсутствуют. Поэтому неизвестно, имела ли Елена Волошанка и ее родственники отношение к составлению Судебника.

Можно предположить, что в конце 1497 г. государевым дьякам было приказано разработать процедуру венчания Дмитрия на великое княжение. Она должна была стать публичной,

торжественной и быть зафиксирована в особом документе — Чине венчания. В качестве образца, видимо, был взят обряд поставления в митрополиты русских иерархов, а также церемония коронования наследников византийских императоров{506}.

Это должно было, по замыслу великого князя, особенно больно задеть Софью Палеолог, которая никогда не забывала о своем высоком происхождении и постоянно напоминала о нем различными способами. В том числе и помпезными надписями на своих вышивках.

О деятельности дьяков по составлению Чина венчания Дмитрия-внука стало известно лицам, входившим в окружение княжича Василия. Главным среди них был дворянин Владимир Гусев, не раз выполнявший различные дипломатические поручения Ивана III (ездил в Тверь к великому князю Михаилу Борисовичу с сообщением о рождении Дмитрия-внука, сопровождал княжну Елену в Вильно и др.){507}.

Гусев сообщил княжичу Василию и Софье Палеолог о том, что вскоре Дмитрий-внук официально будет объявлен наследником великокняжеского престола. Это, естественно, их возмутило и заставило предпринять ответные меры. Василий по совету своих дворян решил бежать в Вологду, чтобы там захватить казну и начать борьбу с соперником{508}.

Но план княжича не удался, поскольку у Ивана III всюду были соглядатаи. Разгневанный великий князь приказал казнить всех виновных в заговоре дворян. На сына и супругу он только наложил опалу — они были взяты под стражу{509}.

Елена с сыном после этого происшествия существенно упрочили свое положение и стали готовиться к важнейшему событию в их жизни. Молдавская княжна, как известно, в своей мастерской занялась изготовлением пелены, на которой вышила изображения всех членов семьи Ивана III во время празднования Вербного воскресения в 1497 г. Естественно, что себя и Дмитрия она расположила на самом почетном месте рядом с Иваном III, Софью Палеолог с дочерьми — внизу, с левого края. Эта пелена сохранилась до нашего времени, являясь наглядным свидетельством триумфа Дмитрия-внука в 1498 г.{510}.

Торжественный обряд венчания Дмитрия-внука на великое княжение состоялся 4 февраля 1498 г. в Успенском соборе Кремля. В нем участвовали митрополит Симон с 13 представителями высшего духовенства, Иван III и виновник торжества Дмитрий. Предварительно в центре храма на особом помосте установили три стула, покрытые дорогими тканями. На налой положили великокняжеские регалии: шапку Мономаха и бармы (оплечья), закрыв их покрывалом.

Церемония началась с того, что великий князь с внуком вошли в центральные двери собора. Там их встретил митрополит Симон и благословил крестом. После этого дьяконы начали петь им многолетие. Затем начался молебен в честь Пресвятой Богоматери. После него митрополит и Иван III сели на свои стулья и подозвали к себе Дмитрия, стоявшего с княжичами Юрием и Дмитрием.

Обращаясь к митрополиту, великий князь сказал следующее: «Отче митрополите! Божиим велением от наших прародителей великих князей старина наша то и до сех мест: отцы велиые князи сыном своим первым давали княжество великое, и отец мой князь великый мене благословил великим же княжеством, а яз был своего сына перваго Иоанна при себе же благословил княжеством. Божиа пакы воля состалася, сына моего Иоанна не стало, а у него остался первой сын его Дмитрий, и мне его Бог во сына моего место. И яз его ныне благословляю при себе и опосле себя великим княжеством володимерским и московским, и новгороцким, и тферским. И ты бы его, отче, на великое княжество благословил»[511].

Митрополит благословил Дмитрия, произнес ряд молитв и повелел архимандритам принести бармы. Их передали великому князю, и он возложил их на Дмитрия. Потом принесли шапку Мономаха, и Иван III возложил ее на голову внука. В этих регалиях Дмитрий сел рядом с дедом и митрополитом на приготовленный стул.

После молитв и многолетия двум великим князьям все стали поздравлять их. В числе первых были княжичи Юрий и Дмитрий Жилка. В конце церемонии митрополит и Иван III произнесли поучения Дмитрию-внуку, в которых главными словами были: «Имей страх Божий в душе, будь послушен государю, люби правду, милость и суд прав, имей попечение от сердца о всем православном христианстве»[512].

Все завершилось посещением Дмитрием главным кремлевских соборов. Во время выхода из них княжич Юрий осыпал его золотыми и серебряными монетами. После завершения торжества внук отправился сначала к деду, видимо, для выражения благодарности, потом к матери Елене Стефановне. Ей, очевидно, не полагалось присутствовать на венчании в Успенском соборе[513].

В тексте Чина нет данных о том, что на церемонии присутствовали и княжич Василий с Софьей Палеолог. Но отмечено, что Иван III известил своих племянников, удельных князей Ивана и Федора Борисовичей, о том, что благословил на великое княжение Дмитрия-внука. Сообщения об этом событии

были отправлены также в Рязань, Псков, Новгород и в Казань{514}.

После венчания внука на великое княжение Иван III начал активно защищать Стефана Великого от нападок поляков. Весной 1498 г. он направил к нему Федора Аксентьева, который должен был наладить тесные взаимоотношения господаря с крымским ханом Менгли-Гиреем. В итоге хан даже вознамерился заключить договор со Стефаном против польского короля Яна Альбрехта и великого князя Литовского Александра Казимировича{515}.

Исследователи предполагают, что в 1498 г. Иван III уже планировал начать войну со своим зятем Александром Казимировичем, поэтому шел на тесное сближение со Стефаном Великим и Менгли-Гиреем, видя в них реальных союзников{516}.

Получалось, что возвышение Дмитрия произошло не потому, что он был выбран великим князем как наиболее достойный наследник, а потому, что это было выгодно ему при подготовке войны с великим князем Литовским. И внук, и Елена Волошанка были лишь пешками в большой игре Ивана III на международной арене. Их собственные достоинства и поступки, очевидно, никакой роли не играли. Ведь какую-либо самостоятельную роль при великокняжеском дворе они не могли играть. Дмитрию было только 15 лет, а Елена находилась на положении вдовы не взошедшего на престол княжича.

Война с Александром Казимировичем нужна была Ивану III для того, чтобы закрепить за собой земли бежавших к московскому двору литовских князей и привлечь на свою сторону православное население Литвы. Ведь своей целью он ставил объединение всех древнерусских земель под властью Москвы{517}.

В числе своих главных союзников великий князь видел крымского хана Менгли-Гирея и Стефана Великого. Но при этом он пытался наладить дружеские отношения и с турецким султаном Баязидом, у которого в то время были добрососедские отношения и с крымским ханом, и с молдавским господарем. Однако осенью 1498 г. в Москве узнали, что Стефан заключил антиосманский союз с Польшей, предав интересы Русского государства{518}.

Это свидетельствовало о том, что для России в борьбе с Литвой молдавский господарь уже не мог считаться надежным помощником. Поэтому в конце года Иван III, видимо, осознал, что напрасно сделал ставку на внука и наложил опалу на сына и супругу. К тому же из Вильно до него доходили вести о том, что его дочь Елена подвергается гонениям за верность православию, но от своей веры не отступает. Получалось, что либо ее супруг Александр Казимирович нарушал договор о браке, либо этот договор был составлен неудачно и оставлял лазейки для

склонения Елены к католичеству[519].

По приказу Ивана III началось расследование этого вопроса. В ходе его, по мнению некоторых исследователей, была выявлена вина лиц, которые вели переговоры с Александром Казимировичем о его браке с московской княжной. Это князья Патрикеевы и С. Ряполовский. Все они были сурово наказаны[520].

Правда, С.М. Соловьев полагал, что эти князья были противниками Софьи Палеолог и ее сына. Они, по его мнению, поддерживали Дмитрия-внука и Елену Волошанку и за это поплатились[521]. Хотя в источниках никаких данных на этот счет нет, мнение Соловьева поддержали советские исследователи, в частности А.А. Зимин. Он полагал, что Патрикеевы, как и Федор Курицын, входили в группировку Елены Волошанки и ее сына[522].

Это мнение было подвергнуто критике С.Б. Веселовским, который считал, что именно Софья и Василий были «лидерами аристократических кругов, Елена же с Дмитрием — лидерами дворянства»[523]. В итоге в трудах историков ситуация при дворе Ивана III в конце XV в. представлялась как борьба группировок Софьи и Елены за лидерство. За ней великий князь якобы наблюдал со стороны.

На наш взгляд, главным в это время было активное вступление Ивана III в борьбу с Литвой за «киевское наследие». Поэтому к окружавшим лицам он относился только с точки зрения пользы, которую они могли принести ему в данном деле. Всех вольных или невольных противников он сурово наказывал, помощников — награждал и приближал к себе.

Ухудшение отношений великого князя со Стефаном Великим привели к тому, что уже в марте 1499 г. княжич Василий был окончательно прощен. Он не только получил титул великого князя, как Дмитрий, но и в управление Новгород и Псков[524].

Однако это еще не означало окончательного падения Дмитрия-внука и Елены Волошанки. Оба наследника находились в это время почти в одинаковом положении. Иван III продолжал готовиться к войне с Литвой и, видимо, не мог окончательно решить, кто станет для него наиболее надежным помощником.

Весной 1500 г. в Москву прибыл молдавский посол Федор Исаев с поручением от Стефана. Он должен был уговорить великого князя помириться с зятем Александром Казимировичем. Было ясно, что молдавский господарь действовал по просьбе великого князя Литовского и в его интересах. Значит, союзником Ивана III он уже не мог быть[525].

Одновременно от своего посла в Крым И. Мамырева Иван III узнал, что Стефан Великий уговаривал Менгли-Гирея заключить

мир с Александром Казимировичем, объясняя это тем, что «князь великий московский нам издалека, а литовский нам ближний сосед»{526}.

Это уже было настоящее предательство интересов России. При этом оно произошло тогда, когда великий князь решил начать активные военные действия против Литвы в защиту обширных земельных владений князей Семена Можайского и Василия Шемячича, перешедших на его службу{527}.

Думается, что визит молдавского посла и известия от И. Мамырева окончательно решили судьбу Елены Волошанки и ее сына Дмитрия. Великий князь перестал им доверять и начал отдалять от своего двора. Их окружение попало под пристальное внимание лиц, близких к великому князю. Они выяснили, что Елена Стефановна находится в доверительных отношениях с теми представителями духовенства, которых русские иерархи обвиняли в еретических заблуждениях.

Об этой ереси, появившейся сначала в Новгороде, написал в Москву еще в 1487 г. архиепископ Геннадий. Но Иван III не обратил внимания на его информацию, поскольку не счел еретиков опасными для церкви. К тому же, как выяснилось позднее; главными идеологами еретического движения были приглашенные им в Москву два новгородских священника Денис и Алексей. Служа в главных кремлевских соборах, они активно пропагандировали свое учение среди представителей знати. Вскоре к ним примкнули видный дипломат дьяк Ф. Курицын и его брат Иван{528}.

В это же время проповеди Дениса и Алексея, очевидно, нашли отклик и в душе Елены Волошанки, поскольку с детских лет она была приучена уважать Библию Ветхого Завета. Поэтому она также вошла в число главных покровителей еретиков. Но до определенного времени религиозные взгляды невестки, судя по всему, не интересовали Ивана III. Только после ее ареста с Дмитрием в апреле 1502 г. церковным иерархам было поручено заняться обличением еретиков{529}.

Большое влияние на судьбу Елены и Дмитрия, по нашему мнению, оказал отказ Стефана отпустить в Москву русских послов Дмитрия Ралева и Матвея Карачарова, ездивших в Италию за различными мастерами. Они отправились из Москвы еще в марте 1499 г., в Италии наняли пушечников, строителей крепостей, литейщиков, ювелиров и с ними в 1500 г. двинулись через Молдавию в обратный путь. Неожиданно для московских посланцев Стефан Великий задержал их у себя. Видимо, он тоже нуждался в опытных мастерах.

И.Е. Забелин утверждал, что молдавский господарь оставил у

себя четырех наиболее опытных мастеров. Потом он даже потребовал от русского правительства возместить ему затраты на содержание послов, которых сам же насильно удерживал{530}.

В итоге русские послы смогли покинуть Молдавию только в июле 1503 г. После этого им пришлось больше года пробыть еще и в Крыму. В Москве они оказались лишь в ноябре 1504 г.{531}

Это поведение Стефана Иван III расценил как, несомненно, враждебное и разорвал с ним дружеские и родственные отношения. Поэтому ни Дмитрий-внук, ни его мать Елена Волошанка оказались не нужны великому князю. В апреле 1502 г., как уже отмечалось, их постигла опала. Они были взяты под стражу, а духовенству запретили во время церковной службы поминать их в числе великокняжеских родственников{532}.

Официально, видимо, считалось, что Елена и Дмитрий были наказаны за склонность к еретическому учению. Ведь еретиков начали разоблачать перед самым их арестом — в конце декабря 1501 — начале 1502 г. В летописях данные события следуют одно за другим{533}.

Исследователи еретического учения, появившегося в Новгороде и Москве в конце XV в., считали его смесью иудаизма с христианским рационализмом. Последователи его отвергали Троицу, божественную сущность Христа, почитание святых угодников, икон, монашество и т.д. При этом они отличались ученостью и обладали такими богословскими книгами, которых не было у православного духовенства{534}.

Эти качества еретиков, видимо, и привлекли Елену Волошанку, воспитанную в Молдавии в условиях религиозной терпимости. При дворе ее отца служило немало лиц, исповедавших иудаизм. Сторонниками еретического учения, как уже отмечалось, оказались наиболее образованные государевы дьяки Иван и Федор Курицыны, занимавшиеся и международными делами. С ними Елена, вероятно, часто общалась, желая узнать об отце и ситуации в Молдавии. С помощью дьяков она, видимо, разобралась в сути еретического учения и решила, что оно ей более понятно, чем православие. Иосиф Волоцкий утверждал, что сноху Ивана III Елену «в жидовство свел» Иван Максимов, зять протопопа Алексея и сын попа Максима, осужденного на соборе 1490 г.{535}

Некоторые исследователи полагают, что Елена Волошанка сама возглавляла кружок московских еретиков{536}. Однако это маловероятно, поскольку положение женщин при великокняжеском дворе не было таким свободным, чтобы они могли встречаться с посторонними мужчинами без какой-нибудь конкретной надобности. Скорее всего, вдова Ивана Молодого

лишь беседовала с теми представителями духовенства, которые проповедовали еретическое учение.

Стефан Великий, узнав об опале на дочь и внука, стал активно интересоваться их судьбой. Об этом он спрашивал и русских послов в Крым, и крымских посланников. При этом он, видимо, не осознавал, что сам спровоцировал их наказание тем, что предал интересы Ивана III, готовившегося к войне с Литвой, и тем, что надолго задержал его посольство со специалистами из Италии{537}.

Молдавский господарь, очевидно, не знал, что у русского правителя всюду есть свои люди, готовые за плату раскрывать чужие секреты. При этом интересы своей страны Иван III ставил существенно выше личных привязанностей и ради них был готов разорвать даже родственные связи. Это, судя по всему, очень хорошо понимала Софья Палеолог, вербовавшая с помощью родственников и знакомых опытных итальянских мастеров для реализации замыслов мужа.

Можно предположить, что осенью 1502 г. Стефан пытался наладить отношения с великим князем и даже захватил ряд литовских городов на Днестре. Но было уже поздно. Своему посланцу в Крым Ивану Беклемишеву Иван III приказал так объяснять причину опалы на невестку и внука: «Он да и мати его великая княгиня Алена перед государем проступили, не по пригожу учинили; и он государь наш за ту их проступку, у своего внука великое княжество взял». Позднее объяснение стало более определенным: «Внука был своего государь наш пожаловал; и он учал государю нашему грубити; ино ведь жалует всякой того, кой служит и норовит; а которой грубит, того за что жаловать?»{538}

Данные объяснения показывают, что своих родственников великий князь рассматривал в качестве подданных, которые обязаны были ему служить и во всем угождать. Только за это он готов был их жаловать и награждать. Это еще раз говорит о том, что какие-либо теплые родственные чувства для него были несвойственны.

Советские исследователи полагали, что после опалы на Елену и Дмитрия — главных покровителей еретиков — на них начались жестокие гонения. В апреле 1503 г. против них был собран церковный собор, который постановил сурово наказать вероотступников, вплоть до сожжения их учителей. В итоге в декабре 1504 г. в клетке были сожжены Волк Курицын, Митя Коноплев и наставник Елены Волошанки Иван Максимов. На опальную великую княгиню это, видимо, произвело такое отрицательное впечатление, что 18 января 1505 г. она умерла{539}.

Некоторые исследователи считают, что Елена Волошанка оставила определенный след в русской письменности и декоративном искусстве. Так, С.М. Каштанов полагал, что при ее дворе в 1495 г. был составлен летописный свод с тверскими известиями. В него были включены материалы о русско-молдавских отношениях в конце XV в.{540}

«Сказание о князьях Владимирских», по мнению ряда ученых, также относится к числу произведений, созданных в окружении Елены Стефановны и ее сына{541}.

Вполне вероятно, что и славяно-молдавская хроника, дошедшая в составе Воскресенской летописи, была составлена книжниками Елены Волошанки, поскольку у русских летописцев не могло быть данных о молдавских государях. К тому же они не могли быть заинтересованы в том, чтобы выводить родословие молдавских правителей от «старых римлян», как сделано в этом родословии{542}.

Можно предположить, что Елена Стефановна не только привезла из Молдавии книжников, но и какие-то местные сочинения. Они были использованы потом русскими писателями при создании своих трудов. К их числу можно отнести «Повесть о Дракуле» Федора Курицына. Под их влиянием мог написать «Сказание о Магмете салтане» и «Сказание о Петре, воеводе Волосском» известный писатель XVI в. Иван Пересветов{543}.

Замечательным памятником древнерусского шитья исследователи считают пелену Елены Стефановны, на которой была изображена семья Ивана III и его придворные. Ее относят к памятникам светского искусства, которых было очень мало в то время{544}.

О. Подобедова, изучавшая миниатюры Радзивилловской летописи, предположила, что они были созданы в окружении Елены Волошанки и Дмитрия-внука. Поэтому в них мало церковных сюжетов и даже есть изображение женщины-иноземки, схожей по одежде с Софьей Палеолог{545}.

М.А. Алпатов полагал, что некоторые роскошно орнаментированные рукописи конца XV в. были созданы по заказу Елены Стефановны, поскольку в них присутствуют мотивы южнославянского искусства{546}.

Вполне вероятно, что, став вдовой, Елена последовала примеру своей свекрови и начала покровительствовать людям искусства, приезжавшим в Москву из южнославянских стран. Оказавшись под угрозой захвата Турцией, они в массовом порядке покидали свои родные места и пытались обрести в России новую родину. Правда, точных сведений по данному вопросу в источниках нет.

В целом брак Ивана Молодого и Елены Волошанки не принес Ивану III желаемого результата. Стефан Великий не оказал русскому государю существенной помощи в расширении международных контактов с европейскими странами. Более того, лавирование молдавского господаря между Турцией и Литвой осложняло отношения Русского государства с данными странами. Это обстоятельство, видимо, и привело к тому, что из двух наследников великий князь выбрал сына Софьи Палеолог. Ведь супруга оказала ему реальную помощь в привлечении на русскую службу большого числа самых разнообразных иностранных специалистов. Елена же Стефановна в этом отношении оказалась бесполезной, а покровительство ею еретиков даже было вредно, поскольку создавало проблему в отношениях государя с официальной церковью.

Следует отметить, что арест Елены Волошанки и ее сына привел к тому, что отношения между Русским государством и Молдавией прекратились на долгие годы. Они возобновились только в 1529 г. после смерти и Стефана Великого, и его сына Богдана{547}.

Все это свидетельствует о том, что династические браки были важным фактором дипломатии в то время. Заключение их способствовало расширению всевозможных отношений между странами. В то же время какие-либо проблемы, возникающие в таких браках, могли привести и к разрыву дипломатических контактов и даже к вооруженным конфликтам. Этот вывод наглядно подтверждает брак дочери Ивана III Елены с правителем польско-литовского государства Александром Казимировичем.

Глава 4.
КНЯЖНА ЕЛЕНА ИВАНОВНА НА ЛИТОВСКО ПОЛЬСКОМ ПРЕСТОЛЕ

В международной политике Ивана III на первом месте всегда были Литва и Польша. Причина заключалась не только в том, что они были ближайшими соседями России, но и в том, что в их состав входили бывшие земли Древней Руси, которую великий князь считал своим наследственным владением и надеялся вернуть.

Способов для возвращения древнерусского наследия было несколько, но самым простым и легким было заключение династического брака. Новое родство позволяло каждому из супругов и их родственникам претендовать на общие земли. Таким путем, к примеру, целый ряд западных древнерусских княжеств оказался под властью литовских князей в XIII–XIV вв.

Об этом, несомненно, было известно Ивану III, поэтому он считал выгодным для себя породниться с правителями Польши или Литвы, но первым не предпринимал шагов в этом направлении.

С 1458 г. польский король Казимир занимал сразу два престола, поэтому оба государства, Польша и Литва, были объединены под его рукой. Но в июне 1492 г. он скончался, и литовские паны поспешили избрать на свой престол королевича Александра Казимировича. Его брат Альбрехт стал польским королем.

Разделение единого государства на две части привело к его ослаблению. Иван III тут же воспользовался этой ситуацией и начал присоединять к своим владениям спорные порубежные земли. К тому же к нему на службу «со своими отчинами» перешли несколько князей Рюриковичей: С.Ф. Воротынский, М.Р. Мезецкий, А.В. и В.В. Белевские и А.Ю. Вяземский. Все они были взяты ко двору, а для защиты их земель на территорию Литвы были посланы войска{548}.

В этой сложной ситуации в окружении Александра Казимировича возник проект заключения брака с одной из дочерей Ивана III. Это должно было, по мысли литовской стороны, улучшить отношения между соседними странами и остановить агрессивные устремления русского государя.

В итоге после непродолжительных переговоров женой великого князя Литовского стала старшая дочь Ивана III Елена.

История ее замужества в итоге оказала очень существенное влияние на взаимоотношения России с Литвой и Польшей в начале XVI в. Рассмотрим данный вопрос подробнее.

ИСТОЧНИКИ

Сохранилось достаточно много источников, касающихся обстоятельств заключения брака между московской княжной Еленой Ивановной и великим князем Литовским Александром Казимировичем. Это и записи предварительных переговоров между литовской и русской сторонами, и описание поездки княжны в Вильно, и рассказ о ее свадьбе, и переписка Елены с родителями, и дипломатические документы, касающиеся данного брака, и жалованные грамоты самой Елены Ивановны разным лицам. Все эти документы опубликованы в разных изданиях{549}.

В русских летописях также сохранились сведения о Елене Ивановне. Они есть в Московском своде конца XV в., сокращенных сводах конца XV в., Типографской, Ермолинской, Софийской I, Симеоновской, Воскресенской, Львовской и ряде других летописей. Они касаются в первую очередь даты ее рождения и обстоятельств замужества. Правда, в некоторых памятниках сообщено о появлении на свет в разное время трех княжон с именем Елена. В итоге у исследователей возник спор по поводу того, какая из этих дочерей Ивана III стала женой великого князя Литозского. Большинство ученых, без каких-либо пояснений, высказало мнение, что ею стала вторая княжна.

Имя Елены Ивановны упомянуто и в «Записках о Московии» австрийского дипломата Сигизмунда Герберштейна. Он считал, что промедление литовской стороны с выполнением условий брачного договора (строительство церкви на великокняжеском дворе в Вильно и выделение в свиту Елены женщин православной веры) привело к тому, что Иван III начал войну с Александром Казимировичем{550}.

Наличие значительного числа источников о жизни и деятельности Елены Ивановны вызвало интерес к ее личности целого ряда историков, начиная с Н.М. Карамзина и С.М. Соловьева и заканчивая современными исследователями внешней политики Русского государства рубежа XV–XVI вв.

Так, Н.М. Карамзин обстоятельно рассмотрел вопрос о том, что брак с дочерью Ивана III в первую очередь был выгоден Александру Казимировичу, поскольку с его помощью он надеялся остановить захват великим князем литовских территорий и

заключить с ним мир[551].

Историк обратил внимание на сложность положения княжны Елены в Литве, поскольку ей приходилось лавировать между мужем и отцом, каждый из которых имел противоположные цели. Но, по его мнению, она с честью находила выход: «Юная великая княжна, одаренная здравым смыслом и нежным сердцем, вела себя с удивительным благоразумием и, сохраняя долг покорной дочери, не изменяла мужу, ни государственным выгодам ее нового отечества; никогда не жаловалась родителю на свои домашние неудовольствия и старалась утвердить его в союзе с Александром»[552].

Много внимания Елене Ивановне уделено и в труде С.М. Соловьева. Вслед за Карамзиным он подробно описал переговоры о сватовстве Александра к дочери Ивана III и подчеркнул, что его невестой стала старшая княжна Елена[553].

Историк указал, что после заключения брака между Еленой и Александром вопрос о положении русской княжны при дворе мужа и ее вероисповедании был одним из главных во время переговоров литовских и русских дипломатов. В итоге несоблюдение Александром предварительных договоренностей стало поводом для начала военных действий между двумя странами[554].

Соловьев уделил много внимания переписке Елены Ивановны с отцом и матерью и некоторые из этих писем привел полностью[555]. Поэтому в этой части его труд можно считать своеобразным источником.

Достаточно подробно историк рассмотрел вопрос о положении Елены в польско-литовском государстве после смерти мужа в августе 1506 г. По его мнению, арест ее в 1512 г. стал поводом для русско-литовской войны за Смоленск[556].

Два исследователя XIX в., Е. Церетели и М. Бережков, даже составили биографические очерки Елены Ивановны, используя для этого известные документы. Никаких новых выводов по сравнению с трудами Карамзина и Соловьева они, правда, не сделали[557].

Советский историк К.В. Базилевич вновь исследовал все дипломатические документы, касающиеся брака Елены Ивановны и Александра Казимировича. В них он обнаружил много новых моментов, которые подробно осветил в своем труде о внешней политике[558].

А.А. Зимин считал, что, хотя инициатива переговоров о сватовстве к Елене Ивановне принадлежала Александру Казимировичу, Иван III также был заинтересован в том, чтобы породниться с ним. Это давало ему шанс закрепить за собой

приобретенные литовские земли и даже претендовать на наследование всего Великого княжества Литовского[559].

Зимин полагал, что Елена Ивановна, по замыслу Ивана III, должна была стать центром притяжения всей массы православного русского, украинского и белорусского населения. Александр же намеривался склонить ее в католичество и извлечь из брака выгоды для своей страны. Противоположность их интересов создала потом для Елены Ивановны большие сложности[560].

Исследователь был уверен в том, что опала князей Патрикеевых и казнь С. Ряполовского были связаны с их неудачными переговорами по поводу замужества Елены[561].

В отличие от других исследователей А.А. Зимин сомневался в том, что письма, привезенные в Москву польско-литовскими послами в марте 1503 г., были написаны самой Еленой Ивановной[562]. Он не исследовал вопрос о количестве и очередности появления на свет дочерей Софьи Палеолог, но считал, что Елена была старшей дочерью. По его мнению, она появилась на свет в 1476 г., ее сестра Евдокия — в 1483 г., вторая Елена в 1484 г. и еще одна сестра Феодосия — в 1485 г. Сведения о первой Елене, родившейся в 1474 г., и первой Феодосии, родившейся в 1475 г., он почему-то проигнорировал[563].

Ю.Г. Алексеев затронул вопрос о судьбе Елены Ивановны достаточно бегло. Он считал, что на ее брак и в Литве, и в России возлагали большие надежды. В Вильно думали, что после его заключения Иван III прекратит требовать возвращения древнерусских земель. В Москве же надеялись получать через княжну нужную информацию и оказывать влияние на великого князя Литовского. По мнению Ивана III, православная великая княгиня могла стать знаменем православия при литовском католическом дворе[564].

В итоге Алексеев сделал вывод, что в далеком чужом Вильно красавица княжна «оказалась между молотом и наковальней, разрываясь между политическими интересами мужа и отца. Пережив на несколько лет их обоих, оторванная от родины и не прижившись на чужбине, она умерла полуузницей в одном из литовских замков»[565].

Таким образом, обзор источников и литературы показывает, что брак княжны Елены Ивановны с великим литовским князем Александром рассматривался и современниками, и историками как важное событие в жизни двух соседних государств. Но личность самой княжны исследователи оценивали по-разному. Так, Н.М. Карамзин считал ее умной, честной и благоразумной дочерью и женой, стремящейся сглаживать противоречия между

отцом и мужем. Напротив, А.А. Зимин и Ю.Г. Алексеев видели в ней только пассивную жертву политической борьбы, развернувшейся между Александром Казимировичем и Иваном III. Попробуем разобраться в этом вопросе, привлекая не только дипломатические документы, но и актовый материал.

БИОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

В источниках и исторической литературе нет однозначной информации о том, какая княжна Елена Ивановна стала женой великого князя Литовского. Но большая часть исследователей убеждена в том, что она была старшей дочерью Ивана III, поскольку правителю соседней страны полагалось жениться на старшей княжне. Такой брак считался наиболее престижным.

Младшие дочери считались менее завидными невестами. Им к тому же полагалось меньшее приданое.

В летописях, как отмечалось, есть данные о трех Еленах. Из них старшей была та, что родилась 18 апреля 1474 г.{566}

Именно она, по нашему мнению, стала женой Александра Казимировича. На момент сватовства ей было 20 лет, и по русским обычаям она уже считалась «засидевшейся в девках невестой». Но по европейским меркам ее возраст был подходящим для брака, поскольку ее жениху было уже 33 года. К тому же она наверняка отличалась особой красотой. Высокая и стройная — в отца, с белоснежной кожей и огромными карими глазами — в мать.

Видимо, поэтому родители не спешили выдать Елену замуж «за первого встречного» и надеялись, что выгодный жених появится сам. Так это и произошло.

Из дипломатических документов становится известно, что еще в июле 1492 г. пан Троцкий и воевода Полоцкий Ян Заберезинский консультировались по вопросу сватовства Александра Казимировича к дочери Ивана III с новгородским наместником Яковом Захарьиным. Тот тут же отправился в Москву и сообщил о желании великого князя Литовского Александра посвататься к московской княжне. Великий князь велел Якову продолжить переговоры о браке, но делать это тайно{567}.

Ян Заберезинский не ограничился перепиской с Яковом Захарьиным. По поводу сватовства в сентябре он написал и своему старому знакомому князю И.Ю. Патрикееву. Вслед за его письмом в ноябре в Москву прибыло литовское посольство, целью

которого было не только известить московского государя о смерти короля Казимира и избрании на литовский престол его сына Александра, но и начать переговоры о сватовстве к его дочери.

Ивана III предложение литовских послов заинтересовало, но сначала он хотел заключить с Литвой договор о «любви и единачестве», чтобы решить все порубежные споры{568}. На этом переговоры прервались на целый год, поскольку укрепившийся на литовском престоле Александр стал искать союзников для борьбы с Иваном III. Он понял, что переговоры о браке могут затянуться и это не остановит дальнейший захват литовских территорий русскими войсками.

Заинтересованность в установлении родственных связей с великим князем Московским проявил и мазовецкии князь Конрад III. В мае 1493 г. в Москву прибыл его посол Ян Подося и прямо заявил, что его князь хочет жениться на дочери Ивана III. Будущей жене он готов выделить несколько городов на содержание и хочет заключить договор с великим князем против «Казимировых детей». Это предложение, видимо, также заинтересовало московского правителя, но сведений о том, чем закончились переговоры с Конрадом, нет{569}.

Получалось, что приблизительно в одно время к дочерям Ивана III стали свататься два европейских государя, посчитавшие их подходящими невестами для себя.

Вполне вероятно, что о посольстве Конрада III в Москву стало известно и в Вильно. Поэтому Александр Казимирович вновь отправил в конце 1493 г. к Ивану III своих посланцев. В январе 1494 г. они начали переговоры о заключении мирного договора с Россией. Когда все статьи его были согласованы, послы подняли вопрос о сватовстве. На этот раз великий князь тут же дал согласие на брак дочери при условии, что она сохранит православное вероисповедание. Послы обещали, что их господарь не будет ни в чем неволить супругу. После этого их познакомили с княжной Еленой, которая показалась им очень красивой и благонравной{570}.

Успешные переговоры скрепили обрядом обручения, состоявшимся 6 февраля 1494 г. В дипломатических источниках сохранилось его описание: «И князь велики, сед с великою княгинею, и княжна тут же, да и боаре, и послали по них (послов), да и обрученье тут было. Молитву священники тут молвили, кресты с чепми и перьстни меняли. И великого князя Александра место обручал пан Станислав Янович, староста жемоитьский». Второй посол не мог участвовать в обручении, поскольку был женат{571}.

Характерно, что, давая согласие стать мужем и женой, ни жених, ни невеста даже не были знакомы друг с другом. Все решали их родственники и лица из ближнего окружения. Ведь данный брак носил чисто политический характер. С его помощью великий князь Литовский хотел остановить дальнейшее продвижение русских войск в глубь его территорий. Иван III надеялся с помощью дочери завоевать симпатии православного населения Литвы и склонить его на свою сторону. К тому же он мог считать, что родившийся в этом браке наследник будет верным союзником Русского государства. В будущем же это позволяло русским государям претендовать на всю территорию Великого княжества Литовского как родственникам великих князей Литовских.

Имея такие перспективы, Иван III особенно настаивал на том, чтобы его дочь ни при каких обстоятельствах, даже по собственной воле, не меняла своего вероисповедания. Это превращало Елену в заложницу честолюбивых устремлений отца.

Все исследователи именно так характеризуют брак Александра и Елены, и с этим мнением следует согласиться.

После предварительных переговоров об условиях женитьбы великого князя Александра на княжне Елене в Москву 6 января 1495 г. вновь прибыло представительное литовское посольство. В его состав входили виленский поп Александр Юрьевич, дипломат Ян Заберезинский с сыном Станиславом, наместник бряцлавский Юрий Зиновьевич и другие лица{572}.

Послы с почетом были приняты великим князем. Во время официального приема он попросил передать будущему зятю, что намерен твердо соблюдать условия договора с литовской стороной и просит Александра также следовать им: «Скажите от нас брату и зятю нашему, великому князю Александру: на чем он нам молвил и лист свой дал, на том бы и стоял, чтоб нашей дочери никаким образом к римскому закону не нудил. Если б даже наша дочь и захотела сама приступити к римскому закону, то мы ей на то воли не даем, и князь бы великий Александр на то ей воли не давал же, чтоб между нами про то любовь и прочная дружба не порушилась»{573}.

После переговоров в честь послов был устроен пир, на котором произносились тосты за молодых и родителей невесты. В конце его литовские послы получили от Ивана III и Софьи Фоминичны богатые дары.

Княжну Елену Ивановну полагалось проводить в Литву с большим почетом. В ее свиту включили несколько бояр и князей с женами: князя С.И. Ряполовского, боярина М.Я. Русалку-Морозова, П. Зиновьева, дворецкого Д.С. Пешкова, дьяка и

казначея В. Кулешина, а также окольничих, стольников, ясельничих и «детей боярских». Всего ее свита достигла 80 человек. Всем был дан наказ, как вести себя в дороге и при встрече с женихом. Главное наставление состояло в том, чтобы невеста своим поведением не уронила великокняжеское достоинство и честь Русского государства.

В первую очередь ей следовало блюсти свою веру. Так, она должна была посещать православные храмы во всех городах, которые проезжала. Если по дороге представители литовской знати приглашали ее на обед, то там должны были присутствовать только женщины. При встрече с женихом Александром ей следовало надеть парадное платье и выйти из экипажа. Если он предложит ей свою руку, то и ей надлежало подать ему свою. В его экипаж невесте запрещалось пересаживаться, если там не будет матери жениха. В католические храмы и монастыри ей не следовало заходить, но можно было их осмотреть. В костел для молитвы не полагалось ходить даже по приглашению свекрови{574}.

Великий князь настаивал на том, чтобы во время венчания Елена была в русском платье, церемония должна была проходить в православном храме и осуществляться митрополитом или епископом. Но если подходящего храма не будет и не будет митрополита, то венчание в католическом храме по православному обряду должен был производить поп Фома, входивший в свиту княжны{575}.

В наказе сопровождающим Елены указывалось, что все требования к литовской стороне можно было уменьшать, но главным оставалось то, что обряд венчания не должен быть только католическим. Участие в нем православного священника было обязательным.

Выезд из Москвы был назначен на 13 января 1494 г. До Дорогомилова Елену проводил брат Василий. Там была устроена двухдневная остановка. Это было необходимо для того, чтобы Иван III и Софья окончательно попрощались с дочерью. К тому же следовало проверить, все ли необходимое взято в дорогу.

В летописях подробно указывалось, что родители Елены прибыли на следующий день, 14 января, отобедали вместе с путешественниками и дали последние наставления дочери. После этого она продолжила свой путь в Вильно{576}.

По дороге бояре попытались узнать у посланцев Александра, в каком храме будет венчание молодых: православном или католическом. Этот вопрос выяснился только недалеко от столицы Литвы. Для свадебной церемонии был предназначен только католический костел. С этим пришлось смириться.

По дороге жители разных городов с радушием приветствовали Елену Ивановну. В Дуброве ее встретили вяземские князья и преподнесли богатые дары: 7 камок бурских (отрезы шелковых тканей), 15 золотых и 300 грошей{577}.

За пять верст от Смоленска путешественников встретил наместник города. Вместе с ним был православный священник, который преподнес Елене икону в дорогом окладе и другие дары. В самом городе московскую невесту навестили местные женщины: жена Юрия Глебова с падчерицей и жена Ивана Кошкина{578}.

На подъезде к Вильно кортеж с Еленой встретили посланцы Александра: маршалок Станислав Стромилов, князья Константин Острожский и Иван и Василий Глинские в сопровождении 60 человек. Они предложили невесте пересесть в экипаж, присланный женихом. Это была повозка, обитая внутри бархатом и покрытая снаружи парчой. В нее было запряжено восемь серых жеребцов с красивой позолоченной сбруей. Но Елена отказалась в нее пересесть, поскольку, как утверждал ее отец, это означало умаление родовой чести.

За три версты до литовской столицы Александр Казимирович сам встретил невесту верхом на коне. Это свидетельствовало о том, что он оказывал ей особый почет. Известно, что в Русском государстве женихи не встречали будущих жен за городом. Они приветствовали их уже в Кремле.

Но и в этом случае бояре показали, что не слишком ценят местное гостеприимство. Когда слуги Александра расстелили у экипажа Елены цветное сукно, бояре Елены набросили на него сверху шелковую ткань. По ней невеста дошла до жениха вместе с боярынями. Александр подал всем руку и предложил отправиться вместе в город. Елена осталась в своей повозке, но Александр ехал рядом на прекрасном жеребце. Так состоялся торжественный въезд русской княжны в литовскую столицу{579}.

Венчание было назначено на этот же день. Готовясь к нему, Елена Ивановна твердо следовала указаниям отца. Она надела свой лучший наряд, боярыни из ее окружения расплели ей косу, надели на голову кику, считавшуюся головным убором замужней женщину, и закрыли покрывалом. В таком виде она отправилась в ближайшую православную церковь и отслужила обедню. Затем во главе окружавших ее лиц она отправилась в костел. С ней шел поп Фома с крестом. Вышедший навстречу католический епископ не решился благословить Елену. В костеле ее уже ждал Александр со своим окружением.

Церемонию венчания стали осуществлять по католическому обряду, но во время ее поп Фома старался громко произносить православные молитвы, а одна из боярынь держала над головой

Елены венец, как того требовал православный обряд{580}.

В итоге получилось, что обряд венчания не был ни чисто католическим, ни православным. В нем оказались элементы обеих церемоний.

В первое время после бракосочетания русское окружение Елены было довольно многочисленным. На этом настаивал Иван III, утверждая, что его дочь должна постепенно привыкать к новой обстановке. Но Александр сразу же захотел, чтобы у его жены была свита из местной знати. Поэтому после свадебных торжеств князь С. Ряполовский и боярин М. Русалка были отправлены на родину. За ними были высланы и остальные лица из свиты Елены. При ней остались только священник с помощниками и повар. Но и их Александр пытался отправить на родину. Он надеялся, что католическое окружение, состоящее из местных знатных женщин и слуг, вынудит его супругу отказаться от православной веры. По этой причине в ее свиту включили пани Анну Мартынову и пани Анну Богданову. К тому же для нее не построили православную церковь на великокняжеском дворе, вынуждая ходить в городской храм{581}.

В итоге новой великой княгине Литовской пришлось надеть европейский наряд и распроститься с русскими слугами. Ее стали окружить представители литовской знати, исповедующие католичество. Так, Александр пытался вынудить супругу отказаться от веры предков. Но Елена оказалась слишком послушной дочерью. При любой возможности она старалась отправить на родину письмо с жалобами на притеснения супруга. В итоге между Иваном III и Александром Казимировичем разгорелась целая дискуссия по поводу строительства для Елены православного храма на великокняжеском дворе и русских слуг в ее окружении{582}. Это очень обостряло отношения между двумя государями.

Понимая сложность положения дочери в литовской столице, Иван III стал посылать в Литву свои посольства как можно чаще. Послам он наказывал передавать дочери не только обычные письма от него самого и Софьи Фоминичны, но и тайные устные речи. Так русский государь пытался через дочь воздействовать на зятя и выведывать его планы на будущее. Например, узнав, что Александр хочет отдать Киев младшему брату Сигизмунду, он посоветовал Елене отговорить мужа от этого решения, ссылаясь на недавнюю историю в Русского государстве при его отце. По мнению Ивана III, несколько правителей в одной стране всегда будут ссориться друг с другом и этим ее ослаблять. К тому же передача своих территорий другому лицу никаких выгод Александру не принесет. Елена, судя по всему, последовала

совету отца и отговорила мужа от передачи киевских земель брату[583].

К.В. Базилевич, исследовавший политические цели брака Елены Ивановны с великим князем Литовским, сделал вывод о том, что с его помощью Иван III намеревался окончательно закрепить за собой литовские территории перешедших к нему на службу князей. Государь, по мнению исследователя, также хотел создать условия для того, чтобы православное население Литвы и в дальнейшем испытывало симпатии к Русскому государству и стремилось стать его подданными. Воплощению его планов в жизнь должна была способствовать дочь, ставшая женой великого князя Литовского. О том, как все это могло отразиться на взаимоотношениях молодых супругов, он не думал. Получалось, что семейное счастье княжны Елены было принесено в жертву государственным интересам ее отца[584].

Этот вывод исследователя абсолютно справедлив. Ведь бесконечные ссоры Ивана III с Александром по поводу положения Елены в Литве привели к окончательному разрыву мирных и дружественных отношений между ними. В 1500 г., как известно, начались военные столкновения между двумя странами.

Серьезный конфликт зрел постепенно. В ноябре 1496 г. Александр прямо заявил тестю, что добрых отношений между ними не будет до тех пор, пока тот не вернет ему захваченные ранее литовские города[585].

В 1497 г. Иван III отправил в Вильно Микулу Ангелова с письмами к дочери от себя и от Софьи, в которых содержались вопросы об ее положении при литовском дворе. Московский государь опасался, что зять не соблюдает условий брачного договора и притесняет Елену. Софью же интересовал только вопрос о беременности дочери, поскольку той уже пора было родить мужу наследника[586].

По мнению Базилевича, греческая царевна, воспитанная католиками, вообще была равнодушна к вопросам борьбы церквей. Но этот ее промах не остался без внимания Ивана III. Он, несомненно, указал супруге на него. Поэтому в письме Софьи в Литву от 1499 г. уже писалось о том, что Елена должна твердо хранить свою православную веру и ни при каких условиях не преступать ее заповеди[587].

Можно предположить, что Софья Фоминична искренне желала дочери семейного счастья, поэтому не считала, что та должна постоянно конфликтовать с мужем по вопросам веры. Ведь сама она когда-то сразу забыла свое католическое воспитание и стала исповедовать православную веру в угоду супругу. Так, по ее мнению, вероятно, должна была поступить и

княжна Елена. Но Иван III был категорически против подобного подхода к судьбе дочери. Поэтому спор с женой по данному вопросу мог быть одной из причин конфликта в великокняжеской семье в конце 1497 г. Итогом его, как известно, стало венчание Дмитрия-внука на великое княжение{588}.

В ноябре 1497 г., посылая письмо к дочери Елене, Иван III даже не упомянул имени ее супруга и не спросил о его здоровье, что было традиционным проявлением вежливости. Он лишь грозно требовал от дочери выполнения его указания: «Я тебе приказывал, чтоб просила мужа о церкви, о панах и паньях греческого закона, и ты просила ли его об этом? Приказывал я к тебе о попе да о боярыне старой, и ты мне отвечала ни то ни се. Тамошних панов и паней греческого закона тебе не дают, а наших у тебя нет: хорошо ли это?»

На это Елена была вынуждена отвечать русскому послу Микуле Ангелову, что о церкви она многократно просила мужа, но тот отказался ее строить под предлогом запрета со стороны римского папы. Относительно представителя православного духовенства княжна написала, что «поп Фома не по мне, а другой поп со мной есть из Вильны, очень хороший. А боярыню как ко мне прислать, как ее держать, как ей с здешними сидеть? Ведь мне не дал князь великий еще ничего, чем кого жаловать; двух-трех пожаловал, а иных я сама жалую. Если бы батюшка хотел, то тогда же боярыню со мной послал; а попов мне кого звать? Сам знаешь, что я на Москве не видала никого. А что батюшка приказывает, будто я наказ его забываю, так бы он себе и на сердце не держал, что мне наказ его забыть: когда меня в животе не будет, тогда отцов наказ забуду. А князь великий меня жалует, о чем ему бью челом, и он жалует, о ком помяну. А вот которая у меня посажена панья, и теперь она уже тишает»{589}.

Ответ Елены Ивановны свидетельствует о том, что разница с мужем в вероисповедании создавала для нее много проблем. Из-за этого возникали ссоры с Александром, у нее не было окружения из знатных литовских женщин и лиц, которым она могла бы доверять. В чужой стране она оказалось одинокой и постоянно чувствовала к себе со всех сторон враждебное отношение.

Софья Фоминична, видимо, понимала состояние дочери, оказавшейся между двух огней со стороны отца и супруга.

Поэтому своими письмами старалась сгладить напряженную ситуацию. Она спрашивала о здоровье не только самой Елены, но и Александра Казимировича, «как вас Бог милует». Не требовала ответа на острые вопросы о вере. Но ее нейтральная позиция, видимо, не понравилась Ивану III. В конце 1497 г., как известно,

между супругами произошел конфликт. После примирения в 1499 г. письма великой княгини к дочери уже полностью повторяли тексты посланий самого Ивана III. По мнению исследователя, это свидетельствовало о том, что переписка Софьи оказалась под контролем великого князя{590}.

Но Софья Фоминична, видимо, не захотела смириться с тем, что дочь оказалась в Литве в тяжелом положении. Она стала искать виновников сложившейся ситуации и вскоре их нашла.

Изучая «изменное дело» князей Патрикеевых и С. Ряполовского, К.В. Базилевич сделал вывод о том, что причина их опалы была напрямую связана с их участием в переговорах с литовцами об условиях брака княжны Елены и Александра Казимировича. Вероятно, они упустили какие-то важные детали при заключении договора, которые позволили потом великому князю Литовскому активно принуждать супругу к принятию католичества. По мнению исследователя, виновными в тяжелом положении Елены в Литве были признаны также Василий Ромодановский с Михаилом Русалкой, которые сопровождали Елену в Вильно и потом неоднократно ездили к ней послами. Все они были сурово наказаны{591}.

К.В. Базилевич предположил, что примирение Ивана III с супругой и ее старшим сыном в 1499 г. было сделано не по каким-то внутрисемейным причинам, а для того, чтобы продемонстрировать Александру Казимировичу, что в его семье нет никаких конфликтов. «Наречение Василия Ивановича великим князем при одновременном существовании другого великого князя Дмитрия, а также предоставление ему в “великое княжение” пограничных с Литвой Новгорода и Пскова должно было иметь больше внешнеполитическое, нежели внутреннее значение», — утверждал исследователь{592}. С этим мнение следует согласиться.

В 1499 г. отношения между Русским государством и Литвой очень обострились. Причиной было стремление Александра Казимировича истребить православную веру на территории своей страны. Об этом стало известно в Москве из тайного письма подьячего Федора Шестакова, находившегося при Елене Ивановне, князю Б.М. Туренину-Оболенскому. Оно было доставлено в Москву 30 мая 1499 г. Подьячий писал, что с помощью смоленского владыки Иосифа Александр принуждал супругу перейти в католичество. Та отвечала, что «без воли осподаря отца своего не может то учинить»{593}.

Аналогичные сведения сообщил в конце 1499 г. и князь С.И. Вельский, не желавший переходить по воле великого князя Литовского в католичество. Намериваясь сохранить свою

православную веру, он попросился на службу в Москву[594].

В начале 1500 г. примеру Вельского последовали князья С.И. Можайский и В.И. Шемячич, потомки противников Василия II во время длительного междоусобия середины XV в.[595]

Чтобы способствовать успеху распространения католичества в Литве, Александр Казимирович в мае 1500 г. утвердил в качестве киевского митрополита униата Иосифа, бывшего смоленского епископа. Новый иерарх тут же официально обратился к римскому папе, чтобы тот принял «под свою руку» литовскую православную церковь[596].

Этот вопрос стал активно обсуждать в римских католических кругах и коснулся самого Александра Казимировича. Он тут же поднял проблему, связанную с нежеланием его супруги менять веру, поскольку так ей велел отец и об этом с ним был подписан договор. На это папа ответил, что он снимает с великого князя Литовского все обязательства по отношению к Ивану III. Елену же следует убеждать принять католичество всеми возможными средствами, вплоть до разлучения ее с мужем, удаления ее из его дома и конфискации всего ее имущества. «С ней будет поступлено по правилам церковного суда, и что она будет наказана в соответствии с проявленным упорством в заблуждениях»[597].

Этот совет папы Александр Казимирович побоялся воплотить в жизнь. Поэтому Елена, не желая быть проклятой отцом и матерью, продолжала оставаться православной верующей. К тому же в Риме стало известно, что Иван III достаточно стар и болен, поэтому после его смерти у Александра Казимировича появлялся шанс занять московский престол. В итоге в 1505 г. папа Юлий II официально разрешил польскому королю жить с иноверкой, т.е. с Еленой[598].

Тем временем Иван III усиленно готовился к войне с Литвой. Узнав о том, что его дочь настойчиво уговаривают принять католичество, он отправил в Литву посла И. Мамонова. Тот должен был передать дочери письма от отца и матери и разузнать об обстановке в Литве: с какими странами у нее хорошие отношения, а с какими — состояние войны. Великий князь понимал, что столкновения с зятем неизбежны, и искал союзников для борьбы с ним.

Елена Ивановна, прочитав суровые послания от отца и матери, в которых они грозились проклясть ее за измену вере, тут же заболела. Об этом уже 6 июня сообщил прибывший в Москву литовский посланник. Но болезнь дочери почему-то не сразу обеспокоила Ивана III. Только через несколько дней он отправил в Литву своего посланника А. Кутузова с традиционными наставлениями к Елене о верности своей вере. При этом он даже

просил напомнить дочери, что если она предаст православие, то будет проклята родителями.

Столь суровое наставление отца для больной Елены Ивановны, видимо, стало настоящим ударом. На несколько лет она прекратила с ним переписку{599}.

По мнению Базилевича, страдания Елены Ивановны не прошли даром. Ее мужественное отстаивание своей веры явилось примером для русского населения Литвы. Оно отказывалось принимать насаждаемое властями католичество и в массовом порядке переходило на сторону Ивана III. Получалось, что брак московской княжны с Александром Казимировичем все же принес России ожидаемые плоды. Правда, собственная семейная жизнь Елены Ивановны оказалась окончательно загубленной{600}.

Религиозный вопрос серьезно осложнял отношения между Литвой и Русским государством. Для разрешения назревших проблем в конце 1499 г. в Москву прибыло посольство от Александра Казимировича. Но по вопросу о положении Елены Ивановны оно хранило молчание. Ивану III было лишь предложено войти в антитурецкий союз для помощи своему родственнику Стефану Великому. На это великий князь ответил, что для этого нужна просьба самого молдавского господаря. Кроме того, обсуждался вопрос о заключении мирного договора между Александром Казимировичем и Менгли-Гиреем{601}.

В декабре 1499 г. в Вильно отправился русский посол И. Мамырев. Он вез новые письма Елене Ивановне, в которых родители ругали ее за молчание: «Ино гораздо ли, дочка, так делаешь? Где было тебе и без нашие посылки к нам послати, да то нам сказати, ино мы тебя пытаем, а ты от нас таишь и на того не скажешь, гораздо ли так делаешь?»{602}

Но ответ в Москве снова не получили. На несколько лет Елена Ивановна замолчала. Видимо, из-за ухудшения здоровья, вызванного нервным напряжением, она уже не могла разрываться между мужем и отцом.

Весной 1500 г. переговоры между Литвой и Россией закончилось из-за их бесперспективности. Иван III понял, что отвоевывать киевское наследие ему следует только с оружием в руках. Переход на его сторону князей Семена Можайского и Василия Шемячича в апреле этого же года ускорил начало военных действий. Официально они объяснялись тем, что великий князь Литовский нарушает договор с Россией, «великую княгиню Елену и князей панов русских нудит к римскому закону, а государь за христьянство хочет стоять»{603}.

В итоге 3 мая войско под началом боярина Якова Захаровича Кошкина вторглось на литовскую территорию. Достаточно быстро

ему удалось захватить Брянск, Путивль, Мценск, Серпейск, Гомель, Стародуб, Новгород-Северский, Любеч, Рыльск. В это же время на сторону Ивана III перешли князья Трубецкие и Мосальские с городами и волостями.

В ответ из Смоленска было послано литовское войско под началом князя К. Острожского. Но у реки Ведроши оно было разбито, а князь попал в плен. В результате боевых действий в руках русских полководцев оказалась вся Северная Украина{604}.

Военный успех Ивана III вызвал панику у Александра Казимировича. В создавшейся трудной ситуации он стал искать помощь у союзников, сначала у Менгли-Гирея, потом — у «Ахматовых сыновей». На свою сторону он еще раньше попытался привлечь Стефана Великого, жалуясь на захват московским государем его замков. По его просьбе летом 1500 г. молдавский господарь отправил в Москву своего посланца, но тот вернулся без какого-либо результата. Иван III, правда, послал с ним своего человека дьяка Никиту. Возможно, он хотел начать переговоры со свояком о союзе против Литвы{605}.

Тем временем в Крыму русский посол И. Мамырев выяснил, что Стефан действует не столько в интересах Москвы, сколько Вильно. Он, как уже отмечалось, даже уговаривал Менгли-Гирея заключить мир с Александром Казимировичем, объясняя это тем, что «князь великий московский нам издалека, а литовский к нам ближний сосед»{606}.

Слова молдавского господаря Иван III расценил как откровенное предательство его интересов. С этого времени он перестал считать Стефана своим другом и родственником. Это отразилось самым печальным образом на судьбе Елены Волошанки и ее сына Дмитрия — они были взяты под стражу.

Во время русско-литовской войны 1500–1503 гг. Стефан не захотел стать союзником Ивана III и продолжал поддерживать мирные отношения с Полыней и Литвой. Он надеялся на их помощь в его собственной борьбе с Турцией. В этом смысле русский государь был ему бесполезен. Охлаждению отношений между Молдавией и Россией способствовало и то, что Стефан задержал у себя посольство Ивана III в Италию во главе с Д. Ралевым и М. Карачаровым, которые везли с собой много различных мастеров. Чтобы вернуть своих посланников, великий князь был вынужден обращаться за помощью даже к крымскому хану{607}.

Не отпуская русских послов, Стефан, возможно, хотел таким образом наказать Ивана III за то, что тот отнял великое княжение у его внука Дмитрия и передал сыну Василию. Но этим, как подчеркнуто выше, он только усугублял положение дочери и

внука.

В 1501 г. произошли два события, изменившие положение Александра Казимировича. Во-первых, ему удалось заключить договор с Ливонским орденом о совместных действиях против России, во-вторых, 17 июля умер его старший брат — польский король Ян Альбрехт. В Польше сразу же возник план избрания на престол великого князя Литовского. В конце лета уния между Польшей и Литвой была подписана, и Александр стал еще и польским королем.

В источниках нет сведений о том, как отнеслась Елена Ивановна к своему новому статусу. Ведь вместе с мужем она тоже получила новый титул и стала польской королевой.

Усиление противника не помешало русским воеводам совершать новые успешные походы и в Ливонию, и в Литву. Но все же Иван III, очевидно, осознал, что с зятем следует помириться, поскольку новые территориальные приобретения требовали дополнительных войск, а их уже не было.

Переговоры о мире начались в начале 1503 г. В это время Иван III и Софья Фоминична наконец-то получили долгожданные письма от дочери в статусе польской королевы. Она просила родителей и братьев начать переговоры о мире не с ее мужем, а с его «радой», т.е. сеймом. Некоторые историки решили, что к родителям писала не сама Елена, а представители польско-литовской канцелярии. Но К.В. Базилевич обнаружил в архиве князей Радзивиллов некоторые документы, которые свидетельствуют о личном участии Елены Ивановны в переговорах о мире между Россией и Литвой.

В период подготовки польско-литовского посольства в Москву к королеве Елене обратился брат ее мужа кардинал Фридрих с просьбой о посредничестве в переговорах. В ответ Елена Ивановна написала следующее: «Получила я письмо ваше, в котором вы высказываете вашу печаль по поводу войны между моим мужем и отцом и не скрываете удивления вашего, что я, столь близко им обоим родственная, не делаю усилий прервать ее, что доставило бы мне великую славу. Мои чувства были тождественны с вашими: скорбела о том, что, покорная мужу, ничего не смела предпринять без его воли, а раз вы меня вызвали, примусь за дело охотно, лишь только получу разрешение на то от короля». Это письмо было написано в Минске 28 сентября 1502 г.{608}

Получалось, что католические иерархи, отрицательно относившиеся к Елене в течение всего периода ее замужества, посчитали ее участие в переговорах с Иваном III очень важным. Следуя их просьбе, она написала отцу, матери и братьям. Хотя некоторые исследователи считают, что данные письма были

написаны в польской канцелярии, искренний их тон свидетельствует, что сама Елена также принимала участие в составлении их текстов. В них она выразила всю свою обиду на отца, постоянно использовавшего ее в своих целях и не желавшего учитывать ее семейные интересы и сложность положения в чужой стране.

Отцу Елена написала следующее: «Господин и государь батюшка! Вспомни, что я служебница и девка твоа, а отдал ты меня за такого же брата своего, каков сам. Знаешь, что ты ему за меня дал и что я ему с собой принесла? Но государь муж мой, нисколько на это не жалуясь, взял меня от тебя с доброю волею и держал меня во все это время в чести и в жаловании и в той любви, какую добрый муж обязан оказывать подружию, половине своей. Свободно держу я веру христанскую греческого обычая: по церквям святым хожу, священников, дьяконов, певцов на своем дворе имею, литургию и всякую иную службу божью совершают передо мной везде, и в Литовской земле, и в Короне Польской. Государь мой король, его мать, братья-короли, зятья и сестры, и паны радные, и вся земля — все надеялись, что со мною из Москвы в Литву пришло все доброе: вечный мир, любовь кровная, дружба, помощь на поганство; а теперь видят все, что со мною одно лихо к ним вышло: война, рать, взятие и сожжение городов и волостей, разлитие крови христианской, жены вдовами, дети сиротами, полон, крик, плач, вопль! Таково жалование и любовь твоя ко мне! По всему свету поганство радуется, а христианские государи не могут надивиться и тяжко жалуются: от века, говорят, не слыхано, чтоб отец своим детям беды причинял. Если, государь батюшка, Бог тебе не положил на сердце меня, дочь свою жаловать, то зачем меня из земли своей выпустил и за такого брата своего выдавал? Тогда и люди бы из-за меня не гибли, и кровь христианская не лилась. Лучше бы мне под ногами твоими в твоей земле умереть, нежели такую славу о себе слышать. Все одно только и говорят: для того он отдал дочь в Литву, чтобы тем удобнее землю и людей высмотреть».

Несомненно, что Елена отразила в этом письме все то, что наболело в ней за долгие годы пребывания в Литве: «Писала бы к тебе и больше, да с великой кручины ума не приложу, только с горькими и великими слезами и плачем тебе, государю отцу своему, низко челом бью: помяни Бога ради меня, служебницу свою и кровь свою, оставь гнев неправедный и нежитье с сыном и братом своим и первую любовь и дружбу свою к нему соблюди, чтоб кровь христианская больше не лилась, поганство не смеялось, а изменники наши не радовались бы».

Письмо Елена заканчивала жалобой на то, что отец не хочет

заботиться о ней и любить: «С плачем тебе челом бью: смилуйся надо мною, убогою девкою своею, не дай недругам моим радоваться обиде моей и веселиться о плаче моем. Если увидят твое жалование ко мне, служебнице твоей, то всем буду честна, всем грозна. Если же не будет ко мне твоей ласки, то сам можешь разуметь, что покинут меня все родные государя моего и все подданные его»{609}.

Аналогичные письма были отправлены к Софье Фоминичне и княжичам Василию, Юрию и Дмитрию{610}.

Елена прямо писала, что ее положение при дворе мужа зависело от того, как относился к ней отец Иван III. Но тот, видимо, не захотел это понять. Он осудил дочь за вмешательство в дипломатические переговоры и переписку с представителями католического духовенства. Ее справедливые упреки лишь возмутили его. Ведь членов семьи великий князь всегда считал пешками в своей большой игре по укреплению и расширению Русского государства и превращению его в крупнейшую европейскую державу{611}.

При этом сам Иван III не раз просил Елену оказать ему помощь в разных международных делах. К примеру, ему очень хотелось женить сыновей на европейских принцессах, с помощью браков расширить контакты с европейскими правителями и повысить статус своей страны. Он писал дочери: «Сын мой Василий и дети мои Юрий и Дмитрий, твои братья, уже до того доросли, что их следует женить, и я хочу их женить, где будет пригоже; так ты бы, дочка, разузнала, у каких государей греческого закона или римского закона будут дочери, на которых было бы пригоже сына Василия женить?» При этом он просил дочь узнать, в каком возрасте эти принцессы и нет ли дурной молвы об их матерях и о них самих.

Елена старалась выполнить просьбу отца и писала ему о том, что у маркграфа Бранденбургского пять дочерей. Старшая — восемнадцати лет, хромая и некрасивая. Следующая дочь четырнадцати лет, «из себя хороша… Есть дочери у баварского князя, каких лет — не знаю, матери у них нет. У стетинского князя есть дочери, слава про мать и про них добра. У французского короля сестра — обручена была за Альбрехта, короля польского. Собой хороша, да хрома и теперь на себя чепец положила, пошла в монастырь. У датского короля его милость батюшка лучше меня знает, что дочь есть»{612}.

Иван III даже попросил дочь связаться с родителями предполагаемых невест, но она была вынуждена ответить отказом: «Как мне посылать? Да у них в Латыни так крепко, что без папина ведома никак не отдадут в греческий закон. И нас

укоряют беспрестанно, зовут нас нехристьми». Елена посоветовала отцу обратиться самому к маркграфу, но сделать это тайно от старой королевы, потому что она больше всех укоряла греческий закон{613}.

Следует отметить, что иногда Елена Ивановна писала отцу письма на бытовые темы. Например, она попросила прислать ей 500 шкурок горностаев и 1500 шкурок белок. Видимо, на шубу. Потом ей понадобилась шкурка черного соболя с ноготками на лапках — для украшения какой-то одежды по европейской моде. Просила она прислать и живых кречетов, видимо, для мужа{614}.

Все эти просьбы Иван III старался выполнять. Так, в марте 1504 г. он отправил Елене К. Замыцкого с подарками: 5 кречетами, 300 беличьими шкурками, рыбой, свежей и вяленой{615}.

В числе подарков из Москвы были разнообразные книги, в том числе и церковный устав{616}.

Смерть матери (в 1503 г.), а потом и отца (в 1505 г.), очевидно, стали для Елены Ивановны тяжелым ударом. Это обрывало ее тесные контакты с родиной. Для Александра Казимировича, напротив, кончина тестя стала радостным событием. Он даже решил вторгнуться на территорию Русского государства, чтобы захватить его. Но оказалось, что в последние годы жизни Ивана III власть в стране уже была в опытных руках взрослого Василия III, готового дать решительный отпор польско-литовским войскам. К тому же так случилось, что в августе 1506 г. Александр скончался сам. Этим решил воспользоваться уже Василий III. Он попросила Елену Ивановну помочь ему мирным путем присоединить к своим владениям польско-литовское государство. Для этого надо было уговорить участников сейма избрать его новым польским королем и великим князем Литовским. Но Елена была вынуждена написать брату о том, что ее муж уже назначил своим преемником брата Сигизмунда{617}.

Обращение Василия III к сестре свидетельствовало о том, что он считал ее очень влиятельным лицом в польско-литовском государстве, способным возвести его на королевский престол. Но Елена трезво оценивала ситуацию в своей стране, понимая, что представители местной католической знати никогда не изберут правителем православного человека.

После смерти мужа положение Елены Ивановны, видимо, ухудшилось. Хотя по завещанию Александра она получила значительные земельные владения, король Сигизмунд всячески стремился ограничить ее права. К примеру, при муже она владела богатой Могилевской волостью, приносившей ей большие доходы в виде денег, продовольствия, мехов и меда{618}. Но Сигизмунд в

1507 г. заменил ее городком Вельск с окрестностями. В него Елене пришлось переехать после смерти мужа{619}.

В письмах к брату Елена Ивановна жаловалась на то, что король Сигизмунд ее не почитает, «в береженье не держит», принадлежащие ей города и волости «выпустошил», а некоторые земли просто отнял. Поэтому она просила Василия III прислать к ней опытного человека для бесед с ним и совета{620}.

Король был против переписки Елены с братом Василием III и даже настраивал против нее польскую и литовскую знать. Но литовские православные люди продолжали считать ее своей покровительницей.

Королева же, в противовес действиям Сигизмунда, стремилась завоевать симпатии подданных любыми способами. Наиболее преданных из них она жаловала землями. Так, приблизительно в 1503 г. она пожаловала сыну боярскому Федору Демидову поместье Кашпоришки{621}. В 1507 г. Елена Ивановна подарила наместнику Могилевскому князю Матвею Никитичу двор в Ездно и два поместья{622}.

В 1510 г. Елена стала покровительницей Троицкого монастыря в Вильно и даже начала платить за него подати в казну{623}.

Летом 1512 г. положение Елены настолько ухудшилось, что она оказалась под арестом в Бирштанах. Несомненно, что произошло это не без одобрения короля Сигизмунда, хотя официально он отрицал свою вину.

В дипломатических источниках об этом писалось следующее. Летом 1512 г. королева Елена собралась ехать в свое имение Бряслав и заранее отправила туда своих людей. Но виленский воевода Микула Микулов с Троцким воеводой Григорием не пустили Елену в Бряслав, заявив, что та пытается сбежать в Москву. Прямо в храме Богородицы они взяли ее за рукава, вывели на улицу, посадили в повозку и отвезли в Троки. Оттуда они сначала отправили ее в село Бирштаны, потом — Стеклышки. Всех людей ее они разогнали, а казну отняли{624}.

Об этом стало известно в Москве. Василий III написал Сигизмунду о том, что виленский и Троцкий воеводы совершили самоуправство по отношению к вдовствующей королеве и не только взяли ее под стражу, но и лишили всего имущества. Великий князь требовал, чтобы Сигизмунд разобрался в этом деле и наказал виновных{625}.

Но король ответил, что с Еленой все в порядке и что Василий не должен верить всяким вздорным слухам. Для подтверждения его слов в 1512 г. королеве позволили самой распоряжаться разными хозяйственными делами в жмудских областях{626}.

Но вскоре оказалось, что слухи о стесненном положении Елены Ивановны не были беспочвенными, поскольку в конце 1513 г. она скончалась при непонятных для Василия III обстоятельствах. Вполне вероятно, что Сигизмунд II, недовольный тем, что Елена покровительствовала православным литовцам, намекнул некоторым представителям польской знати о том, что пора ее убрать с политической арены. Следуя этим указаниям, Николай Радзивилл, Григорий Остиков, Клочко, Бутрим и казначей Авраам организовали заговор против вдовы. Они отправили к ней волынца Гитовта с ядовитым зельем. Тот подговорил слуг королевы Д. Федорова и Д. Иванова подлить отраву в ее питье. В итоге Елена Ивановна скоропостижно скончалась. На вопросы русской стороны о причинах ее смерти король Сигизмунд ничего не ответил. Не захотел он обсуждать и вопрос о ее имуществе: городах и волостях, которыми она владела, и денежной казне{627}. Следует отметить, что приданое жен, не родивших детей, в то время возвращалось ее родственникам.

Неуважительное отношение польского короля к сестре вызвало такое возмущение у Василия III, что он решил объявить ему войну. Уже в декабре 1513 г. начался первый Смоленский поход. Он, правда, не принес удачи. Город удалось захватить только в ходе третьего Смоленского похода. Так Василий III отомстил за все тяготы и унижения, которые испытала его сестра Елена в польско-литовском государстве.

Брак русской княжны Елены и великого князя Литовского, а потом и польского короля Александра Казимировича показал, что даже установление родственных связей между правителями России и польско-литовского государства не могло сгладить существенные разногласия между ними. И Иван III, и Александр Казимирович стремились взять реванш в соперничестве друг с другом за древнерусское наследие. Елена же оказалась между отцом и мужем и в итоге была принесена в жертву их политическим интересам.

Судьба княжны Елены показывает, что в XVI в. династические браки не могли быть удачными при разнице вероисповедания у жениха и невесты. Поэтому для детей русских государей невозможно было найти подходящую партию в Западной Европе в это время. Им приходилось подыскивать женихов и невест среди подданных.

Хотя участь княжны Елены оказалась очень печальной, ее замужество помогло Ивану III, а потом и Василию III существенно расширить свои владения за счет присоединения бывших древнерусских земель, входивших в состав Великого княжества

Литовского. Сначала это происходило потому, что мужество Елены в отстаивании православной веры в своей католической семье стало вызывать уважение у православных князей, живших в Литве, и те с родовыми землями начали переходить на службу к Ивану III. В их числе были князья Вельские, Мстиславские, Глинские, Воротынские, Одоевские, Мосальские и Мезецкие. Потом неуважительное отношение к русской княжне послужило поводом к войнам России с Литвой и Польшей в 1500–1503 и 1512–1514 гг. В их результате к Русскому государству отошли Новгород-Северский, Стародуб, Гомель, Брянск, Торопец, Мценск, Дорогобуж, Смоленск и ряд других городов с прилежащими к ним землями.

Так, принеся в жертву личные интересы, Елена Ивановна невольно способствовала существенному расширению границ своей страны за счет возвращения древнерусского наследия.

Глава 5.
АННА ВАСИЛЬЕВНА РЯЗАНСКАЯ

Еще одной женщиной, сыгравшей важную роль в расширении границ Русского государства в начале XVI в., являлась сестра Ивана III Анна. Она вышла замуж за рязанского князя Василия Ивановича и после его смерти стала опекуншей сына Ивана. Летописные известия о княгине свидетельствуют о том, что она всегда поддерживала тесные связи с московскими родственниками и, видимо, была склонна к слиянию Рязани с Москвой. В итоге московский государь Василий III, племянник Анны, используя свое близкое родство с представителями династии рязанских князей, присоединил Рязанское княжество к своим владениям.

Некоторые исследователи полагают, что в Рязани существовало особое летописание, которое за период XV–XVI вв. отразилось в Никоновской летописи{628}. Именно эти тексты и являются источниками об Анне Рязанской. Кроме того, сохранилось довольно много актового материала о хозяйственной деятельности княгини, опубликованного в многотомном издании «Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси». Эти источники позволили исследователям написать несколько небольших статей об Анне Рязанской{629}.

Родственные связи между московскими и рязанскими князьями, видимо, установились достаточно давно. Можно предположить, что женой Даниила Александровича Московского была пронская княжна, дочь рязанского князя Ярослава. Защищая интересы ее братьев Михаила и Ивана, Даниил арестовал их дядю Константина, пытавшегося захватить рязанский престол, и посадил в московскую тюрьму Там он вскоре скончался. Это позволило Михаилу и Ивану Ярославичам получить отцово наследство.

Вновь родственные связи между рязанскими и московскими князьями были установлены после того, как рязанский князь Федор Олегович женился на дочери Дмитрия Донского Софье. Это событие произошло в 1387 г.{630}

В браке родились два сына: Иван и Василий. В 1456 г. великий князь Иван Федорович и его супруга скончались. Своего единственного восьмилетнего сына Василия они оставили на попечение великому князю Московскому Василию II, приходившемуся ему двоюродным братом.

Желая укрепить родство с рязанскими князьями, Василий I

решил женить подросшего княжича Василия Ивановича на своей дочери Анне. Свадьба, правда, состоялась уже после его смерти.

Данный брак опять был заключен с достаточно близкими родственниками. Жених и невеста состояли друг с другом в троюродном родстве.

Можно предположить, что московская княжна была немного старше жениха. В летописях нет даты ее рождения, но появиться на свет она должна была в начале 40-х гг. XV в., тогда как ее жених родился в 1448 г.

Это предположение напрашивается из того факта, что в 40-х гг. в семье Василия II постоянно рождались мальчики: в 1441 г. — Юрий, в 1446 г. — Андрей, в 1447 г. — Семен, в 1449 г. — Борис, в 1452 г. — Андрей. Поэтому Анна могла появиться на свет в промежуток между Юрием и первым Андреем, т.е. с 1442 по 1445 г. Если бы она родилась позднее, то родственники вряд ли бы отправили ее в соседнее княжество для самостоятельного правления с таким же юным мужем.

Наиболее подробно женитьба рязанского князя на княжне Анне описана в Московском своде конца XV в. Под 1464 г. в нем сообщено, что сначала в конце года (1463 г. — *Л.М.)* великий князь Иван III и его мать княгиня Мария отпустили князя Василия Ивановича «на свою отчину, на великое княжение Рязанское». В это время княжичу было 15 лет.

Потом в январе 1464 г. Василий вернулся в Москву и посватался к княжне Анне. Венчание состоялось 22 января в Успенском соборе. В самом конце января молодые отбыли в Рязань{631}.

В это время рязанскому князю было около16 лет, Анне, видимо, около 20 лет. Им предстояло самостоятельно править в Рязанском княжестве, которое до этого управлялось московскими наместниками.

В летописях не сохранилось точных данных о том, сколько детей было в семье Василия и Анны. Известно лишь, что в 1467 г., 14 апреля, Анна родила в Москве сына Ивана{632}. Можно предположить, что в это время рязанская княгиня находилась в гостях у матери великой княгини Марии Ярославны и брата Ивана III. Поэтому рязанский княжич появился на свет не на родине.

Сведений о дате рождения второго сына Анны, Федора, в источниках нет. О его существовании известно из договора между братьями в 1496 г. Он касался содержания их завещаний. В частности, младший Федор обещал оставить брату свои земли в случае бездетной кончины{633}. В это время оба князя уже были взрослыми людьми.

Была в семье рязанских князей и дочь Ирина, которую выдали замуж за князя Ф.И. Вельского в январе 1497 г.{634} Исходя из даты свадьбы, можно предположить, что княжна родилась около 1480 г.

Муж Анны, великий князь Василий Иванович, оказался недолговечным и в январе 1483 г. скончался. На рязанский престол взошел его шестнадцатилетний сын Иван. По совету матери он заключил с Иваном III договор, по которому признал себя «молодшим братом» московского государя{635}. Так начался процесс постепенного присоединения Рязанского княжества к Москве.

Летописные известия свидетельствуют о том, что княгиня Анна часто ездила в Москву. Там она навещала мать и советовалась с родственниками по разным вопросам. Наиболее важной задачей для нее после смерти мужа было удачно женить старшего сына. Ведь его супруге предстояло стать новой великой княгиней Рязанской.

В Симеоновской летописи сообщено, что весной 1485 г. Анна Рязанская находилась в столице, где навещала мать. После этого 13 июля ее сын Иван женился на княжне Агриппине, дочери князя Василия Бабичева. Венчание состоялось в Благовещенском соборе в Рязани{636}.

Поскольку оба известия следуют одно за другим, то напрашивается предположение о том, что выбор невесты для рязанского князя Ивана Васильевича был осуществлен княгиней Анной в Москве по совету своей матери Марии Ярославны и брата Ивана III.

Исследователи относят Бабичевых к разветвленному роду князей Друцких. В XV в. эти князья жили на территории Великого княжества Литовского. Но затем в 1508 г. они окончательно всем родом перешли на службу к московским государям{637}.

Сами Бабичевы это сделали раньше, еще в середине XV в. Это известно из летописных сообщений о смерти в Коломне в 1455 г. Семена Бабича и бегстве из Нарвы воеводы Юрия Бабича в 1496 г. {638}

Организуя брак рязанского князя с литовской княжной, Иван III, видимо, хотел привлечь всех ее родственников на русскую службу. Княгиня Анна, судя по всему, планы брата поддержала и поэтому выбрала в невестки княжну Агриппину. В итоге, как уже отмечалось, в 1508 г. ее родственники князья Друцкие перешли на русскую службу.

Сыновья княгини Анны участвовали в ряде действий Ивана III, направленных против Великого княжества Литовского. В 1493 г. младший сын Анны Федор возглавил объединенное московско-

рязанское войско, посланное великим князем для освобождения Мезецка от литовских воевод. Поход рязанского князя оказался удачным. Был не только освобожден Мезецк, но и захвачены Серпейск и Опаков{639}.

Можно предположить, что по совету Ивана III Анна не стала подыскивать невесту для младшего сына Федора. Ведь в браке у того появились бы дети, которым следовало выделить собственные наделы. Это, в свою очередь, привело бы к дроблению земель Рязанского княжества. К тому же Иван III, видимо, смог так повлиять на племянника, что тот все свои земли, Перевитеск, Старую Рязань и одну треть Переславля Рязанского, завещал именно ему, нарушив договор с братом{640}.

Дочь рязанской княгини Ирина, как уже отмечалось, стала женой князя Ф.И. Вельского. И в этом деле Анна Васильевна не обошлась без совета со старшим братом Иваном III, поскольку жених состоял у него на службе. В летописях сообщалось, что в августе 1497 г. великая княгиня Анна Рязанская приехала в Москву. «Князь велики срете ее велми честно на Въсполье на Болвановьи» со всем своим семейством и боярынями{641}.

В столице почетная гостья пробыла до праздника Крещения, т.е. почти до середины января. В это время она решала вопрос о женихе для дочери и их свадьбе. По совету Ивана III им стал видный литовский князь Федор Иванович Вельский, перешедший на службу в Москву еще в начале 80-х гг. XV в.

Ф.И. Вельский был внуком великого князя Литовского Ольгерда, сына родоначальника литовских князей Гедимина.

Выехав на Русь, он получил в качестве вотчины города Демон и Мореву На родине в Литве остались три его бездетных брата, разделившие между собой их общие родовые земли около Белой.

В декабре 1492 г. недруги обвинили Федора Вельского в желании бежать в Литву, и по приказу Ивана III он был отправлен в заточение в Галич{642}.

Через некоторое время великий князь, видимо, понял свою ошибку. Ведь наказание видного князя из рода Гедиминовичей могло произвести негативное впечатление на представителей литовской знати, которых он старался переманить на свою службу. Поэтому он вновь приблизил князя Ф.И. Вельского к себе и даже взял в поездку в Новгород в 1495 г.{643}

Потом Иван III посоветовал сестре Анне выдать дочь замуж именно за князя Федора Ивановича. В удел жениху он выделил город Лух, находящийся недалеко от средней Волги{644}.

Брак Федора Вельского и Ирины Рязанской оказался удачным. Вскоре в их семье появилось три сына: Дмитрий, Иван и Семен{645}. Глава семейства занимал при дворе Ивана III одно из

первых мест, во время военных походов он часто был во главе Большого полка{646}.

К 1526 г. Ф.И. Вельский скончался, поэтому на свадьбе Василия III и Елены Глинской присутствовала только его вдова Ирина{647}.

Следует отметить, что возвышение Ф.И. Вельского при дворе Ивана III и его удачная женитьба на государевой племяннице привели к тому, что его брат Семен в 1500 г. также выехал на службу в Москву уже с родовыми землями у города Белая. После смерти бездетного Семена этот город был включен в состав Русского государства{648}.

Так, действуя по совету и указанию брата Ивана III, Анна косвенно способствовала переходу литовской знати на русскую службу и расширению территории формирующегося централизованного государства.

Некоторые исследователи полагали, что Анна была категорически против вхождения Рязанского княжества в состав Русского государства (Л.Б. Вейнберг). Однако все ее действия указывают на то, что она была не против вассальной зависимости Рязани от Москвы. Ведь даже польский король Казимир в 1494 г. официально признал, что Рязанское княжество находится в подчинении у Ивана III.

По всем важнейшим вопросам княгиня Анна ездила советоваться в Москву. При этом у нее был свой двор, состоящий из представителей рязанской знати, и свои земли, полученные по завещанию мужа. Они составляли четвертую часть всего княжества.

Известно, что конюшим княгини — старшим боярином — был князь Ф.В. Всрдеревский. Он вел свой род от татарского князя Салхомира, выехавшего из Орды в 1371 г. к рязанскому князю Олегу и женившегося на его дочери. В числе рязанских бояр были Измайловы, Сунбуловы, И.Я. Арл. Казначеями княгини были Вельямин Васильевич, Семен Глебович, дьяками Язвец Мелентьев и некий Юрий{649}. Все они составляли особый двор великой княгини Рязанской.

Среди представителей рязанской знати исследователи называют Вердеревских, Измайловых, Денисьевых, Сунбуловых, Кобяковых, Коробьиных, Давыдовых. Представители этих фамилий находились в окружении княгини Анны. Это были лица либо татарского, либо литовского происхождения, поскольку Рязанское княжество граничило с землями Золотой Орды и Великого княжества Литовского{650}.

Старший сын княгини Анны великий князь Рязанский Иван Васильевич оказался не слишком долговечным. В 1500 г. он

скончался, оставив после себя малолетнего сына Ивана, который родился в 1496 г. Младший сын Анны Федор умер до 1503 г. В итоге управлять Рязанским княжеством пришлось женщинам — сначала княгине Анне, до ее кончины в 1501 г., а потом ее невестке княгине Агриппине, до совершеннолетия сына.

Естественно, что в это время Рязань не могла проводить самостоятельную ни внешнюю, ни внутреннюю политику. В главных вопросах княжество полностью подчинялось Москве. Поэтому с начала XVI в. вопрос об окончательном вхождении Рязанского княжества в состав Русского централизованного государства носил чисто формальный характер.

Актовый материал свидетельствует о том, что княгиня Анна в течение всей жизни покровительствовала рязанскому Солотчинскому монастырю, основанному в честь Рождества Богородицы. Этот монастырь был основан в 1390 г. по указанию великого князя Рязанского Олега Ивановича. Покровительницей обители постоянно являлась жена князя Олега княгиня Евпраксия. Она жертвовала в него пахотные земли, леса с бобровниками и бортями, реки с рыбной ловлей{651}.

Наделяли землями Солотчи некий монастырь и другие рязанские княгини, например, сестра Олега Анастасия пожаловала селище Федорково. Жена великого князя Федора Ольговича Софья Дмитриевна дала село Филино{652}.

К тому же она основала в Рязани Зачатьевский монастырь и пожертвовала в него свои земли.

Княгиня Анна одаривала Солотчинский монастырь не один раз. Во-первых, она подтвердила все жалованные грамоты, которые были даны обители до нее. Во-вторых, в 1491 г. она пожаловала село Куликово на реке Соснице. Ее грамоту подтвердили конюший Федор Васильевич, казначей Семен Глебович и боярин Иван Яковлевич. Позднее она подарила монастырю еще ряд сел и другие земельные владения{653}.

Ранняя смерть старшего сына, видимо, стала тяжелым ударом для княгини Анны. Поэтому, как уже отмечалось, 14 апреля 1501 г. она сама скончалась{654}.

Управлять Рязанским княжеством пришлось княгине Агриппине Васильевне Бабич, вдове князя Ивана Васильевича. Свои грамоты она скрепляла именной печатью. На ней была изображена женская голова с косой вокруг нее, обращенная вправо. Сохранилось несколько грамот, скрепленных этой печатью: жалованная боярину Ф.И. Сунбулову на село Турмелево от марта 1502 г., жалованная льготная неподсудная грамота боярину П.В. Вердеревскому на село Ковылино от 1504 г., жалованная Духову монастырю на село и деревни с бортями от

1505 г. и др.{655}

Сохранившиеся акты свидетельствуют о том, что княгине Агриппине приходилось заниматься самыми разными делами: разбирать судебные тяжбы, в основном поземельные, между частными лицами и монастырями, жаловать отличившихся слуг, проявлять заботу о храмах и обителях и пр. Ее самостоятельное правление продолжалось до 1510 г. После этого на престол взошел ее подросший сын Иван Иванович, последний рязанский князь. Из-за конфликтов с Василием III ему пришлось бежать в Литву. Там он умер в 1534 г.{656}

Можно предположить, что княгиня Агриппина тяготилась управленческими функциями. Ее больше привлекала тихая и спокойная жизнь в монастырской обители. Поэтому еще в 1507 г. она основала пустынь около Покровского монастыря на реке Осетр. Когда сын окончательно повзрослел, она приняла постриг в этой пустыни под именем Аграфена и переселилась в нее. Позднее эту обитель стали называть Аграфеновой пустынью.

Таким образом, документальные источники свидетельствуют о том, что браки московских княжон с рязанскими князьями привели к тому, что московские государи получили законное право на присоединение Рязани к своим владениям. Овдовев, рязанские княгини были вынуждены сами управлять своим княжеством, и при этом в главных вопросах им приходилось ориентироваться на советы московских родственников. Это и решило судьбу Рязанского княжества — оно постепенно вошло в состав Русского централизованного государства.

Окончательно Рязань потеряла независимость в 1520–1521 гг. после конфликта Ивана Ивановича с Василием III. Последний рязанский князь бежал в Литву и там скончался в 1534 г.

Глава 6.
СОЛОМОНИЯ САБУРОВА

Соломонию Сабурову — первую супругу великого князя Василия III следует считать последней великой княгиней Московской. Хотя после нее у Василия III была вторая супруга Елена Глинская, но она больше известна как регент или соправитель малолетнего Ивана IV. Все последующие жены московских государей уже носили титул цариц.

ИСТОЧНИКИ И КРАТКИЙ БИОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

Источников, касающихся жизни и деятельности великой княгини Соломонии Юрьевны, довольно мало. Это летописи XVI в., Воскресенская, Львовская, Никоновская и др., «Записки о Московии» Сигизмунда Герберштейна.

Жизнь и деятельность Соломонии Сабуровой никогда не привлекала особого внимания историков. В своих трудах они останавливались лишь на двух моментах, связанных с великой княгиней. Первое — почему Василий III на ней женился. Второе — обстоятельства, при которых он с ней развелся. При этом никаких споров по поводу этих двух событий среди исследователей никогда не было. Они всегда передаются в одинаковых версиях.

Попробуем разобраться в том, почему личность самой Соломонии не интересовала историков, а их внимание привлекали лишь причины женитьбы и развода с ней великого князя Василия III.

Прежде всего можно заметить, что до Василия III московские государи крайне редко женились на своих нетитулованных подданных. Соломония, как известно, была дочерью рядового дворянина Юрия Константиновича Сабурова. Только у Ивана Ивановича Красного второй супругой являлась дочь московского тысяцкого Вельяминова Мария. При этом женился он на ней тогда, когда на престоле находился его старший брат Семен Иванович.

Соломония же, вопреки существовавшим обычаям, стала первой женой наследника великокняжеского престола.

В исследовательской литературе еще со времен Н.М. Карамзина повторяются сведения о том, что Соломония стала

супругой Василия III благодаря своей необычайной красоте. Ее он якобы выбрал в ходе смотрин невест из очень большого числа боярских дочерей. Эти данные были сообщены в «Записках о Московии» австрийского дипломата Сигизмунда Герберштейна, несколько раз посещавшего Москву в первой половине XVI в.{657}

Все историки сочли сведения австрийца абсолютно достоверными. Правда, советских исследователей смутило указанное Герберштейном количество претенденток на роль невесты, прибывших в Москву, — 1500. Поэтому они произвольно сократили его в три раза и оставили всего 500 девушек{658}.

В остальных деталях историки всегда повторяют сообщение австрийского дипломата. При этом никто из них не задумался о том, почему в русских летописях, созданных вскоре после свадьбы Василия III и Соломонии, нет ни слова о столь небывалом для Русского государства событии, как выбор великим государем невесты из очень большого числа боярских дочерей. Ведь даже приезд в Москву многочисленных претенденток должен был запомниться современникам.

Рассмотрим, что же писалось в летописях о женитьбе великого князя Василия III на Соломонии. Прежде всего, необходимо отметить, что в составе большинства летописей начала XVI в. (Воскресенской, Софийской I, Софийской II), по утверждению исследователей, лежал официальный свод 1508 г., созданный в канцелярии великого князя вскоре после его женитьбы на Соломонии Сабуровой в 1505 г.{659}

В основе других летописей XVI в. (Уваровской, Львовской, Иоасафовской, Никоновской и др.) лежал свод 1518 г.{660}Это означает, что в большом количестве летописей XVI в. отразились записи, почти современные описываемым в начале века событиям.

В Воскресенской летописи об обстоятельствах женитьбы Василия III было записано так: «В лето 7014, сентября 4, в четверток, князь велики Иван Васильевич всеа Руси жени своего сына великого князя Василиа Ивановича всеа Руси, взял за него дщерь Юрья Костянтиновича Сабурова, именем Соломонию; а венчал великого князя Василиа Ивановича всеа Руси и великую княгиню Соломонию преосвященный Симон, митрополит всеа Руси, в соборной церкви пречистыа Успениа святыа Богородица, в преименитом славном граде Москве»{661}.

Аналогичные записи помещены в Софийской I, Львовской и Уваровской летописях, в основе которых, как уже отмечалось, лежали своды 1508 и 1518 гг., созданные вскоре после свадьбы Василия и Соломонии.

Согласно всем летописным записям начала XVI в. получается,

что невесту для Василия III выбрал его отец, великий князь Иван III, исходя из своих соображений. Никаких смотрин боярских дочерей никто в это время не устраивал.

Игнорирование историками данных русских источников и интерес к сообщениям Герберштейна объясняется, видимо, тем, что первые были слишком немногословны, у австрийского дипломата, напротив, был помещен красочный рассказ о том, как великий князь Василий III женился на Соломонии. По версии Герберштейна, русский государь решил сочетаться браком со своей поданной, чтобы избежать больших трат в случае женитьбы на иностранке. К тому же он опасался, что с иноземной невестой не найдет общего языка и понимания из-за воспитания в иных традициях и вере.

Для выбора будущей жены, по версии Герберштейна, сам Василий III устроил смотрины невест. Сделал это он по совету главного вельможи Георгия Малого, рассчитывавшего на то, что великий князь изберет его дочь. Но Василий захотел познакомиться со многими претенденткими на роль его жены и повелел привезти в Москву 1500 боярских дочерей. Встретившись с ними, он «выбрал Саломею, дочь боярина Ивана Сабурова, вопреки ожиданиям Георгия»[{662}].

Эти данные Герберштейна, как уже отмечалось, приводятся практически во всех исследованиях, касающихся женитьбы Василия III на Соломонии. В правдивости красочного рассказа, в «Записках», историки никогда не сомневались.

Однако при разборе деталей в сообщении Герберштейна некоторые из них вызывают большие сомнения. Во-первых, в дипломатических источниках сохранились сведения о том, что первоначально Иван III и Софья Палеолог пытались высватать княжичу Василию иностранную принцессу, дочь датского короля. При этом большие затраты на свадьбу их не страшили. Когда это не удалось сделать, поскольку у датского короля были свои интересы при выборе мужа для дочери, Иван III стал просить дочь, польскую королеву Елену, найти для брата подходящую невесту в европейских королевских домах. Но Елене пришлось ответить, что брак с католичкой невозможен для Василия, поскольку римский папа не даст на него согласие.

В итоге получалось, что женитьба наследника престола на русской девушке была вынужденной, а не из-за соображений экономии или опасений жениха не найти взаимопонимания с иностранкой.

Во-вторых, вызывает сомнение, что Георгий (Юрий Дмитриевич Траханиот) Малый был главным советником Василия III по наиболее важным вопросам. Известно, что он был только

великокняжеским казначеем и печатником. В число первых советников государя входили М.Ю. Захарьин — «око государя», Шигона Поджогин — главный любимец и др.{663}

Имя Георгия Траханиота появилось в «Записках» Герберштейна, видимо, потому, что австриец был лично знаком с русским дипломатом и служителем двора.

Следует отметить, что никаких сведений о том, что у Ю.Д. Траханиота была дочь, подходящая по возрасту в невесты Василию III, нет. Сам Юрий предположительно родился в 70-х гг. XV в. и умер в 1525–1526 гг.

Только в сочинении Герберштейна содержатся сведения о том, что летом 1505 г. в Москве по указанию Василия III устраивали смотрины невест, на которые в город привезли 1500 боярских дочерей. Ни в одном русском источнике, как уже отмечалось, об этом небывалом для столицы событии нет никаких данных. Исследователи усомнились в том, что на смотр было собрано столь большое число представительниц боярских родов, видимо, потому что в то время такого количества знатных родов просто не было. Поэтому они и сократили число невест до 500.

Правда, и это число вызывает сомнение, поскольку в Кремле негде было расселить такое большое число юных и знатных девушек с сопровождающими лицами. Без них им не полагалось не только совершать какие-либо поездки, но даже покидать дом родителей.

Если численность боярских дочерей в «Записках» лишь вызывает сомнение, то сведения Герберштейна об имени невесты Василия III, имени ее отца и его чине просто неверны. Невесту звали Соломонией, а не Саломеей. Отцом ее был рядовой дворянин Юрий Константинович Сабуров, а не боярин Иоанн Сабуров, как утверждал австриец{664}. Иваном звали брата Соломонии, но боярский титул и он не носил.

Все эти ошибки свидетельствуют о том, что у австрийского дипломата имелись очень неточные данные об обстоятельствах женитьбы великого князя Василия Ивановича на Соломонии Юрьевне Сабуровой, поэтому использовать его сочинение в качестве исторического источника без научной критики нельзя.

На наш взгляд, более правильным будет опираться на данные русских источников, созданных «по горячим следам событий» и сообщавших о том, что невесту для Василия III выбрал отец — великий князь Иван III. Необходимо лишь разобраться в том, почему его выбор пал на Соломонию Сабурову.

Прежде всего следует отметить, что Сабуровы не принадлежали к древнейшей московской высшей титулованной знати. С.Б. Веселовский и А.А. Зимин считали их

представителями костромского боярского рода Зерновых. Они только с начала XIV в. стали служить московским князьям и их ближайшим родственникам.

Через некоторое время род разделился на три ветви: Сабуровых, Годуновых и Вельяминовых. Первым среди Сабуровых прославился Михаил Федорович. В 1447 г. он привез Василию II находившуюся в плену у Дмитрия Шемяки великую княгиню Софью Витовтовну. После этого он остался на московской службе{665}.

Из духовных и договорных грамот известно, что М.Ф. Сабуров дал село Чюхистово на Коломне Софье Витовтовне, а село Михайловское у Костромы — великой княгине Марии Ярославне{666}.

Поэтому напрашивается предположение, что Михаил Федорович служил боярином и дворецким именно этим княгиням. Свою единственную дочь он выдал замуж за князя Ярослава Васильевича Оболенского. Перед смертью принял постриг в Троице-Сергиевом монастыре{667}.

Брат Михаила — Семен Федорович Пешек Сабуров — тоже служил при дворе великой княгини Марии Ярославны и носил боярский чин. Во время похода Ивана III на Новгород в 1478 г. он возглавлял полк, который выставляла Мария Ярославна в качестве ростовской удельной княгини. В ходе боев к нему присоединился со своими людьми и его брат Василий Федорович Сабуров{668}.

Сын Семена Пешека Дмитрий был отправлен в Литву в качестве дворецкого дочери Ивана III Елены, ставшей женой великого князя Литовского, а потом и польского короля Александра. Сын Василия Андрей числился в ее свите стольником{669}.

Таким образом, получается, что братья Сабуровы Михаил, Семен и Василий Федоровичи служили в течение достаточно длительного времени великим княгиням Московским. Сначала — Софье Витовтовне, матери Василия II Темного, потом — Марии Ярославне — матери Ивана III. Их сыновья, судя по всему, продолжили эту традицию и служили великой княжне Елене.

Дед Соломонии — Константин Федорович Сверчок Сабуров был младшим братом бояр Михаила, Василия и Семена. Сам он до высоких чинов не дослужился. Есть данные лишь об его участии в походе на Казань в 1482 г. в качестве одного из воевод{670}. Его старший сын Юрий, отец Соломонии, в 1495–1496 гг. занимался переписью Обонежской пятины. В 1501 г. был наместником в небольшом приграничном городке Корела{671}.

В семье Константина Федоровича, кроме Юрия, было еще

несколько сыновей. Иван служил в 1501 г. наместником в Городце, Тимофей — в Вятке{672}.

Следует отметить, что при выборе невесты для знатного жениха учитывалось, сколько в ее семье дядьев и братьев. Особенно ценились девушки из тех семей, где было много особ мужского пола. В этом отношении у Соломонии все было в порядке. У нее было четверо дядьев и четверо братьев. Даже ее дед был шестым сыном в семье. Поэтому можно было надеяться, что и сама Соломония родит много мальчиков.

Несомненно, Иван III знал, что род Сабуровых многолюден и достаточно знатен, поэтому его представители могли стать надежными помощниками Василия III. Ведь его самого всегда окружали родственники по матери бояре из рода Кобыли-ных: Колычевы, Лобановы, Хлуденевы, Кошкины-Захарьины. Особенно близки ему были Яков Захарьич, Юрий Захарьич и Петр Яковлевич, возглавлявшие походы на Новгород и Казань. Поэтому он мог надеяться, что и Сабуровы сплотятся вокруг его сына.

К тому же Иван III мог обратить на Сабуровых особое внимание после того, как во время одного из пиров боярин В.Ф. Сабуров вступил в местнический споре Г.В. Заболоцким и доказал, что его родичи всегда были ближними людьми великого князя. В то время столь аргументированные местнические споры были еще редки{673}.

Из документальных источников известно, что Сабуровы жили на территории Кремля. Здесь они всегда были на виду и «под рукой» у великих князей.

Таким образом, напрашивается вывод о том, что Соломония стала невестой Василия III не потому, что была выбрана им в ходе смотрин как самая красивая девушка, по сообщению Герберштейна, а потому, что ее кандидатуру счел подходящей великий князь Иван III. Он руководствовался простыми соображениями: Сабуровы верно служили сразу нескольким великим княгиням и даже дарили им свои земли. Кроме того, в их роду из поколения в поколение рождалось много мальчиков. Значит, плодовитость в их семье была наследственной. Представители этого рода по замыслу государя должны были стать опорой трона его сына. В довершение всего Соломония, несомненно, была наделена красотой и рядом положительных качеств, таких как скромность, благочестие и любовью к рукоделию. Последнее особенно ценилось у невест, ведь им полагалось шить и украшать одежду будущих мужей.

Обо всех достоинствах Соломонии, несомненно, задолго до свадьбы было хорошо известно Ивану III и его сыну Василию, поскольку она жила на территории Кремля рядом с

великокняжеским дворцом.

Хотя Иван III подошел к выбору невесты для своего наследника достаточно вдумчиво, большинство его надежд не оправдалось. Особо талантливых воевод и государственных деятелей среди Сабуровых не оказалось. Вскоре после свадьбы Василий III попытался возвысить отца Соломонии Юрия Константиновича и поставил его во главе Сторожевого полка в войске, отправившемся в 1506 г. к Казани. Вместо того чтобы обрадоваться высокому назначению, Юрий тут же затеял местнический спор с боярином С.И. Воронцовым, который был назначен главой Передового полка. В итоге поход был на время отложен{674}.

Приблизительно в 1509 г. Василий III пожаловал тестю окольничество, но в походы больше не брал. В 1511–1512 гг. Юрий Константинович скончался{675}.

Не продемонстрировали особо выдающихся полководческих талантов и братья Юрия. Иван Константинович был послан в 1510 г. писцом в Псков, в 1517–1525 гг. служил новгородским дворецким. Его брат Тимофей погиб под Оршей в 1514 г. Брат Соломонии Иван даже в 1522 г. служил всего лишь рындой, т.е. оруженосцем. Возможно, он был намного младше сестры{676}.

Несомненно, что по своим талантам Сабуровы не могли сравниться с Кошкиными-Захарьиными. Это вскоре стало понятно Василию III, поэтому родственников жены в свое ближнее окружение он не стал вводить.

В летописях содержится очень мало сведений о великой княгине Соломонии. Очевидно, она не принимала участие ни в политической, ни экономической, ни культурной жизни страны, в отличие от таких своих знаменитых предшественниц, как Евдокия Дмитриевна, Софья Витовтовна, Мария Ярославна и Софья Палеолог. Не вмешивалась она и в дела мужа. При великокняжеском дворе ее влияние, судя по отнюдь не блестящей карьере ее родственников, было минимальным. Это могло нравиться властному и своенравному Василию III, поэтому 20 лет он не разводился с бесплодной женой. В 1506 г. он даже выдал замуж сестру Соломонии Марию за своего дальнего родственника — князя Василия Семеновича Стародубского{677}. Его дедом был удельный князь Иван Андреевич Можайский, внук Дмитрия Донского. Во время феодальных распрей XV в. Иван Андреевич поддержал Дмитрия Шемяку, а после его поражения в 1454 г. бежал в Литву. Там он женился на дочери князя Ф.Ю. Воротынского и получил от великого князя Литовского несколько крупных городов: Стародуб, Гомель, Чернигов, Карачев, Хотимль. В 1500 г. сын Ивана Можайского Семен уже со своим сыном

Василием при наличии большой литовской вотчины перешел на службу к Ивану III[678].

Несомненно, что для боярышни Марии Сабуровой брак с богатым и знатным князем Василием Семеновичем был очень выгоден. Василий III же был заинтересован в том, чтобы приблизить к себе родственника. Он даже добавил ему ряд волостей по реке Угре.

Следует отметить, что сватами к князю Василию Семеновичу были отправлены не родственники невесты, а бояре Яков Захарьевич Кошкин, Григорий Федорович Давыдов-Храмов и печатник Юрий Дмитриевич Траханиот[679].

Первый боярин приходился дальним родственником Марии Ярославне, матери Ивана III, второй — происходил из рода Ратшичей, но его матерью являлась дочь Якова Ивановича Кошкина, также состоявшая в родстве с Марией Ярославной. Ю.Д. Траханиот когда-то находился в свите Софьи Палеолог. Поэтому получалось, что сваты были связаны родством по женской линии с самим Василием III. Этим и объяснялось их назначение на данную должность.

Из разрядных книг известно, что муж сестры Соломонии Василий Семенович Стародубский стал вскоре одним из ведущих полководцев великого князя и сохранял это положение до самой своей смерти в 1518 г. После этого все его громадные владения перешли в казну, поскольку Мария, видимо, не родила наследника[680].

О деятельности Соломонии в качестве великой княгини в источниках мало данных. Но можно предположить, что в ее ведении были золотошвейные мастерские, где изготавливали новую одежду для всех членов великокняжеской семьи и всевозможные пелены и покровы для храмов. О какой-либо другой ее хозяйственной деятельности в источниках нет данных. Видимо, муж не передал в ее распоряжение земельные наделы прежних великих княгинь, например своей бабки Марии Ярославны, владевшей бывшим Ростовским княжеством.

Когда в октябре 1506 г. на территории Кремля была завершена постройка храма в честь Николая Гостунского, Соломония послала для украшения ее внутренних интерьеров изготовленные в ее мастерской вышивки. Василий III подарил храму икону святого в очень дорогом окладе[681].

В октябре 1507 г. состоялось перенесение мощей прародителей Василия III — великих князей Московских. Покровы на их гробницы, очевидно, были изготовлены в золотошвейной мастерской Соломонии[682].

Вскоре молодая великокняжеская семья отпраздновала

новоселье. В 1508 г. наконец-то было завершено строительство кирпичного дворца в итальянском стиле, и 7 мая состоялся переезд в новое просторное здание{683}.

Затем в том же 1508 г. были завершены великолепный Архангельский собор и небольшая одноглавая церковь в честь Иоанна Предтечи у Боровицких ворот{684}.

После этого мастера-иконописцы под руководством известного мастера Федора-иконника, сына прославленного живописца Дионисия, украсили стены храмов великолепными фресками, у икон появились новые золотые и серебряные оклады и пелены, вышитые бисером под руководством великой княгини{685}.

В первые годы правления Василий III активно занимался укреплением своего престола, поэтому вопрос об отсутствии в его семье детей, видимо, еще не стоял перед ним особенно остро. Но со временем супругов стало беспокоить бесплодие их брака. Поэтому 8 сентября 1510 г. они предприняли первую богомольную поездку по монастырям «чадородия ради». Во время ее Василий и Соломония посетили многочисленные обители Переславля-Залесского — города, являвшегося столицей Северо-Восточной Руси после Батыева нашествия, побывали в Юрьеве-Польском, Суздале, Владимире и Ростове. В Москву богомольцы вернулись только 5 декабря{686}.

До нас дошла пелена, вышитая в мастерской Соломонии под названием «Явление Богородицы святому Сергию». Она была подарена в 1524 г. Троице-Сергиевому монастырю. Во вкладной надписи содержится просьба Соломонии к Господу дать ей дар чадородия — «подать плод чреву». В клеймах одна тема — «чудо зачатия неплодных пар», а также изображение святой Соломонии с сыновьями{687}.

Василий III продолжал активно заниматься церковным строительством. Он, видимо, полагал, что так вымолит себе наследника. Перечень построенных и отремонтированных им храмов впечатляет. Это и церковь Введения Богородицы на Торгу, и храм Владимира Святого в Садах, и такие церкви, как Благовещения на Воронцовом поле, Благовещения на Ва-ганькове, Петра Чудотворца на Неглинке, Афанасия Александрийского у Фроловских ворот, и ряд других. Все они были каменными и построены итальянскими архитекторами по их проектам{688}.

Великий князь распорядился также, чтобы опытные иконописцы отреставрировали наиболее почитаемые на Руси иконы: Владимирскую Богоматерь, ряд образов из Троице-Сергиева монастыря и Успенского собора Кремля{689}.

Но все было напрасным, детей у Соломонии не было.

Поэтому уже в 1523 г. великий князь принял решение расстаться с «неплодной» женой.

В довольно поздней Псковской летописи писалось о том, что осенью 1523 г. после очередной богомольной поездки по монастырям Василий III собрал бояр и стал думать с ними «о своей великой княгине Соломонеи, что неплодна бысть». Он знал, что по церковным законам отсутствие детей в семье не могло считаться поводом для развода, поэтому решил услышать мнение бояр по этому поводу.

Участникам думы великий князь сказал следующее: «Кому по мне царствовать на Русской земли и во всех градех моих и приделах: братьи ли дам, ино братья своих уделов не умеют устраивати?» На это бояре ответили: «Неплодную смоковницу посекают и измещут из винограда», т.е. они советовали развестись с Соломонией и жениться вновь{690}.

Однако в 1523 г. Василий III не решился расстаться с супругой, поскольку против этого выступили известные церковные деятели: Вассиан Патрикеев, ученый монах Максим Грек, а также некоторые бояре{691}.

Но уже в следующем году великий князь стал все больше склоняться к разводу. По мнению А.А. Зимина, на это указывало начало строительства Новодевичьего монастыря около Москвы. С одной стороны, он мог быть заложен для «чадородия» Соломонии, с другой — в качестве обители, где великая княгиня должна была стать монахиней{692}.

В мае 1524 г. началось возведение храма Новодевичьего монастыря. Надзирать за этим важным делом было поручено старице суздальского Покровского монастыря Елене Девочкиной. По мнению А.А. Зимина, это означало, что новая обитель становилась как бы филиалом старой, где обретали покой знатные женщины{693}.

Можно предположить, что Василий III рассматривал два варианта относительно места пострижения Соломонии. В случае ее добровольного согласия стать монахиней ее обителью должен был стать подмосковный Новодевичий монастырь. При отказе это сделать по собственной воле местом ее ссылки становился суздальский Покровский монастырь.

Весной 1525 г. строительство Новодевичьего монастыря было завершено. В июле его собор в честь «Одигитрия святой Богородицы» был освящен{694}.

В 1524 г. Василий III еще ездил с Соломонией по монастырям. Осенью следующего 1525 г. великий князь отправился в богомольную поездку уже один. Значит, вопрос о разводе был окончательно решен{695}.

В официальных летописях писалось о разводе так: «В лето 1525, ноября, постриже князь Василий Иванович великую княгиню Соломонию по совету еа, тягости ради и болезни бездетства, а жил с нею 20 лет, а дети не бывали»{696}.

Из описи Царского архива известно, что перед разводом бояре из ближнего окружения Василия III рассматривали «Дело о неплодии великой княгини». Документы этого «Дела» были собраны в ходе «обыска о колдовстве», начатого 23 ноября 1525 г. Они хранились в ящике 44 Государственного архива и включали в себя «Сказки Юрья Малого и Степаниды Рязанки, и Ивана Юрьева сына Сабурова, и Машки Корелянки, и иных про немочь великой княгини Соломонии»{697}.

Из всех «сказок», входивших в «Дело», сохранился только донос брата Соломонии Ивана Юрьевича Сабурова. Он рассказал со слов своей жены Анастасии о том, что Соломония приглашала к себе известную знахарку Степаниду. Та, осмотрев великую княгиню, заявила, что детей у нее не будет, но Соломонии необходимо сохранить любовь мужа. Для этого ей следовало смачивать в заговоренной воде рубашки, порты и чехол супруга. Воду Степанида заговорила прямо в рукомойнике.

Кроме того, со слов Ивана Юрьевича, Соломония попросила разыскать безносую монахиню, которая «делала детей», наговорив волшебные слова на мед или масло. Этими снадобьями следовало натираться бесплодным женщинам. По сообщению жены Ивана Юрьевича, к Соломонии приносили заговоренные масло и мед, и она ими натиралась. В довершение брат великой княгини добавил, что к сестре в последнее время приходило много разных женок и мужей, занимавшихся колдовством{698}.

После такого сообщения церковный суд даже мог вынести Соломонии смертельный приговор, обвинив ее в колдовстве и покушении на жизнь супруга. Но великий князь не стал сгущать краски и лишь повелел постричь жену в монастырь. Этот обряд состоялся 29 ноября 1525 г. в московском монастыре Рождества на Рву{699}.

Австрийский дипломат С. Герберштейн оставил очень красочное описание обряда пострижения Соломонии. По его версии, великую княгиню насильно отвели в монастырь, хотя она плакала и рыдала. Там митрополит Даниил обрезал ей волосы и подал монашеский кукуль (головной убор), чтобы та его надела. Но Соломония бросила его на землю и растоптала. Тогда присутствующий на церемонии Иван Шигона не только отругал ее, но даже ударил плеткой, заявив: «Неужели ты дерзнешь противиться воле государя?» После этого великая княгиня упала духом, но все же продолжала призывать Бога отомстить за

нанесенные ей обиды[700].

Однако и это красочное описание Герберштейна вызывает сомнение. Дело в том, что митрополиты обычно не занимались постригом особ женского пола. Это было обязанностью игуменов монастырей. В 3-й Псковской летописи сообщалось, что Соломонию постригал игумен Никольского монастыря Давид[701]. Эта версия представляется более достоверной.

Не мог на церемонии присутствовать и Шигона Поджогин, поскольку он был светским лицом, при котором с великой княгини не могли снять головной убор и открыть ее волосы. Это было бы для нее публичным оскорблением.

Прав Герберштейн был лишь в том, что Соломония не хотела добровольно уходить в монастырь. В противном случае она оказалась бы не в суздальском Покровском, а Новодевичьем монастыре.

В некоторых источниках содержатся сведения о том, что из-за сопротивления пострижению Соломония была сослана на пять лет в Каргополь[702]. Но эти данные вряд ли достоверны.

Дело в том, что уже 7 мая 1526 г., т.е. через полгода после пострига Соломонии, Василий III пожаловал в Покровский монастырь Суздаля село Павловское Суздальского уезда. Затем 19 сентября этого же года он пожаловал уже саму старицу Софью (это имя приняла Соломония после пострижения) «в Суздале своим селом Вышеславским… до ее живота»[703]. Значит, в это время бывшая великая княгиня находилась в суздальском Покровском монастыре, а не в Каргополе.

С. Герберштейн сообщил, что вскоре после пострижения Соломония-Софья стала распространять слухи о том, что беременна, а потом даже сообщила знакомым женщинам, что родила сына Юрия. Этими женщинами были жены казначея Юрия Траханиота (уже опального) и постельничего Якова Мансурова. Когда слухи дошли до Василия III, он приказал их распространительниц наказать. Однако в монастырь, на всякий случай, он все же послал комиссию во главе с дьяками Меньшим Путятиным и Третьяком Раковым. Но с ними знатная постриженица разговаривать не стала. Поэтому вопрос о существовании сына Соломонии остался для Василия III и современников открытым[704].

В довоенное время археологи проводили исследование гробниц Покровского монастыря и в одной могиле обнаружили полуистлевшую одежду мальчика лет 3–5, покрытую бурыми пятнами и землей. Исследователи решили, что это погребение было сделано для имитации смерти несуществовавшего сына Соломонии[705].

В монастыре Соломония-София вела уединенный образ жизни. Основным ее занятием было рукоделие. Известно, что она вышила покров на раку святой Евфросинии Суздальской. Ей принадлежала икона Богоматери на липовой доске с изображением на полях святых Соломонии и Василия. Поэтому местное духовенство очень ее почитало. Сейчас в Покровском монастыре она считается местночтимой святой.

Скончалась бывшая великая княгиня Соломония-Софья 16 декабря 1542 г., пережив и супруга, и его вторую жену Елену Глинскую{706}.

Таким образом, следует сделать вывод о том, что брак Василия III и Соломонии Сабуровой оказался во всех отношениях неудачным. Но, породнившись с великими князьями, Сабуровы стали считаться элитой русского обществ. В 1571 г. на боярышне Евдокии Богдановне Сабуровой женился наследник царского престола Иван Иванович. Правда, и этот брак оказался бесплодным и в 1575 г. прекращен.

Но родство Сабуровых с представителями правящего дома способствовало возвышению и младших членов их рода — Годуновых. Малозаметные дворяне этой фамилии смогли получить достаточно высокие должности в войске сначала при Василии III, а потом и при дворе Ивана IV. Общими усилиями Годуновы добились того, что их родственница Ирина Федоровна стала женой царевича Федора, который в 1584 г. унаследовал отцов престол. В 1598 г. царь Федор Иванович скончался, не оставив потомства, поэтому престол унаследовал брат царицы Ирины Б.Ф. Годунов.

Однако невероятный взлет не самого знатного боярина на вершину власти вскоре привел к массовому нестроению в Русском государстве — к Великой Смуте, едва не завершившейся гибелью страны. Первопричину же ее можно увидеть в женитьбе Василия III на Соломонии Сабуровой — дочери рядового дворянина из костромского боярского рода.

Напротив, другой брак — царя Ивана Грозного и Анастасии Романовны Захарьиной, из старомосковского боярского рода, — привел к избранию на престол после Смуты внучатого племянника царицы — Михаила Федоровича, ставшего родоначальником династии Романовых.

Все это говорит о том, что вопрос, на ком женились русские государи, не должен игнорироваться историками. Его следует тщательно исследоваться на основе достоверных источников и выяснять, какое влияние этот брак оказывал на правление этого монарха и к чему приводил в будущем.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Хорошо известно, что с XIII в. начался один из труднейших периодов в истории Русского государства. Начавшийся еще раньше процесс распада бывшего Древнерусского государства стал более очевидным и интенсивным. Отдельные княжества не смогли дать отпор полчищам Батыя и были завоеваны. Но с XIV в. начался постепенный процесс возрождения Руси. Правда, некогда богатые и сильные южные княжества Киевское, Черниговское, Переяславское так и не смогли возродиться. Их земли были постепенно захвачены литовскими князьями и вошли в состав Великого княжества Литовского.

Только на северо-востоке у Русского государства появился шанс возродиться в качестве независимого национального образования. Но этот процесс был сложен и труден и занял два с лишним века. Главную роль в нем сыграли, как известно, московские князья. Правда, исследователи не учитывают, что их помощницами являлись и женщины из их окружения: матери, жены и сестры. Они воспитывали и растили юных правителей, защищали самыми различными способами их права на отцово наследство и власть, рачительно хозяйствуя, приумножали казну и расширяли земельные владения. Родственники жен, укрепляя положение князей, оказывали им существенную помощь в борьбе с соперниками и врагами. Без учета этой роли женщин невозможно правильно понять суть многих событий данного времени и дать им верную оценку.

Изучая период XIII–XVI вв. в истории Русского государства, можно заметить, что роль знатных женщин в политической и экономической жизни страны менялась. В XIII в. княгиням приходилось использовать самые разнообразные способы, чтобы выжить и поднять на ноги рано осиротевших маленьких детей. Поэтому в это время родство по женской линии стало играть такую же большую роль, как и по мужской. Оно непременно учитывалось при отстаивании князей своих прав на те или иные земельные владения.

В Северо-Восточной Руси после Батыева нашествия ситуация была весьма драматичной. На Ростовском и Ярославском княжении оказались лишь вдовы с маленькими детьми. Чтобы отстоять права сыновей на отцовы владения, княгиням пришлось прибегнуть даже к помощи ханской администрации и породниться с ордынцами.

В итоге ростовская княгиня Мария Михайловна закрепила Ростов за старшим сыном Борисом, а Глебу выхлопотала

Белоозеро. Ярославская княгиня Марина Олеговна даже добилась небывалого — она смогла сохранить свое княжество в виде приданого внучки. Когда та подросла, бабушка выдала ее замуж за смоленского князя Федора Ростиславича. Так была продолжена династия самостоятельных ярославских правителей.

С начала XIV в. у знатных женщин Северо-Восточной Руси появилась новая цель — помогать мужьям и сыновьям приращивать земли к наследственным владениям и бороться за лидерство среди остальных князей Рюриковичей.

Тверской княгине Ксении Юрьевне, второй жене великого князя Ярослава Ярославича, удалось так возвысить своего сына Михаила Ярославича, что он включился в борьбу за великое княжение Владимирское и получил от хана заветный ярлык. Правда, его соперником вскоре выступил московский князь Юрий Данилович, который, женившись на сестре хана Узбека, переиграл тверского князя. Не желая признавать поражение, Михаил Тверской, а потом и его сын Дмитрий пошли на подлые убийства. Но за это и сами сложили головы.

Московские князья, не имевшие сначала ни малейшего шанса на верховную власть, смогли укрепить свое положение с помощью родственников жен и за счет их приданого постепенно расширили свои земельные владения. Характерно, что они предпочитали жениться на девушках из соседних княжеств — Рязанского, Ростовского, Белозерского, Ярославского, Юрьевского и Дмитровского, а не из дальнего зарубежья. В итоге Иван Калита в разы увеличил свой удел, а Дмитрий Донской вышел на Куликово поле в окружении двоюродных братьев, дядьев и племянников. Близкое родство способствовало сплочению воинов и обеспечило великому князю блестящую победу над Мамаем в 1380 г.

Успехи московских князей привели к тому, что верховную власть над северо-восточными Русскими землями они стали передавать по наследству сыновьям. Главный город Московского княжества Москва, когда-то небольшая крепостица на Боровицком холме, превратился в общерусскую столицу.

Но первоначально Москва была только политическим и религиозным центром. В культурном отношении она уступала и Владимиру, и Суздалю, и даже Ростову. Только благодаря усилиям ряда великих княгинь, в первую очередь жены Дмитрия Донского Евдокии Дмитриевны, в городе появились замечательные постройки, храмы и терема, украшенные великолепными живописными произведениями — фресками и иконами. Приглашенные княгиней известные иконописцы Феофан Грек, Семен Черный, Андрей Рублев, Даниил Иконник, Прохор из Городца расписали кремлевские храмы и создали

шедевры иконописного искусства, прославившие Москву. Это постепенно превратило город общерусскую культурную столицу.

Достойной продолжательницей традиций, заложенных русскими княгинями, стала литовская княжна Софья Витовтовна, оказавшаяся вместе с мужем на русском престоле. Она всегда поддерживала своего супруга Василия I, а потом и сына Василия II в трудную минуту, строила храмы, покровительствовала церквям и монастырям. При этом ей удалось так приумножить земельные владения семьи, что внукам и внучкам она смогла завещать приобретенные на свои доходы волости и села.

Другая литовская княжна, Елена Ольгердовна — жена Владимира Храброго, стремясь упрочить положение своей семьи, выдала замуж за великого князя Василия II одну из внучек, Марию. Но это привело лишь к тому, что Серпухово-Боровское княжество потеряло самостоятельность и вошло в состав великого княжения. В данном случае удельная княгиня не смогла противодействовать объединительным тенденциям, возникшим в Московской Руси в XV в.

Супруга Василия II великая княгиня Мария Ярославна перенесла много тягот и невзгод во время длительной междоусобной борьбы за великое княжение, разгоревшейся между наследниками Дмитрия Донского во второй половине XV в. Весь этот тяжелый период она была надежной опорой мужа и заботилась о своем многочисленном, постоянно растущем семействе.

Будучи рачительной хозяйкой, великая княгиня получила сначала от мужа, а потом и от сына Ивана III Ростовское княжество и стала умело им управлять. При этом она продолжала оставаться главной советчицей сына — первого государя независимой страны. В достигнутых им успехах по формированию централизованного государства есть и ее заслуга.

Таким образом, следует сделать вывод о том, что при изучении самого тяжелого периода в истории Русского государства — феодальной раздробленности и ордынского ига, нельзя игнорировать роль и деятельность женщин в это время. Ведь именно они укрепляли с помощью своих родственников положение мужей и сыновей, давали им мудрые советы, рачительно хозяйствуя, увеличивали земли и казну своих княжеств. Следует помнить и об их большом вкладе в развитие средневековой русской культуры.

Женщины, находившиеся в окружении великого князя и государя Ивана III, сыграли важную роль в формировании Русского централизованного государства, расширении его международных связей и существенном увеличении территории.

Первая супруга Ивана III тверская княжна Мария Борисовна прожила короткую жизнь и, казалось, не оставила заметного следа в истории страны. Но благодаря браку с ней великий князь Московский Иван III стал активно вмешиваться в дела Тверского княжества и в итоге присоединил его к своим владениям.

Вторая супруга Ивана Васильевича византийская принцесса Софья Палеолог помогла ему существенно расширить международные связи и наладить тесные контакты с итальянскими городами-государствами и римским духовенством и римским императором. При содействии Софьи в Москву приехало много различных специалистов, которые построили великолепный Кремль, наладили отливку пушек, добычу металлов, чеканку монет, изготовление ювелирных украшений и многое другое.

Двор великого князя стал пышным, многолюдным и помпезным со сложным этикетом, похожим на византийский. На московской службе оказалось много знатных греков и итальянцев, приехавших с Софьей или по ее приглашению. О Русском государстве узнали во всем цивилизованном мире того времени, поэтому обмен посольствами с европейскими странами стал достаточно частым и интенсивным. Дружить с московским государем захотели многие европейские монархи, поскольку надеялись вовлечь его в антитурецкую коалицию.

Несомненно, что женитьба на византийской принцессе подняла престиж самого русского правителя. Поэтому породниться с ним захотели представители других европейских династий. Молдавский господарь Стефан Великий предложил в невесты наследнику московского престола Ивану Молодому свою дочь Елену, прозванную Волошанкой. Великий князь Литовский Александр посватался к княжне Елене, дочери Ивана III и Софьи Фоминичны.

Елена Волошанка способствовала распространению на русской почве образцов молдавской культуры, покровительствовала еретикам-вольнодумцам.

Княжна Елена Ивановна, напротив, демонстрировала в Литве свою незыблемую приверженность православной вере и старалась покровительствовать литовским православным людям. Этим она способствовала росту авторитета своего отца в землях, некогда входивших в состав Древнерусского государства. Для Ивана III это было особенно важным, поскольку основным направлением его внешней политики являлась борьба с великими князьями литовскими за древнерусское наследие.

Сестра Ивана III великая княгиня Рязанская Анна проводила в своем княжестве промосковскую политику. Она часто ездила к

матери и брату для совета по всем важнейшим вопросам. Это привело к тому, что Рязанское княжество постепенно потеряло самостоятельность и было включено в состав Русского государства.

Менее заметную роль сыграла жена Василия III Соломония Сабурова. Ей не удалось родить наследника престола, поэтому великий князь развелся с ней. Но представители ее рода вошли в элиту русского общества, поэтому цари продолжали с ними родниться. Это привело к тому, что после смерти бездетного царя Федора Ивановича на престоле оказался брат царицы Ирины Б.Ф. Годунов из средней ветви рода Сабуровых.

Таким образом, при участии великих княгинь Московских международный престиж Русского государства поднялся на небывало высокий уровень. Это поставило страну в один ранг с крупнейшими европейскими державами.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Даты, относящиеся к жизни Марии Тверянки

1425 — приход к власти в Твери отца Бориса Александровича
1440 — рождение Ивана III
1442 — рождение Марии
1447 — обручение Ивана и Марии
1451 — смерть матери Анастасии Андреевны
1452 — брак Марии и Ивана III
1453 — женитьба отца на Анастасии Александровне
1454 — рождение брата Михаила
1456 — проводы иконы Смоленской Богоматери и изготовление пелены с ее изображением 1458 — рождение сына Ивана
1461 — смерть отца
1462 — смерть Василия II и приход к власти Ивана III
22.04.1467 — смерть Марии Борисовны
1483 — ухудшение отношений Москвы с Тверью
1486 — бегство Михаила Борисовича в Литву и присоединение Твери к Москве

Даты, относящиеся к жизни Софьи Палеолог

1429 — брак родителей Фомы и Екатерины
1432 — рождение сестры Елены
1437 — уния византийского духовенства с католиками
Вторая пол. 40-х гг. XV в. — рождение Софьи
1449 — приход Фомы к власти в Морее
1453 — рождение брата Андрея.
1453 — взятие Константинополя турками
1455 — рождение брата Мануила
1460 — взятие Морей турками, бегство на о. Корфу
1462 — смерть матери Екатерины
1465 — смерть отца Фомы, опекунство кардинала Виссариона; переговоры о браке с Иваном III
1.06. 1472 — заочное обручение с Иваном III
24.06.1472 — отъезд из Рима в Москву
12.11.1472 — въезд в Москву и венчание с Иваном III
18.04.1474 — рождение дочери Елены; посольство от братьев

28.05.1474 — рождение дочери Феодосии
25.03.1479 — рождение сына Василия
23.03.1479 — рождение сына Юрия
05.1480 — приезд брата Андрея
Осень 1480 — Стояние на Уфе, отъезд Софьи на Белоозеро
6.10.1481 — рождение сына Дмитрия
01.1483 — свадьба Ивана Молодого и Елены Волошанки
1483 — рождение дочери Евдокии, свадьба Марии Андреевны и Василия Верейского
10.1483 — появление на свет Дмитрия-внука
1487 — рождение сына Семена
1490 — рождение сына Андрея, смерть Ивана Молодого
1491 — постройка Грановитой палаты
1494 — свадьба Елены и Александра Казимировича
1497 — опала Василия и Софьи
1498 — венчание на великое княжение Дмитрия-внука
1499 — провозглашение Василия великим князем
1500 — свадьба Феодосии и кн. В.Д. Холмского
1501 — неудачные переговоры о браке Василия с датской принцессой, смерть Феодосии
1501 — опала Дмитрия-внука и Елены Волошанки
7.04.1503 — смерть Софьи
23.10.1505 — смерть Ивана III

Даты, относящиеся к жизни Елены Волошанки

1457 — приход Стефана Великого к власти в Молдавии
1458 — рождение Ивана Молодого
1467 — победа Стефана над Венгрией
1475 — разгром Стефаном турецкой армии
Конец 70-х гг. XV в. — первые переговоры о браке Ивана Молодого и Елены
1481 — окончательное решение вопроса о браке Ивана Молодого и Елены
12.1482 — приезд Елены в Москву
12.01.1483 — свадьба Елены и Ивана Молодого
10.10.1483 — рождение Дмитрия-внука
26.10.1483 — крещение Дмитрия и конфликт из-за драгоценностей Марии Тверянки
1485 — поход Ивана III на Тверь, вокняжение Ивана Молодого в Твери
1488 — возвращение Ивана Молодого семьей в Москву

7.03.1490 — смерть Ивана Молодого

1496 — поездка Дмитрия-внука с Иваном III в Новгород

1498 — венчание Дмитрия-внука на великое княжение 1500 — ухудшение отношений Ивана III со Стефаном Великим

12.1501 — разоблачение еретиков

04.1501 — опала Елены Волошанки и Дмитрия-внука

1503 — собор на еретиков

1505 — смерть Елены Волошанки

Даты, относящиеся к жизни княжны Елены Ивановны

1461 — рождение Александра Казимировича

1474 — рождение Елены Ивановны

1492 — провозглашение Александра великим князем Литовским

1493 — сватовство Александра к Елене

1494 — заключение брака между Еленой и Александром

1496 — конфликт Александра с Иваном III

1497 — неудачная беременность Елены

1499 — обострение отношений между Россией и Литвой

1500 — нападение русских войск на Литву

1501 — провозглашение Александра Казимировича польским королем

1502 — письма Елены к родителям и братьям

1503 — заключение мирного договора между Россией и Литвой

1506 — смерть Александра Казимировича

1512 — арест Елены, начало Смоленских походов

Конец 1513 — смерть Елены

1514 — взятие Смоленска Василием III

Даты, относящиеся к жизни Анны Рязанской

1387 — брак Софьи Дмитриевны и Федора Олеговича

Ок. 1444 — рождение Анны Васильевны

1448 — рождение княжича Василия Ивановича

1456 — смерть Ивана Федоровича и переезд княжича Василия в Москву

1463 — отъезд Василия Ивановича в Рязань

22.01.1464 — женитьба Василия Ивановича на Анне

Васильевне

1467 — рождение княжича Ивана Васильевича

Ок. 1470 — рождение княжича Федора Васильевича

Ок. 1480 — рождение княжны Ирины Васильевны

1483 — смерть Василия Ивановича и признание Иваном Васильевичем зависимости от Ивана III

1485 — брак Ивана Васильевича и Агриппины Бабич

1494 — король Казимир признает зависимость Рязани от Москвы

1496 — рождение княжича Ивана Ивановича

1497 — брак Ирины и кн. Ф.И. Вельского

1500 — переход на русскую службу князей Вельских

1501 — смерть Ивана Васильевича и Анны Васильевны

1508 — смерть Федора Васильевича

1508 — переход на русскую службу князей Друцких

1510 — постриг княгини Агриппины в монастырь

1520–1521 — конфликт Ивана Ивановича с Василием III, бегство рязанского князя в Литву и присоединение Рязани к Москве.

Даты, связанные с жизнью Соломонии Сабуровой

1447 — М.Ф. Сабуров привез из плена великую княгиню Софью Витовтовну

1478 — С.Ф. Пешек Сабуров возглавил полк великой княгини Марии Ярославны во время похода Ивана III на Новгород

Ок. 1490 — рождение Соломонии

1501 — назначение Ю.К. Сабурова наместником в Кореле

4.09.1505 — свадьба Соломонии и Василия III

1506 — свадьба Марии Сабуровой и кн. В.С. Стародубского

1508 — переезд Соломонии и Василия III в новый дворец

1509 — получение Ю.К. Сабуровым окольничества

1510 — богомольная поездка Соломонии и Василия III по монастырям

1511–1512 — смерть Ю.К. Сабурова

1518 — смерть кн. В.С. Стародубского

1522 — назначение И.Ю. Сабурова рындой

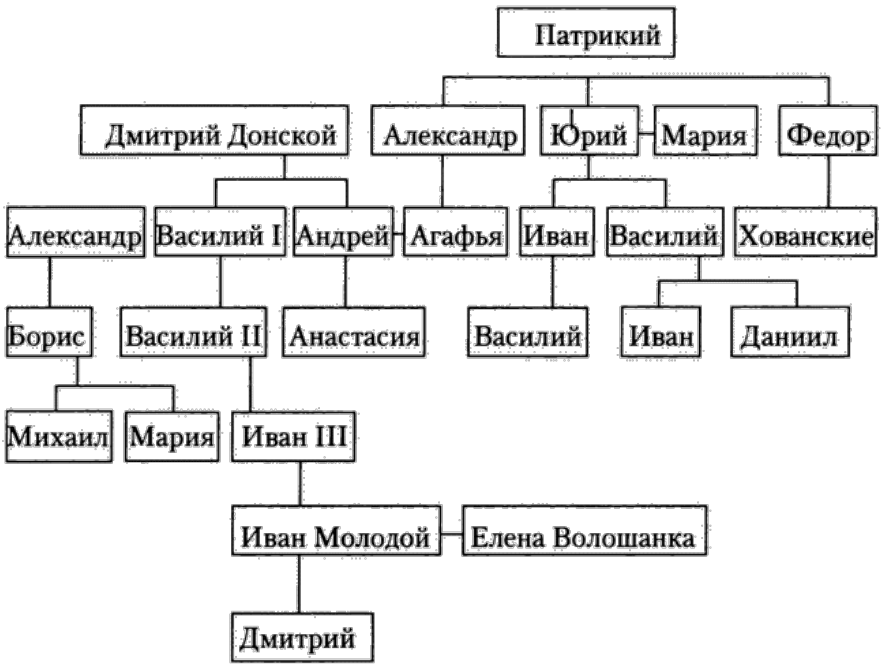
1524 — вклад Соломонии в Троице-Сергиев монастырь пелены «Явление Богоматери святому Сергию»

1524 — начало строительства Новодевичьего монастыря

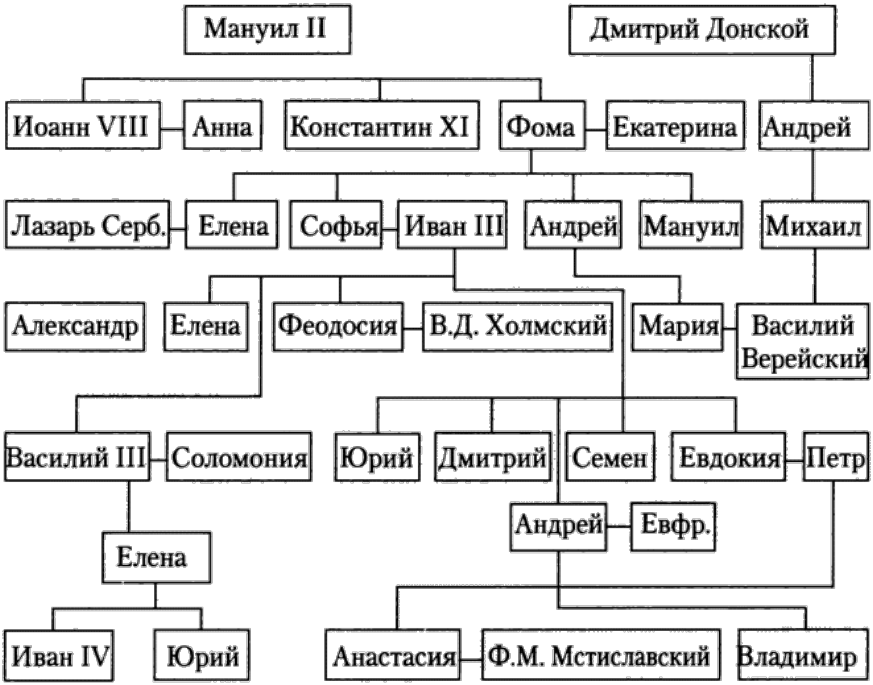
11.1525 — развод Василия III с Соломонией и постриг ее в монастырь

21.01.1526 — женитьба Василия III на Елене Глинской
7.05.1526 вклад Василия III села в Покровский монастырь
4.12. 1533 — смерть Василия III
1542 — смерть Соломонии-Софьи

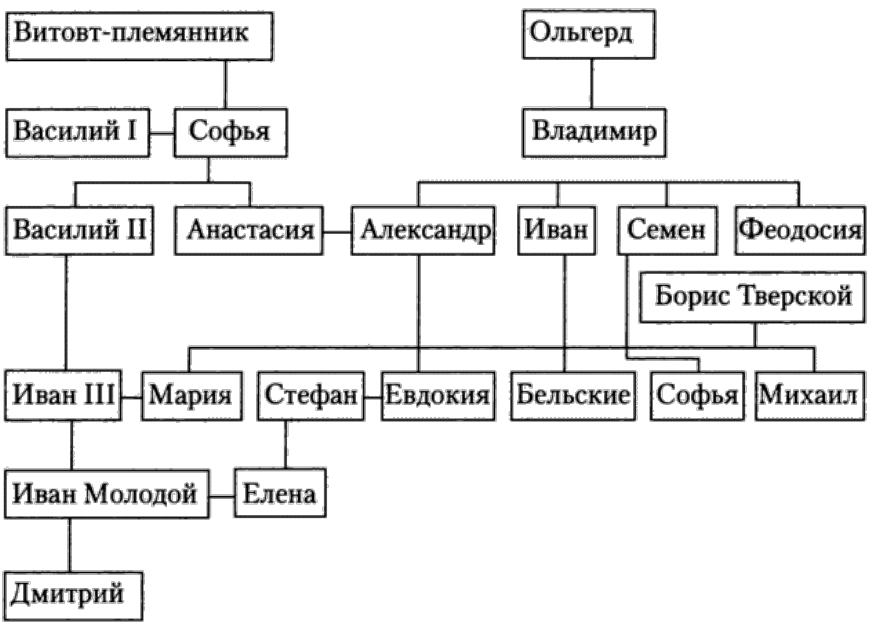
Родственные связи Марии Тверянки



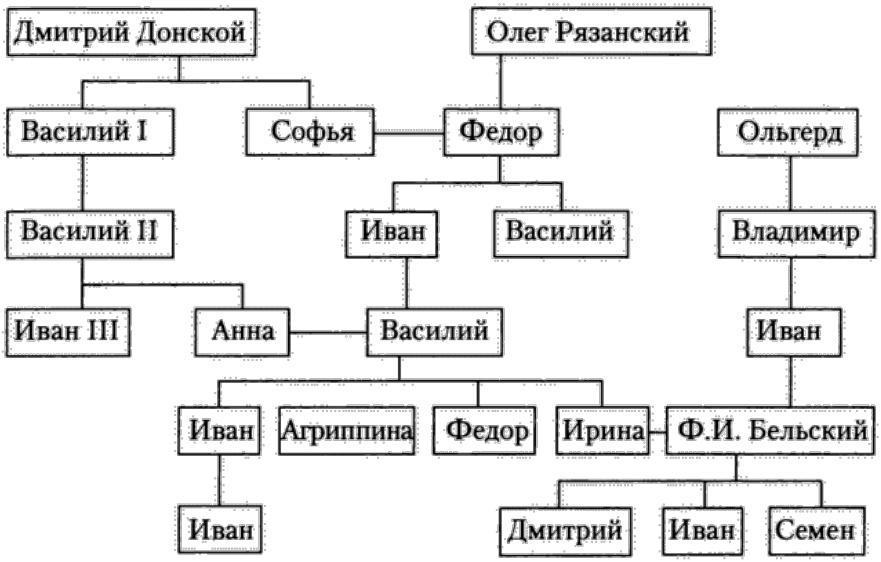
Родственные связи Софьи Палеолог



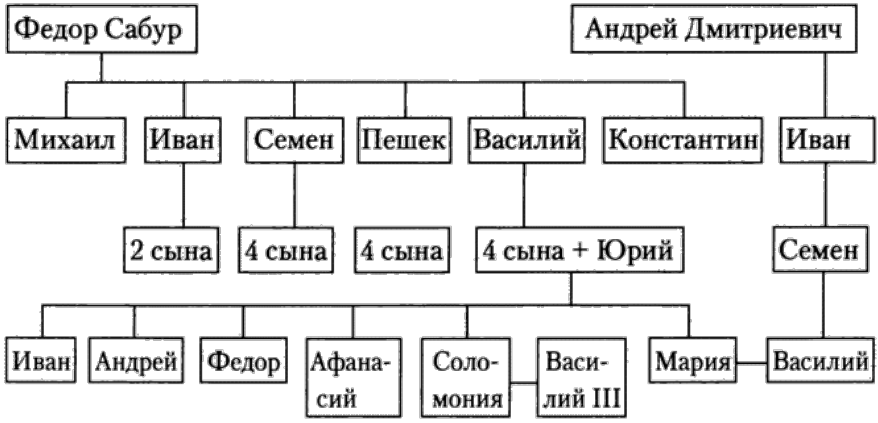
Родственные связи Елены Волошанки



Родственные связи Анны Рязанской



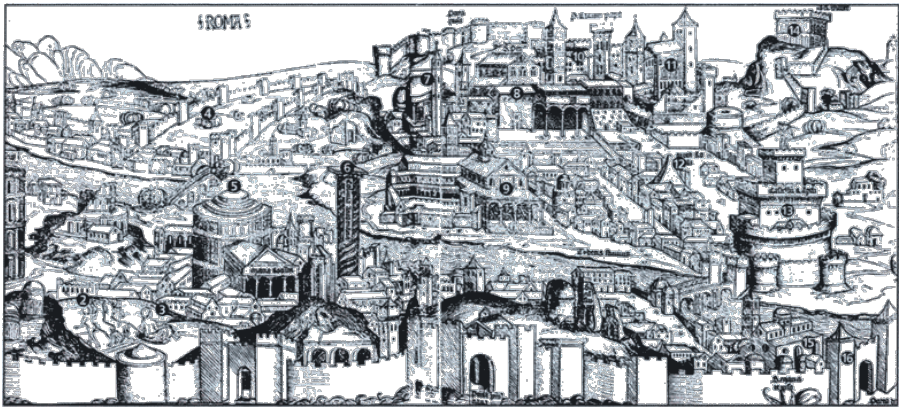
Родственные связи Соломонии Сабуровой



ИЛЛЮСТРАЦИИ

Фома Палеолог — отец Софьи. С фрески XV в.

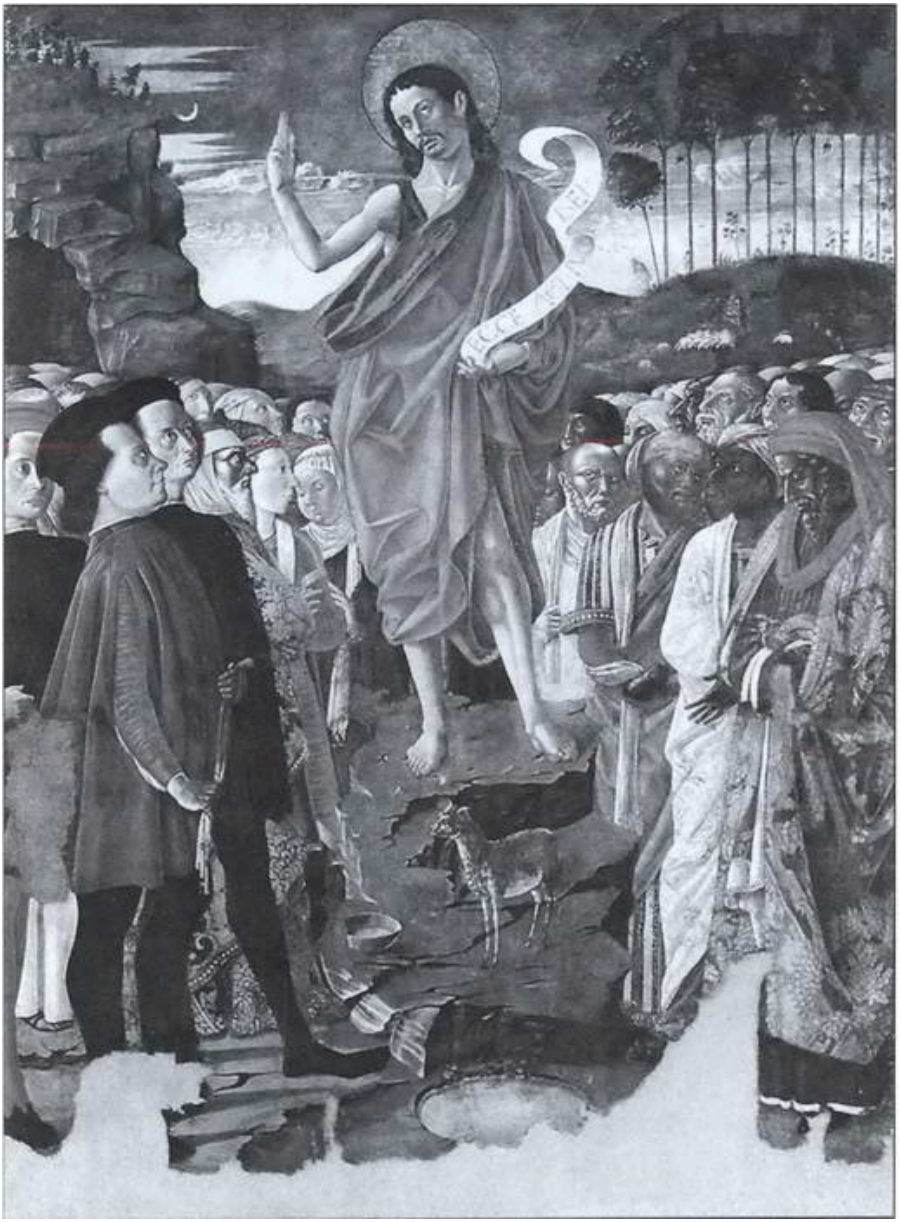
Император Иоанн VIII Палеолог — дядя Софьи. С фрески XV в.



Вид Рима в конце XV в.

Кардинал Виссарион Никейский. Около 1473 г.

Папа Сикст IV. Около 1473 г.



Хоругвь. Проповедь Иоанна Крестителя из Ораторио Сан Джованни в Урбино. Исследователи полагают, что здесь изображены Виссарион и София Палеолог (3-й и 4-й персонажи слева)

Герб византийской династии Палеологов

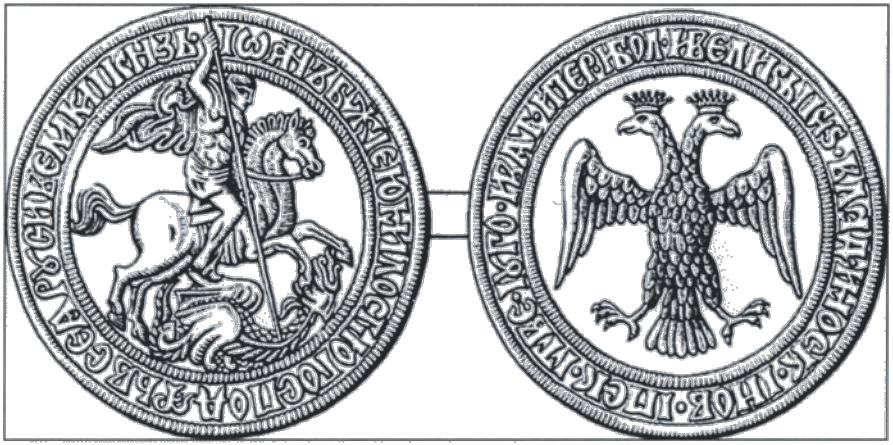
Посол Иван Фрезин вручает Ивану III портрет его невесты Софьи Палеолог. Рисунок В.В. Муйжеля. До 1924 г.

Отъезд Софьи Палеолог из Рима в Москву. Лицевой летописный свод. XVI в.

Встреча псковскими посадниками и боярами Софьи Палеолог — невесты Великого князя Московского Ивана III. Художник Ф.А. Бронников. 1883 г.

Венчание Ивана III с Софьей Палеолог в 1472 г.

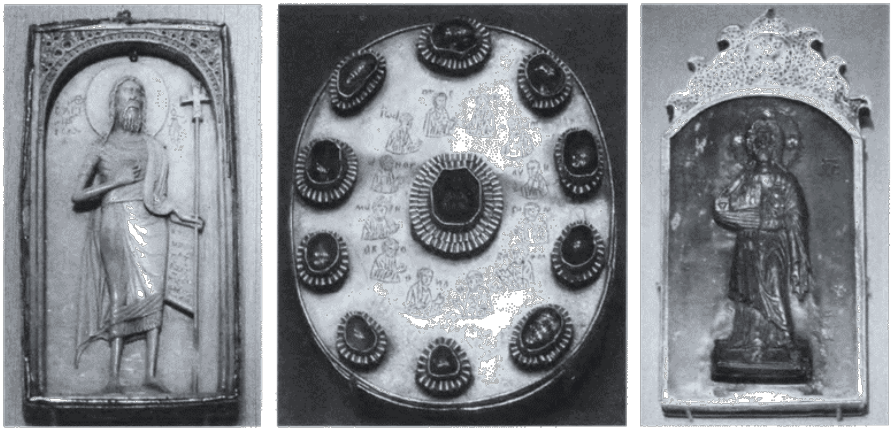
Великий князь Иван III. Гравюра XVII в.



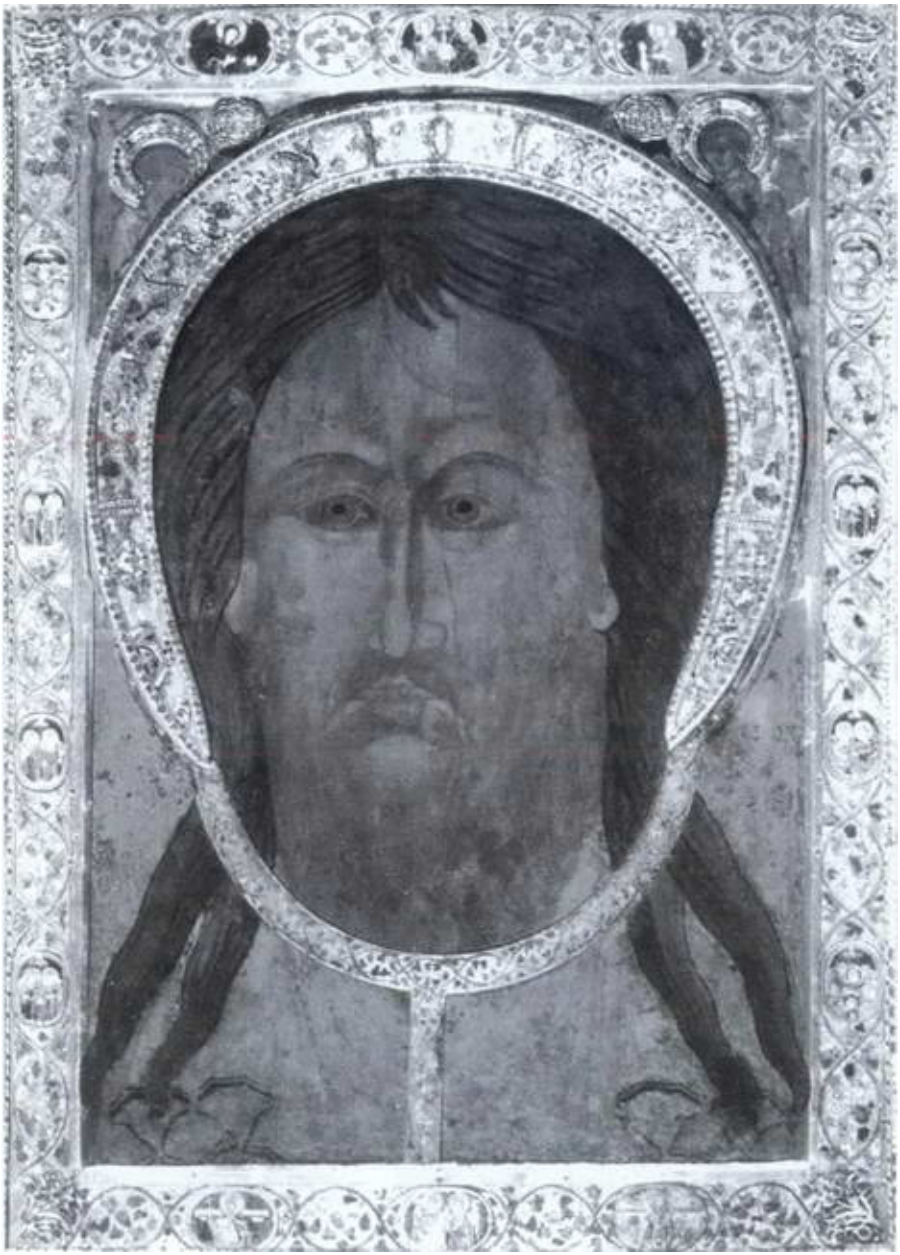
Печать великого князя Ивана III Васильевича с изображением двуглавого орла. 1497 г.

Софья Палеолог. Реконструкция по черепу С. Никитина

Пелена из Троще-Сергиевой лавры вышитая Софьей Палеолог 1499 г. в монастырь



Резные иконы и мощевик, предположительно привезенные Софьей Палеолог из Рима

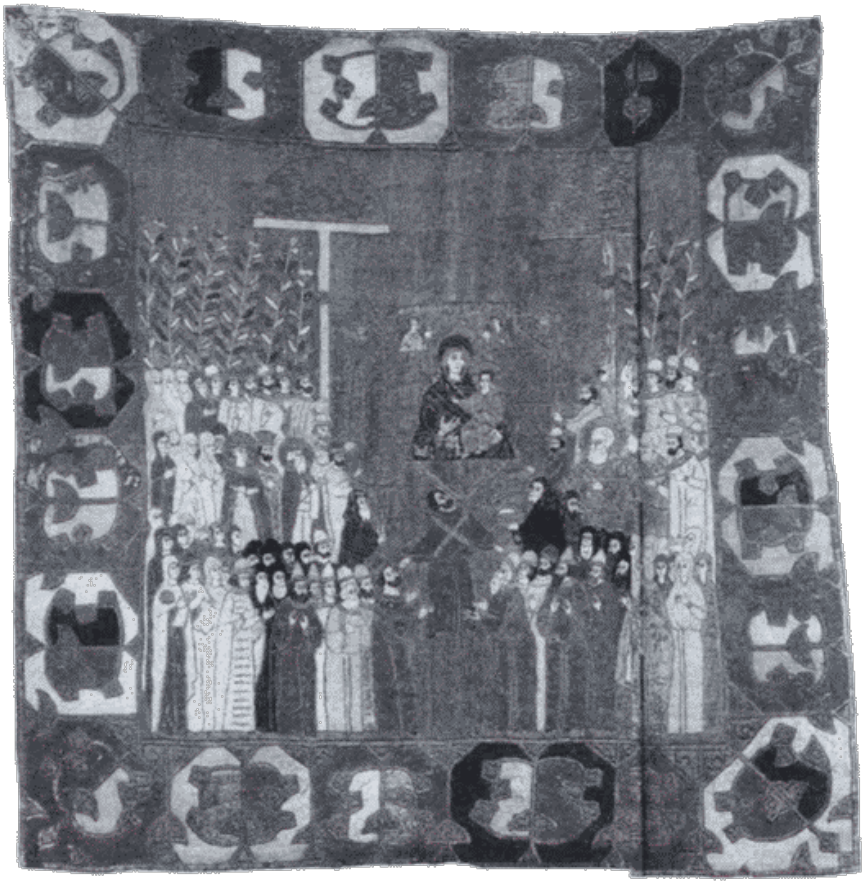


Спас Нерукотворный. По преданию, образ был привезен в Москву из Рима Софьей Палеолог

Щ҃ѧ҇ніе венеціискоі моуламрьѧри

Строительство нового Успенского собора. Лицевой летописный свод. XVI в.

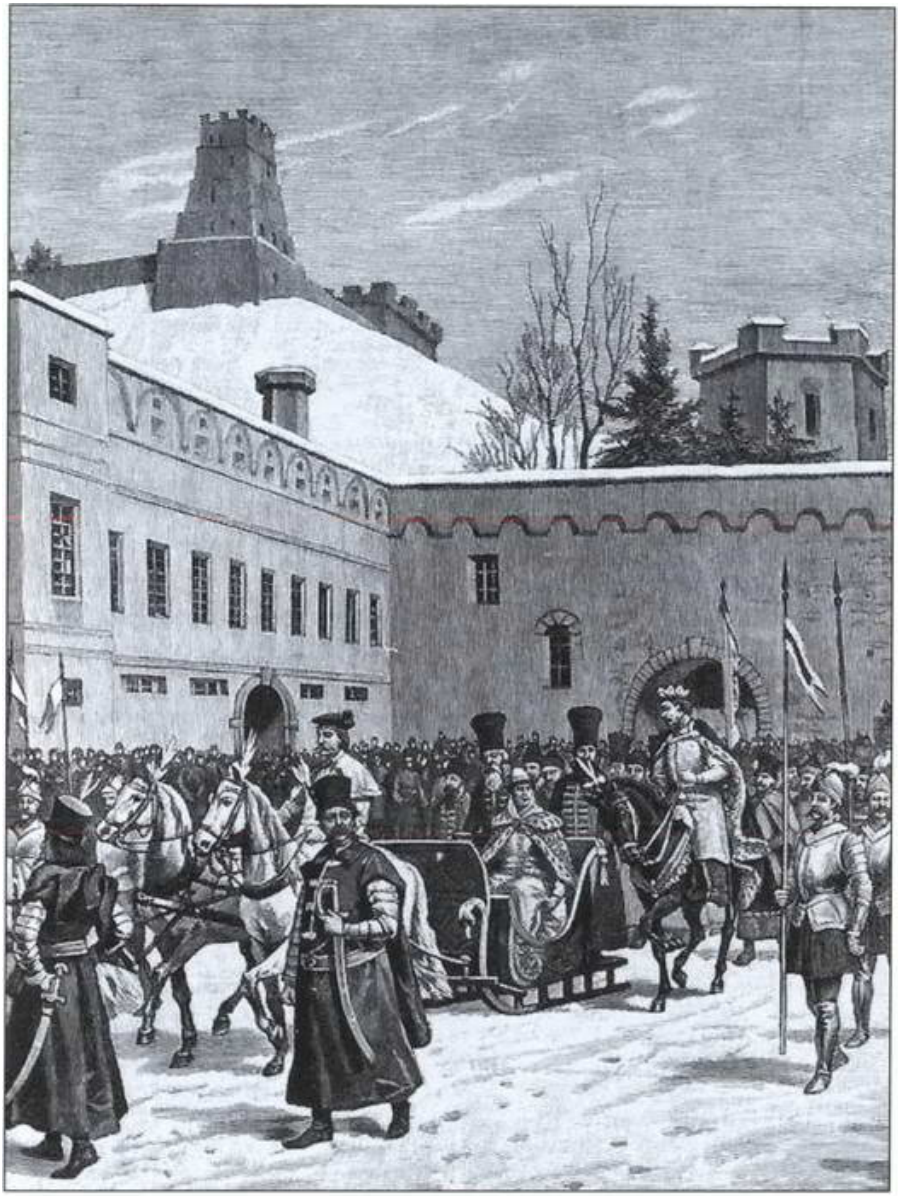
Успенский собор Московского Кремля. Фото конца XIX в.



Пелена Елены Волошанки с изображением великокняжеской семьи. 1498 г.

Крайняя слева в нижнем ряду — Софья Палеолог, за ней две ее незамужние дочери Феодора и Евдокия и между ними невестка великого князя — Елена Стефановна. Деталь Пелены Елены Волошанки. 1498 г.

Слева с нимбом и в короне Иван III, рядом с ним с нимбом и со скрещенными руками — его внук Дмитрий, за ними в короне без нимба сын Ивана III Василий. Деталь Пелены Елены Волошанки. 1498 г.

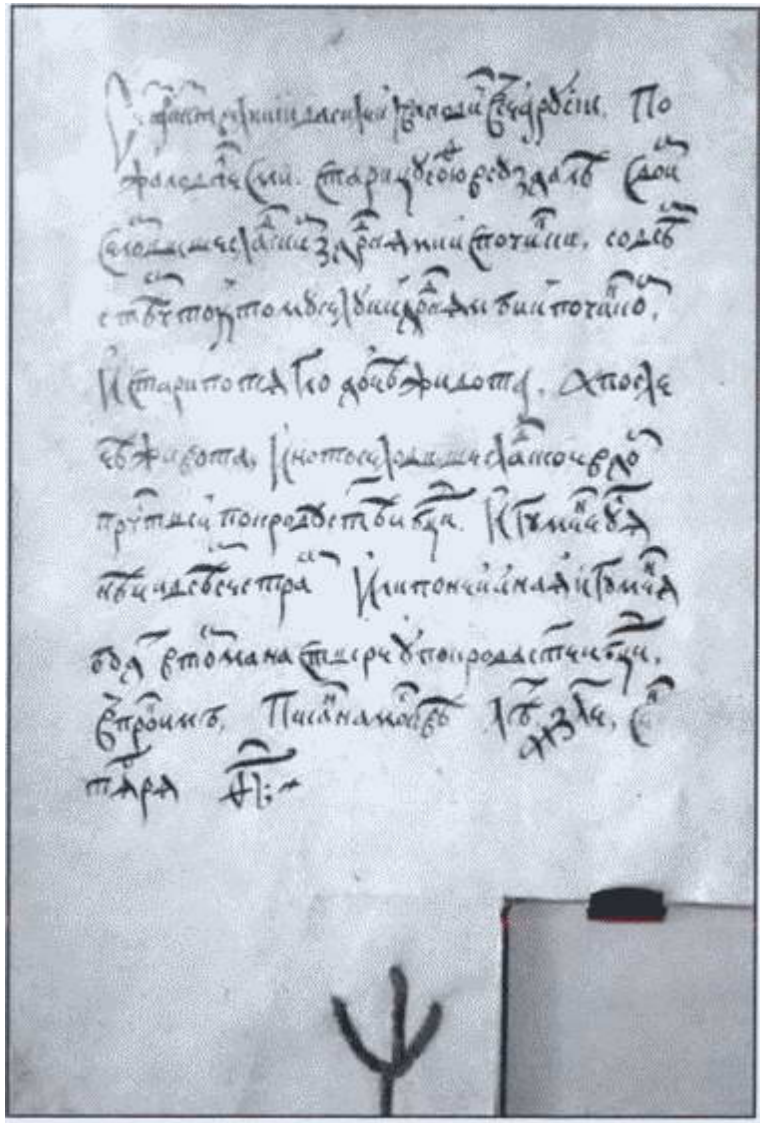


Великий князь литовский Александр встречает невесту Елену, дочь Иоанна III, в Вильне в 1495 г. Гравюра по рисунку Н.Д. Дмитриева-Оренбургского. Вторая пол. XIX в.

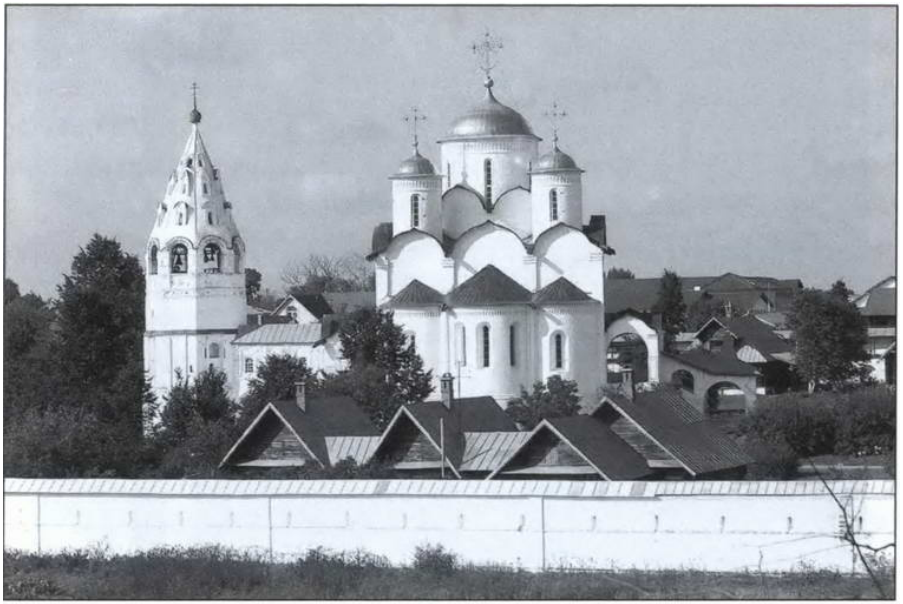
Вильно — столица Великого княжества Литовского. Гравюра XVII в.

Великий князь литовский Александр Ягеллончик и Елена Ивановна. Гравюра XVI в.

Преподобная София Суздальская. Икона XVII в.



Грамота монахини Софии (Соломонии Сабуровой) на село Вышеславское



Покровский монастырь в Суздале, где находятся мощи преподобной Софии (Соломонии Сабуровой)

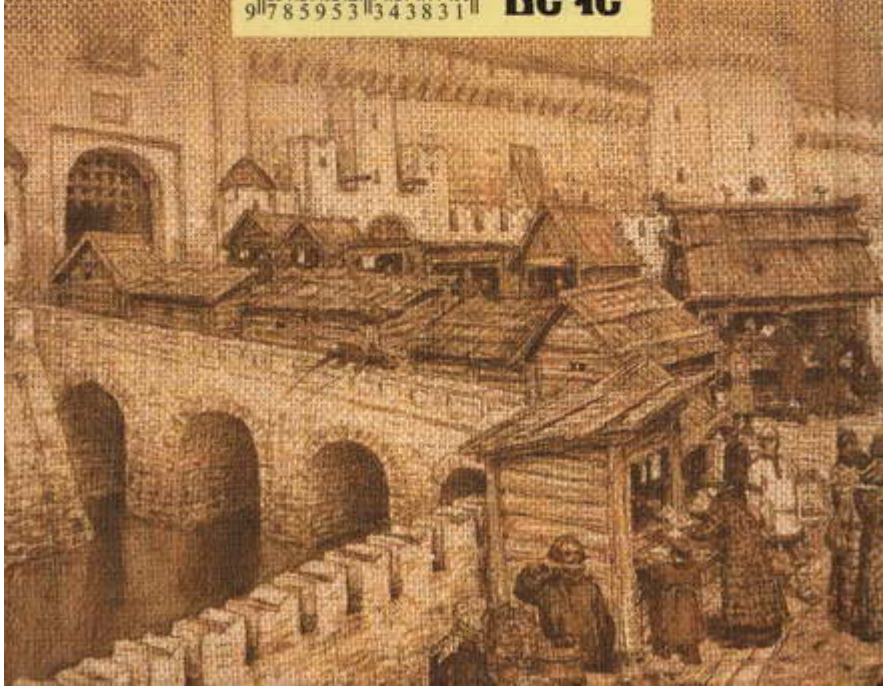
Пелена работы великой княгини Соломонии Сабуровой «Явление Божией Матери Преподобному Сергию»

Рака с мощами Преподобной Софии Суздальской

* * *

Эта книга посвящена женщинам, входящим в окружение великого князя и государя Ивана III. Именно они являлись главными его помощницами при создании Русского централизованного государства. Первая супруга, Мария Тверянка, невольно способствовала присоединению к Москве Тверского княжества, а сестра Анна — Рязанского княжества. Вторая супруга, византийская царевна Софья Палеолог, помогла расширить международные контакты и привлечь на русскую службу самых разных специалистов. И, наконец, дочь Елена, став польской королевой, отстаивала интересы отца в Польско-Литовском государстве.

ISBN 978-5-9533-4383-1



comments

Ссылки

1

Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. V–VIII. Калуга, 1993. С. 176.

ПСРЛ. Т. 15. М., 2000. Л. 488–489.

3

Там же. Л. 490–492.

4

Московский летописный свод конца XV в. Рязань, 2000. С. 359.

ПСРЛ. Т. 15. С. 493–494.

Там же. С. 494.

Там же. С. 495–496.

Там же. С. 497.

Там же. С. 498–499.

Московский свод конца XV в. С. 359.

11

Там же. С. 364, 371.

12

Там же. С. 375, 376.

13

ПСРЛ. Т. 18. М., 2007. С. 201, 208, 216, 217; ПСРЛ. Т. 39. М., 1994. Л. 256, 257, 259; ПСРЛ. Т. 37. Л., 1982. С. 88–91.

Московский свод конца XV в. С. 379.

ПСРЛ. Т. 23. М., 2004.

16

Там же. С. 153–154.

17

Там же. С. 155.

18

Там же. С. 156.

19

Там же. С. 158.

ПСРЛ. Т. 27. М., 2007. С. 113, 118.

21

Там же. С. 124.

22

Там же. С. 276.

Воскресенская летопись. Рязань, 1998. Т. 3. С. 164, 171.

24

Там же. С. 204–205.

25

Лурье Я.С. Летопись Львовская // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2 (вторая половина XIV–XVI вв.). Ч. 2. Л., 1989. С. 44–45.

ПСРЛ. Т. 20. М., 2005. С. 260–261.

27

Там же. С. 262.

28

Там же.

29

Там же. С. 277.

30

ЧОИДР. 1847. № 7. Разд. IV. Смесь. С. 11.

31

Памятники древнерусской письменности. СПб., 1908. № 168. С. 42–52.

32

Герберштейн Сигизмунд. Записки о Московии. М., 1988. С. 65, 66, 147.

33

ПСРЛ. Т. 15. С. 489.

Московский свод конца XV в. С. 316.

Алексеев Ю.Г. Государь всея Руси. Новосибирск, 1991. С. 45.

ПСРЛ. Т. 15. С.494.

37

Там же.

Там же. С. 495.

Маясова И.Л. Памятник шитья московских великокняжеских светлиц XV в. С. 56–70.

Там же.

41

Московский свод конца XV в. С. 370–371.

Там же. С. 371.

43

Там же.

ПСРЛ. Т. 23. С. 155.

Московский свод конца XV в. С. 371.

Там же. С. 372–373.

Там же. С. 373.

Там же. С. 374.

Там же. С. 375.

Там же. С. 376.

51

Там же. С. 374.

Там же. С. 376–377.

Там же. С. 378.

Там же.

ПСРЛ. Т. 20. С. 277.

ПСРЛ. Т. 39. Л. 259.

Там же.

Воскресенская летопись. Т. 3. С. 204–205.

59

Разрядная книга 1475–1605. Т. 1. Ч. 1. Л. 5.

Московский свод конца XV в. С. 374, 377.

Веселовский С.Б. Дьяка и подьячие XV–XVI вв. М., 1975. С. 420–421.

Он же. Ономастикой. М., 1974. С. 46.

Московский свод конца XV в. С. 379.

ПСРЛ. Т. 15. С. 498–499.

Там же.

Там же. С. 500.

Московский свод конца XV в. С. 379–382.

Памятники дипломатических сношений древней России с папским двором и итальянскими государствами Россия и Италия. Т. I-III. СПб., 1911–1915.

Барбаро и Контарини о России. Л., 1971; *Герберштейн С.* Записки о Московии. М., 1988.

Шахматов А.А. Обозрение русских летописных сводов XIV–XVI веков. М.; Л., 1938. С. 256.

ПСРЛ. Т. 25. М.; Л., 1949. Предисловие.

Московский летописный свод конца XV в. С. 7–11.

Там же. С. 382.

Там же. С. 397.

Там же. С. 398.

Там же. С. 403.

ПСРЛ. Т. 18. М., 2007. С. 241.

Московский свод конца XV в. С. 403.

Там же. С. 405–406.

Там же. С. 406.

81

Там же. С. 406–407.

Там же. С. 410.

83

Там же. С. 412.

Там же. С. 413.

Там же. С. 419.

Там же. С. 440.

Там же. С. 445.

Там же.

89

Там же. С. 447.

Там же. С. 448.

91

Там же. С. 449.

Там же. С. 450.

Там же. С. 451.

Там же.

Там же. С. 454.

ПСРЛ. Т. 28. М.; Л., 1963. С. 119, 129, 130 и 287, 299.

Московский свод конца XV в. С. 398; ПСРЛ. Т. 29. С. 130 и 299.

Московский свод конца XV в. С. 403; ПСРЛ. Т. 28. С. 132 и 302.

ПСРЛ. Т. 28. С. 141–147.

100

ПСРЛ. Т. 28. С. 148.

Там же. 313.

Там же. С. 149 и 314.

103

Там же. С. 151 и 316.

Там же. С. 152.

105

Там же. С. 153.

106

Там же.

107

Там же. С. 318.

Там же. С. 150.

109

Там же. С. 150–151.

Там же. С. 151.

111

Там же. С. 317.

Там же. С. 154, 319–320.

113

Там же. С. 160, 327.

114

Там же.

115

Там же. С. 329–330.

Там же. С. 330.

117

Там же. С. 332–333.

Там же. С. 336.

119

Там же.

Панова Т.Д. Некрополи Московского Кремля. М., 2003. С. 26.

ПСРЛ. Т. 23. М., 2004. С. 161.

ПСРЛ. Т. 27. М., 2007. С. 126.

123

Там же. С. 136.

Там же. С. 279, 281, 282, 285, 287, 289.

125

Там же. С. 286–287.

Там же. С. 7.

127

Там же. С. 298.

Там же. С. 365.

129

ПСРЛ. Т. 18. М., 2007. С. 219, 236, 237, 241, 244, 245, 248, 250, 252, 252.

130

Там же. С. 266.

Там же. С. 267, 269, 273.

Там же. С. 269.

133

Там же. С. 270.

Там же. С. 270, 271.

135

Там же. С. 278.

ПСРЛ. Т. 39. М., 1994. Л. 279 об., 281, 293, 299 об., 303, 310.

Воскресенская летопись. Рязань, 1998. Т. 3. С. 208, 226, 227, 231, 234–236, 239, 241–242, 244, 267, 273, 283, 287, 290.

Там же. С. 285, 286.

139

Там же. С. 325, 334.

Там же. С. 283.

141

Там же. С. 285.

142

Там же. С. 310.

143

Там же. С. 321.

ПСРЛ. Т. 12. СПб., 1901. С. 120.

145

Там же. С. 142, 143, 147, 148, 150, 151, 154, 157.

Там же. С. 190.

147

Московский свод конца XV в. С. 329.

Там же. С. 216, 217.

149

Там же. С. 212.

150

Там же. С. 246.

151

Там же. С. 263.

Там же. С. 249.

153

Там же. С. 252.

Там же. С. 257.

ПСРЛ. Т. 20. М., 2005. С. V.

Там же. С. 299.

157

Там же.

158

Там же.

159

Там же.

160

Там же.

161

Там же. С. 339.

Там же. С. 347.

163

Там же. С. 350, 354, 357, 363, 366, 374.

Россия и Италия. Т. 1–3. СПб., 1911; Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными (далее ПДС).Т. 1. СПб., 1851.

Барбаро и Контарини о России. Л., 1971. С 229.

Иностранцы о древней Москве. М., 1991. С. 12.

167

ПДС. Ч. 1.Стб. 1–56.

168

ПДС. Ч.1. Стб. 57–139.

169

Там же. Стб. 30, 35, 82–84.

Каштанов С.М. Социально-политическая история России конца XV — первой половины XVI века. М., 1967. С. 79–168.

Герберштейн С. Записки о Московии. М., 1988. С. 66.

Там же.

173

ПСРЛ. Т. 28. С. 332.

Герберштейн С. Указ. соч. С. 66.

175

Там же.

Панова Т.Д. Указ. соч. С. 27–28.

177

ПСРЛ Т. 28. С. 336.

178

Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.; Л., 1950. С. 353–354.

Герберштейн С. Указ. соч. С. 68.

ПСРЛ. Т. 26. М.; Л., 1959. С. 265.

Герберштейн С. Указ. соч. С. 68.

182

ААЭ.Т. 1. № 172; Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. Л., 1979. С. 109.

183

Базилевич К.В. Внешняя политика Русского централизованного государства. Вторая половина XV века. М., 1982. С. 86–87.

Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. VI. М., 1993. С. 198.

185

Там же. С. 198–199.

Там же. С. 200.

187

Там же. С. 201–202.

Там же. С. 231–232.

189

Там же. С. 231–232.

Там же. С. 211–212.

Там же. С. 239–240.

Там же. С. 213, 252.

193

Там же. С. 248.

Там же. С. 287.

195

Там же. С. 289.

196

Там же.

Там же. С. 308.

Соловьев С.М. Сочинения. Книга III. М., 1989. С. 54–56.

Там же. С. 56.

Там же. С. 56–57.

201

Там же. С. 58.

Там же. С. 59–61.

203

Там же. С. 62.

Там же. С. 74.

Там же. С. 75.

Там же. С. 173.

Там же. С. 185.

Успенский Ф.И. Брак царя Ивана III Васильевича с Софьей Палеолог // Исторический вестник. 1887. Т. 8.

Забелин И.Е. История города Москвы. М., 1995. С. 259.

Там же. С. 606.

Пирлинг П. Россия и Восток. СПб., 1892. С. 9–14.

Базилевич К.В. Внешняя политика Русского централизованного государства. Вторая половина XV в. М., 1952. С. 72–88; *Хорошкевич А.Л.* Русское государство в системе международных отношений конца XV — начала XVI в. М., 1980 и др.

213

Базилевич К.В. Внешняя политика Русского централизованного государства. Вторая половина XV века. С. 85–88.

История СССР с древнейших времен до наших дней. Т. 11. М., 1966. С. 105–141.

Каштанов С.М. Указ. соч. С. 32.

Там же. С. 34–35.

Там же. С. 61–64.

Там же. С. 79–145.

219

Зимин А.А. Россия на рубеже XV–XVI столетий. М., 1982. С. 57, 66, 67.

Там же. С. 68.

Там же. С. 86, 138, 145.

Там же. С. 74.

Скржинская Е.Я. Русь, Италия и Византия в Средневековье. СПб., 2000. С. 161.

Алексеев Ю.Г. Государь всея Руси. Новосибирск, 1991. С. 71.

225

Там же. С. 72.

Там же. С. 94–95.

Там же. С. 140.

Панова Т.Д. Русско-западные связи второй половины XV в. и Зоя Палеолог//Культура славян и Русь. М., 1998. С. 362.

229

Там же. С. 363.

Там же. С. 365.

231

Там же. С. 366.

Там же. С. 366–367.

Там же. С. 368–374.

Панова Т.Д. Великая княгиня Софья Палеолог. М., 2005. С. 5–7.

Там же. С. 33–41.

Шанская Л.Н. Русско-итальянские отношения в конце XV–XVII веке // Италия и Московский двор. М., 2004. С. 10–11.

Моршакова Е.Л. Московский двор при Иване III и Софье Палеолог // Италия и Московский двор. С. 33.

Успенский Ф.И. История Византийской империи. Т. 5. М., 2005.

Панова Т.Д. Указ. соч. С. 9.

Успенский Ф.И. Указ. соч. С. 510–511.

Панова Т.Д. Указ. соч. С. 10.

Успенский Ф.И. Указ. соч. С. 518–520.

243

Там же. С. 523.

Там же. С. 548–549.

245

Там же. С. 519.

История Византии. Т. 3. М., 1967. С. 382–386.

Успенский Ф.И. Указ. соч. С. 525.

Там же. С. 525–546.

249

Там же. С. 505–506.

Там же. С. 551–552.

Пирлинг П. Россия и папский престол. Кн. 1. М., 1912. С. 110–120.

Там же. С. 117.

Панова Т.Д. Великая княгиня Софья Палеолог. С. 49.

Пирлинг П. Указ. соч. С. 117.

Пирлинг П. Указ. соч. С. 158.

Там же. С. 14.

Панова Т.Д. Великая княгиня Софья Палеолог. С. 10–11.

Пирлинг П. Указ. соч. С. 151–154.

259

Дмитриева Н.А. Краткая история искусств. Очерки. Вып. 1. М., 1969. С. 258–259.

Панова Т.Д. Великая княгиня Софья Палеолог. С. 12.

Базилевич К.В. Указ. соч. С. 74–75.

Там же. С. 72–74.

263

Московский летописный свод конца XV в. С. 382.

Базилевич К.В. Указ. соч. С. 73–74.

265

Московский летописный свод конца XV в. С. 382.

Там же.

Пирлинг П. Указ. соч. С. 196–197.

Московский летописный свод конца XV в. С. 382.

Там же. С. 382–398.

Там же. С. 397–398.

Там же. С. 398.

Там же. С. 398–399.

Там же. С. 403.

Пирлинг П. Указ. соч. С. 187.

Там же. С. 49.

Там же. С. 61.

Там же. С. 191.

Там же. С. 68–69.

Там же. С. 194–195.

Панова Т.Д. Великая княгиня Софья Палеолог. С. 17–18.

281

Зимин А.А. Россия на рубеже XV–XVI столетий. С. 105, 178, 180.

Панова Т.Д. Великая княгиня Софья Палеолог. С. 19.

Пирлинг П. Указ. соч. С. 179.

Там же. С. 70.

Панова Т.Д. Великая княгиня Софья Палеолог. С. 19.

Там же. С. 20–21.

Пирлинг П. Указ. соч. С. 78.

Панова Т.Д. Великая княгиня Софья Палеолог. С. 21.

289

Московский летописный свод конца XV в. С. 405.

Там же. С. 406.

291

Псковская II летопись// ПСРЛ. Т. 5. СПб., 1848. С. 242.

Псковская летопись// ПСРЛ. Т. 4. СПб., 1848. С. 244–245.

Пирлинг П. Указ. соч. С. 205.

Псковская летопись. С. 74.

295

Московский летописный свод конца XV в. С. 406.

Там же.

Голубинский Е. История Русской церкви. Период второй. Т. 2. М., 1900. С. 544.

Московский летописный свод конца XV в. С. 406–407.

Италия и Московский двор. М., 2004. С. 34.

Там же. С. 43–44.

301

Московский летописный свод конца XV в. С. 407.

302

Там же.

Там же. С. 407–408.

Иностранцы о древней Москве. Москва XV–XVII веков. М., 1991. С. 8.

Там же. С. 6.

ПСРЛ. Т. 27. С. 365.

307

Иностранцы о древней Москве. С. 7–8.

ПСРЛ. Т. 27. С. 365.

309

Иностранцы о древней Москве. С. 8–9.

Московский летописный свод конца XV в. С. 408–409.

Там же. С. 409–410.

312

ПСРЛ. Т. 6. С. 44.

313

Московский летописный свод конца XV в.. С. 410.

314

Там же.

Базилевич К.З. Указ. соч. С. 84.

Московский летописный свод конца XV в. С. 410–411.

317

Там же. С. 412.

Иностранцы о древней Москве. С. 6–7.

319

Московский летописный свод конца XV в. С. 412.

Там же. С. 413.

321

Иностранцы о древней Москве. С. 8–9.

Там же. С. 9.

323

Московский летописный свод конца XV в. С. 419.

Иностранцы о древней Москве. С. 9.

Московский летописный свод конца XV в. С. 413, 418.

Там же. С. 422.

Там же. С. 423, 438.

Там же. С. 440.

329

Там же.

Там же.

Там же. С. 441.

Там же. С. 440–443.

Там же. С. 445.

ПСРЛ. Т. 20. С. 337.

ПСРЛ. Т. 28. С. 152, 315, 317.

Московский летописный свод конца XV в. С. 445.

Там же. С. 444–445.

Там же. С. 445.

Герберштейн С. Записки о Московии. М., 1988. С. 68.

Там же. С. 447.

ПСРЛ. Т. 18. С. 269; Т. 28. С. 150 и др.

ПСРЛ. Т. 20. С. 339.

343

Московский летописный свод конца XV в. С. 447.

Там же. С. 448.

Базилевич К.В. Указ. соч. С. 107.

Московский летописный свод конца XV в. С. 449.

347

Там же.

ПСРЛ. Т. 28. С. 317.

349

ДДГ.С. 293–295.

Там же. С. 294.

Там же. С. 275–276, 409–411.

Там же. С. 276.

Там же. С. 302, 310.

Там же. С. 312.

Там же. С. 349–350.

Московский летописный свод конца XV в. С. 450.

357

ПСРЛ. Т. 28. С. 318.

Воскресенская летопись. Рязань. 1998. Т. 3. С. 284–287.

359

Иностранцы о древней Москве. С. 12.

Московский летописный свод конца XV в. С. 450.

Там же. С. 450, 451.

Италия и Московский двор. С. 43–45.

363

Воскресенская летопись. С. 286.

ПСРЛ. Т. 28. С. 154.

Базилевич К.В. Указ. соч. С. 84.

Гращенко А.В. Итальянские архитекторы в Кремле // Италия и Московский двор. М., 2004. С. 35.

367

Воскресенская летопись. С. 286, 288; Московский летописный свод конца XV в. С. 452.

Гращенко А.В. Указ. соч. С. 35.

369

Московский летописный свод конца XV в. С. 440–441.

Гращенко А.В. Указ. соч. С. 35.

Там же. С. 36.

Московский летописный свод конца XV в. С. 453.

373

Библиотека иностранных писателей о России. СПб., 1836. Т. 1. Отд. 1. С. 114.

Памятники дипломатических сношений Древней России. СПб., 1851. Т. 1.С. 30.

Там же. С. 35.

Там же. С. 82–84.

Моршакова Е.Л. Московский двор при Иване III и Софье Палеолог // Италия и Московский двор. С. 33.

Там же. С. 34.

379

РИБ. Т.31. Стб.216.

Базилевич К.В. Указ. соч. С. 86.

Там же. С. 86–87.

382

ДДГ. С. 199.

383

ДДГ. С. 361–364.

Разрядная книга 1475–1608. Т. 1. М., 1977. С. 12–20.

385

Там же. с. 21

Там же. С. 43–44.

387

ДДГ. С. 361.

ПСРЛ. Т. 28. С. 158.

389

Зимин А.А. Россия на рубеже XV–XVI столетий. С. 74–75.

ПСРЛ. Т. 6. С. 235, 237.

391

ПСРЛ. Т. 28. С. 317.

392

Московский свод конца XV в. С. 452–453; ПСРЛ. Т. 28. С. 1

393

Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1979. С. 83.

ПСРЛ. Т. 28. С. 154–155.

ПСРЛ. Т. 14. М., 1965. С. 54.

ПСРЛ. Т. 28. С. 158.

Там же. С. 159.

Там же.

Моршакова Е.А. Указ. соч. С. 34.

Там же. С. 45.

401

Там же. С. 46.

Базилевич К.В. Указ. соч. С. 261–264.

403

Там же. С. 265.

Там же. С. 281.

405

ПСРЛ. Т. 28. С. 159.

Панова Т.Д. Указ. соч. С. 26.

ПСРЛ. Т. 28. С. 332.

Там же. С. 159; РИБ. Т. 35. С. 124.

409

Там же.

Базилевич К.В. Указ. соч. С. 330–331

411

Разрядная книга 1475–1605. Т. 1. Л. 18 об.

РИО. Т. 35. С. 239.

Базилевич К.В. Указ. соч. С. 336–337.

РИО. Т. 35. С. 211–212.

415

ПСРЛ. Т. 28. С. 327.

Там же. С. 328–329.

Там же. С. 329.

Там же. С. 329–330.

Каштанов С.М. Указ. соч. С. 36–40.

Веселовский С.Б. Владимир Гусев — составитель Судебника 1497 г. // ИЗ. Т. 5. М.1939. С. 31–47; *Лурье Я.С.* Из истории политической борьбы при Иване III // УЗ ЛГУ. 1941. Т. 80. Вып. 10. С. 9092; *Каштанов С.М.* Указ. соч. С. 87–90 и др.

421

Зимин А.Л. Россия на рубеже XV–XVI столетий. С. 141–145.

Зимин А.Л. Россия на рубеже…. С. 138–139.

423

ПСРЛ. Т. 28. С. 330.

Зимин А.Л. Россия на рубеже… С. 139.

425

ПСРЛ. Т. 28. С. 330–331.

Там же. С. 331.

427

Там же.

Зимин А.Л. Россия на рубеже… С. 164.

429

ПСРЛ. Т. 28. С. 332.

Там же.

431

Там же.

Петров А.С. Иконографическая программа пелен Софьи Палеолог и Соломонии Сабуровой и их место в устройстве Троицкого собора Троице-Сергиева монастыря // Церковное шитье в Древней Руси. М., 2010. С. 236–237.

433

ПСРЛ. Т. 28. С. 332.

434

Разрядная книга 1475–1606. Т. 1. Ч. 1. Л. 13 об., 14 об., 15, 15 об, 16 об., 20, 30.

Там же. С. 5 об., 7 об., 12 об., 15–16, 31.

Там же. Л. 32 об.

Каштанов С.М. Указ. соч. С. 140–141.

Зимин А.Л. Россия на рубеже… С. 197.

439

ПСРЛ. Т. 28. С. 333.

Там же. С. 334–335.

РИО. Т. 41. С. 355–359.

ПСРЛ. Т. 28. С. 336.

Панова Т.Д. Великая княгиня Софья Палеолог. С. 43.

ДДГ. С. 192.

ПСРЛ. Т. 28. С. 334.

Там же.

Там же. С. 336.

Панова Т.Д. Великая княгиня Софья Палеолог. С. 45.

Там же. С. 47–49.

ПСРЛ. Т. 28. С. 337.

451

Там же.

Там же. С. 338.

453

Разрядная книга 1475–1605. Т. 1. Ч. 1. Л. 21 об — 22 об.

Там же. Л. 65.

455

ААЭ. Т.1. №172.С. 142.

ПСРЛ. Т. 25. С. 152, 316.

457

ПСРЛ. Т. 39. Л. 286 об.

Там же. С. 317.

Там же. С. 322, 330, 336, 337.

ПСРЛ. Т. 20. М. 2005. С. 349.

Базилевич К.В. Указ. соч. С. 247.

Государственный архив России XVI столетия. Опыт рек укции. Вып. 1. М, 1978. С. 140.

Лурье Я.С. Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV — начала XVI в. М.; Л., 1960; *Зимин А.А.* Россия на рубеже XV—XVI столетий. М., 1982; *Алексеев А.И.* Религиозные движения в последней трети XIV — начала XVI в. М., 2012.

Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. V–V 1993. С. 246.

Там же. С. 289.

Соловьев С.М. Сочинения. Книга III. М. 1989. С. 61, 180.

Веселовский С.Б. Владимир Гусев - составитель Судебника 1497 г. // Исторические записки. М., 1939. Т. 5. С. 31—47; *Лурье Я.С.* Из истории политической борьбы при Иване III // Ученые записки ЛГУ. 1941. Т. 80. Вып. 10. С. 90—92; *Зимин А.А.* Россия на рубеже... С. 145, 146. Это же мнение выражено в трудах Л.В. Черепнина, С.М. Каштанова и др.

Базилевич К.В. Внешняя политика Русского централизованного государства. Вторая половина XV века. М., 1952.

469

Каштанов С.М. О списках двух неопубликованных летописи дев (1493–1495 гг.) // Проблемы источниковедения. Сб. VIII. Э.С. 465.

Алексеев А.И. Сочинения Иосифа Волоцкого в контексте полемики 1480–1510 гг. СПб., 2010. С. 124.

Зимин А.Л. Россия на рубеже… С. 24, 25, 72, 113, 140, 212–214, 225, 226, 230–232.

Алексеев А.И. Указ. соч. С. 97–148.

473

ПСРЛ. Т. 25. С. 317.

Московский свод конца XV в. С. 333.

ПСРЛ. Т. 18. С. 202.

Алексеев А.И. Указ. соч. С. 93–95.

Там же. С. 95–96.

Там же. С. 139.

Базилевич К.В. Указ. соч. С. 246.

Там же. С. 246–247.

Зимин А.Л. Россия на рубеже… С. 72.

ПСРЛ. Т. 20. С. 349.

483

Московский летописный свод конца XV в. С. 450; ПСРЛ. Т. 24. С. 202–203.

ПСРЛ. Т. 25. С. 317.

ПСРЛ. Т. 28. С. 140.

Московский летописный свод конца XV в. С. 450.

Там же.

Базилевич К.В. Указ. соч. С. 248; *Зимин А.Л.* Россия на рубеже… С. 72.

Там же. С. 254–255.

Зимин А.Л. Россия на рубеже… С. 63–64.

Каштанов С.М. Указ. соч. С. 32–34.

Воскресенская летопись. Т. 3. С. 288–289.

493

Там же. С. 290.

ПСРЛ. Т. 20. С. 354.

495

Даль В. Толковый словарь живого русского языка. Т. 11. М., 1979. С. 83.

ПСРЛ. Т. 20. С. 354–355.

Там же. С. 355.

Зимин А.Л. Россия на рубеже… С. 67.

499

Там же. Л. 303.

500

ПСРЛ. Т. 25. С. 321.

501

Там же. С. 322.

Там же. С. 327.

503

Там же. С. 328–329.

Там же. С. 329.

Зимин А.А. Россия на рубеже… С. 113.

506

Там же. С. 149

Там же. С. 142.

ПСРЛ. Т. 20. С. 366.

509

ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. Вып. 2. С. 530–531.

Панова Т.Д. Софья Палеолог. Цветная вкладка.

Идея Рима в Москве. Рим, 1989. С. 67–68.

Там же. С. 69–70.

513

Там же. С. 70.

Там же. С. 71.

Базилевич К.В. Указ. соч. С. 426–428.

Там же. С. 428; *Зимин А.А.* Россия на рубеже… С. 178.

Базилевич К.В. Указ. соч. С. 450.

Зимин А.А. Россия на рубеже. С. 162.

Базилевич К.В. Указ. соч. С. 433–442.

ПСРЛ. Т. 28. С. 331–332.

521

Соловьев С.М. Сочинения. Книга III. С. 59–61.

Зимин А.А. Россия на рубеже… С. 113.

Веселовский С.Б. Владимир Гусев — составитель Судебника 1497 г. // ИЗ. Т. 5. М., 1939. С. 31–47.

ПСРЛ. Т. 28. С. 332.

Базилевич К.В. Указ. соч. С. 462.

РИО. Т. 41. С. 355–359.

Зимин А.А. Россия на рубеже… С. 184–185.

Алексеев А.И. Указ. соч. С. 97–100.

Алексеев А.И. Религиозные движения на Руси… С. 315, 380.

Забелин И.Е. История города Москвы. М., 1994. С. 154.

Базилевич К.В. Указ. соч. С. 464–466.

ПСРЛ. Т. 20. С. 373.

533

ПСРЛ. Т. 25. С. 337.

Соловьев С.М. Сочинения. Книга III. С. 179–180; *Зимин А.Л.* Россия на рубеже… С. 82–85.

Послания Иосифа Волоцкого. М.; Л., 1959. С. 176.

Зимин А.А. Россия на рубеже… С. 214.

Базилевич К.В. Указ. соч. С. 465.

Там же. С. 493–494.

Зимин А.Л. Россия на рубеже… С. 226.

Каштанов С.М. О списке двух неопубликованных летописных сводов//Проблемы источниковедения. 1959. Т. VIII. С. 460–465.

Зимин А.Л. Россия на рубеже… С. 156–157.

Там же. С. 157; Воскресенская летопись. Т. 2. С. 338–340.

Зимин А.Л. И.И. Пересветов и его современники. Очерки по истории русской общественной мысли середины XVI в. М., 1958.

Щепкина М.В. Изображение русских исторических лиц в шитье XV в. М, 1954. С. 20.

Подобедова О.М. Миниатюры русских исторических рукописей. М., 1965. С. 95–97.

Алпатов М.В. Памятники древнерусской живописи конца XV в. М. 1964.

Государственный архив России… С. 265.

Базилевич К.В. Указ. соч. С. 298–300.

549

РИО. Т. 35. СПб. 1892; АЮЗР.Т. 1. №45; АЗ. Т. 1. №19; Т. 2. № 8, 58; Акты Литовской метрики. Т. 1. Варшава, 1896. Вып. 1. № 357; Вып. 2. № 522, 802; РИБ. Т. IV С. 143–144 и др.

Герберштейн С. Записки о Московии. С. 66.

Карамзин Н.М. Указ. соч. Т. V–VII. С. 272–27'4.

Там же. С. 278–279.

Соловьев С.М. Сочинения. Книга III. С. 102.

Там же. С. 104–111; 114–116.

Там же. С. 116–122.

Там же. С. 214, 217, 232–235.

Бережков М.Н. Елена Ивановна, великая княгиня литовская и королева польская // Труды IX археологического съезда. Вильно, 1893. Т. 11. М., 1897; *Церетели Е.* Елена Ивановна, великая княгиня литовская, русская, королева польская. СПб., 1898. С. 180–205.

Базилевич К.В. Указ. соч. С. 306–312.

Зимин А.Л. Россия на рубеже… С. 98–99.

Там же. С. 103–104.

Там же. С. 164–165.

Там же. С. 194.

Там же. С. 283.

Алексеев Ю.Г. Указ. соч. С. 181.

565

Там же. С. 182.

Московский летописный свод конца XV в. С. 410.

Базилевич К.В. Указ. соч. С. 306.

Там же. С. 308–309.

Там же. С 314–316.

Там же. С. 324-325.

РИО. Т. 35. С. 124.

Базилевич К.В. Указ. соч. С. 332.

Соловьев С.М. Сочинения. Книга III. С. 102–103.

Там же. С. 103.

Там же. С. 332–333.

РИО. Т. 35. С. 168–170.

Там же. С. 182.

Там же. С. 183.

Там же.

РИО. Т. 35. С. 187.

581

Там же. С. 185.

Там же. С. 199.

583

АЗР.Т. 1. №135.

Базилевич К.В. Указ. соч. С. 336–337.

585

РИО. Т. 35. С. 226.

Там же. С. 239.

Базилевич К.В. Указ. соч. С. 366–367.

Там же. С. 367–368.

589

РИО. Т. 41. №54. С. 249.

Базилевич К.В. Указ. соч. С. 366–367.

Там же. С. 372–374.

Там же. С. 375.

РИО. Т. 35. С. 274–275.

ПСРЛ. Т. 8. С. 238.

595

АЗР. Т. 1. №167.

ПСРЛ. Т. 8. С. 238–239.

Макарий, митрополит. История Русской церкви. Т. IX. С. 102–108.

Соловьев С.М. Указ. соч. С. 108–109.

РИО. Т. 35. С. 278–280.

Базилевич К.В. Указ. соч. С. 442.

601

Там же. С. 443–444.

602

РИО. Т. 35. С. 293.

603

Базилевич К.В. Указ. соч. С. 451.

РИО. Т. 41. С. 308–309, 317–318.

Там же. С. 316, 339.

РИО. Т. 41. С. 355–359.

Там же. С. 424–429.

Базилевич К.В. Указ. соч. С. 510.

РИО. Т. 35. С. 368–376.

Там же. С. 372–376.

611

Там же. С. 411.

Там же. С. 463–464.

613

РИО. Т. 41. №92.

Там же. № 93. С. 486–497.

615

РИО. Т. 35. С. 463–464.

Там же. С. 475.

РИО. Т. 35. № 84. С. 481–482.

618

Акты литовско-русского государства (XIV–XVI ст.), изданные М. Довнар-Запольским. Вып. 1. М., 1900. С. 187.

619

Акты, относящиеся к истории Западной России. Т. 2. СПб., 1848. С. 6.

РИО. Т. 35. С. 484–490.

621

Акты Виленского собрания. Т. XXIV Вильнюс, 1897. №16.

АЮЗР. СПб., 1863. № 45.

623

Акты, относящиеся к истории Западной России. СПб., 1848. Т. 2. № 58.

624

РИО. Т. 35. С. 497.

625

Акты, относящиеся к истории Западной России. № 60, 62, 66, 74.

Там же. № 81.

627

Соловьев С.М. Указ. соч. С. 250.

Кузьмин А.Г. Рязанское летописание. М., 1965. С. 255.

629

Вайнсберг Л.Б. Личность Анны Васильевны, великой княгини Рязанской // Труды Рязанской ученой археографической комиссии. Т. IV. Рязань, 1890; РБС.Т. 2. С. 157 и др.

Приселков М.Д. Троицкая летопись. С. 431.

631

Московский свод конца XV в. С. 378; *Кузьмин А.Г.* Указ. соч. С. 262–263.

632

ПСРЛ. Т. XII. С. 11.9.

633

ДДГ. С. 333.

ПСРЛ. Т. XII. С. 245–246.

635

Зимин А.А. Формирование боярской аристократии в России. С. 113.

ПСРЛ. Т. 18. С. 270–271.

637

Зимин А.А. Россия на рубеже… С. 323; РК 1475–1605. Т. 1. Л. 58.

638

Московский летописный свод конца XV в. С. 371; ПСРЛ. Т. 26. С. 290.

639

ПСРЛ. Т. 18. С. 277.

Зимин А.А. Формирование боярской аристократии. С. 57–58.

641

ПСРЛ. Т. 20. 4.1. С. 366.

642

Зимин А.А. Формирование боярской аристократии в России. С. 99.

643

РК 1475–1605. Т. 1. Ч. 1 Л. 21 об.

Зимин А.А. Формирование боярской аристократии. С. 124.

Там же. С. 125.

РК 1475–1605. Т. 1. Ч. 1. Л. 28 об, 36 об, 49.

Там же. Л. 124.

Зимин А.А. Формирование боярской аристократии. С. 124.

649

Там же. С. 267.

Там же. С. 270.

651

Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси. Ч. III. М., 1964. С. 354, 367.

Там же. С. 324, 328.

Там же. №. 333, 334, 326, 328–331.

ПСРЛ. Т. VI. С. 46.

655

Акты социально-экономической истории северо-восточной Руси. Т. III. С. 336, 345, 346, 362, 368, 371, 372, 375, 379.

Кузьмин А.Г. Указ. соч. С. 269–271.

Герберштейн С. Записки о Московии. М., 1988. С. 87.

Скрынников Р.Г. История Российская. IX–XVII вв. М., 1997. С. 235–236.

Зимин А.Л. Русские летописи и хронографы конца XV–XVI вв. М, 1960.

ПСРЛ. Т. 28. М.; Л.Д963.

661

Воскресенская летопись. Т. 3. Рязань, 1998. С. 323–324.

Герберштейн С. Записки о Московии. М., 1988. С. 86–87.

Там же. С. 55–56.

Герберштейн С. Указ. соч. С. 87.

665

Московский летописный свод конца XV в. Рязань, 2000. С. 366.

ДДГ. С. 196, 243.

667

Зимин А.Л. Формирование боярской аристократии в России… С. 191.

Московский летописный свод конца XV в. С. 424–428.

669

ПСРЛ. Т. 12. С. 232.

670

Разрядная книга 1475–1605. Т. 1. Л. 9, 9 об.

Зимин А.Л. Формирование боярской аристократии в России… С. 193.

Там же.

673

Разрядная книга 1475–1605. Л. 46об. — 47.

Там же. Л. 54–54 об.

675

Зимин А.Л. Формирование боярской аристократии в России… С. 193.

Там же.

Там же. С. 42.

Там же. С. 137.

Разрядные книги 1475–1606. Л. 51.

Зимин А.Л. Формирование боярской аристократии в России… С. 138.

681

ПСРЛ. Т. 28. С. 340.

Там же. С. 341–342.

683

Там же. С. 341.

Там же.

685

Там же. С. 342.

ПСРЛ. Т. 28. С. 346.

687

Петров А.С. Иконографическая программа пелен Софьи Палеолог и Соломонии Сабуровой и их место в устройстве Троицкого собора Троице-Сергиева монастыря // Церковное шитье Древней Руси. М., 2010. С. 240–242.

Там же. С. 348.

689

Там же. С. 355.

Псковские летописи. Вып. 1. С. 102–103.

691

РИБ. Т.31. Стб. 163.

Зимин А.А. Россия на пороге нового времени… С. 294.

Там же. С. 294–295.

ПСРЛ. Т. 8. С. 271.

Зимин А.Л. Россия на пороге нового времени… С. 295.

ПСРЛ. Т. 20. С. 103.

АИ. Т. 1. СПб., 1841. № 129.

Там же. № 130. С. 191–192.

699

ПСРЛ. Т. 24. С. 222–223.

Герберштейн С. Указ. соч. С. 87.

701

ПСРЛ. Т. 26. С. 313.

Карамзин Н.М. Указ. соч. Т. 7. Примечание 280.

703

АИ. Т. 1. № 131. С. 192–193.

*Герберштейн С.*С. 87.

705

Видонова Е.С. Детская одежда начала XVI в. // Краткое сообщение Института истории материальной культуры АН СССР. Вып. 36. М.; Л., 1941. С. 68–75.

Тихомиров К.Н. Великая княгиня Соломония // РС. Т. XVI. Кн. 6.1876. С. 383–394.